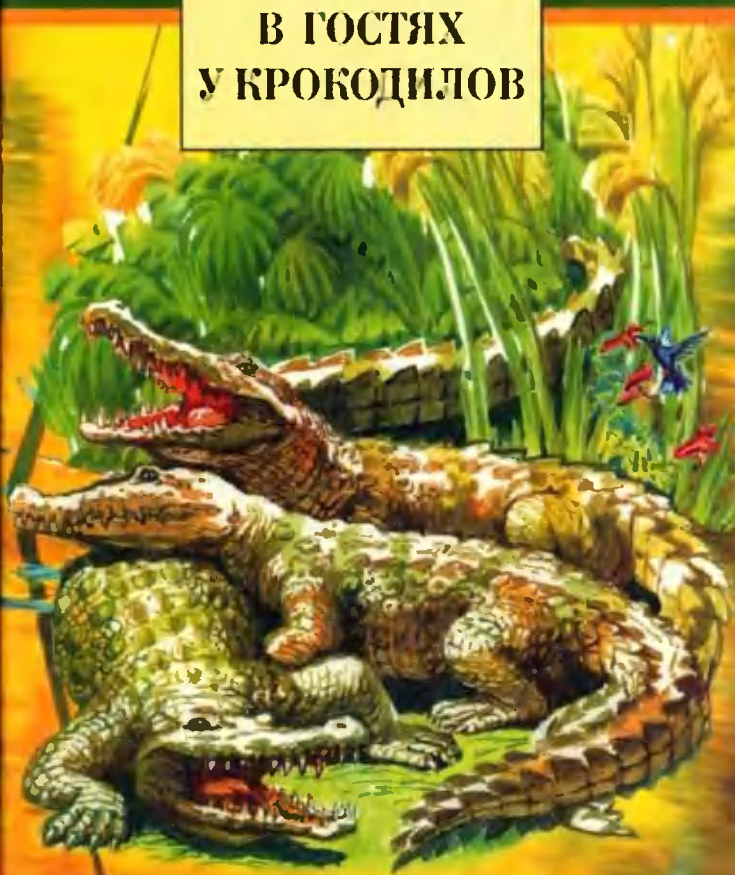
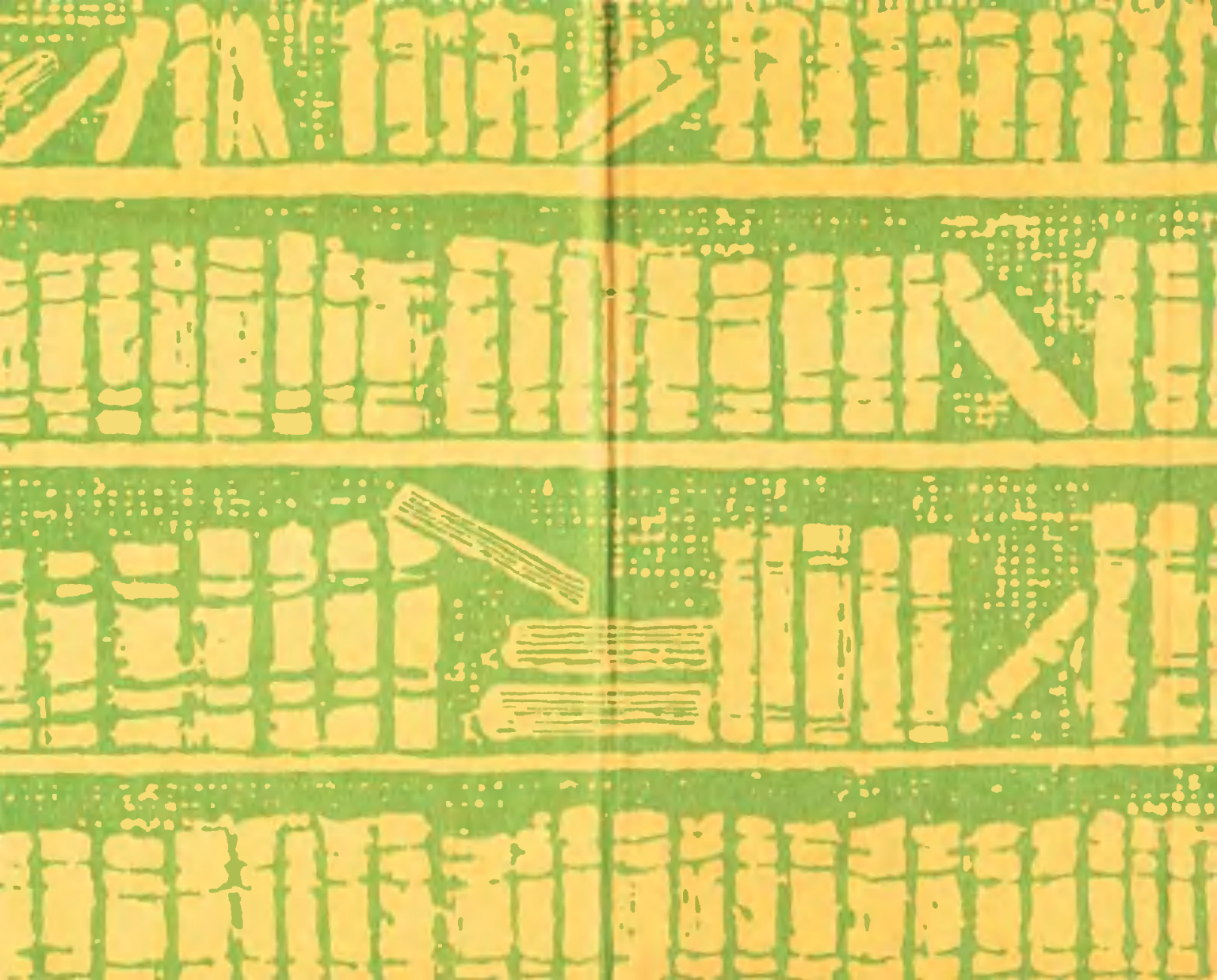

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Святослав Сахарнов
**В ГОСТЯХ
У КРОКОДИЛОВ**

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

СВЯТОСЛАВ САХАРНОВ
В ГОСТЯХ У КРОКОДИЛОВ

РАССКАЗЫ И СКАЗКИ

Рисунки А. Аземши

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
2000

Предисловие
О. ОРЛОВА

Оформление серии
С. ЛЮБАЕВА

Портрет автора выполнен художником
А. КУМАНЬКОВЫМ

Рисунок на обложку
А. МИЛОВАНОВА

«ПИШИТЕ КАЖДЫЙ ДЕНЬ, ВСЮ НЕДЕЛЮ...»

Святослав Владимирович Сахарнов родился 12 марта 1923 года в городе Артёмовске на Украине. Его мать и отец умерли рано. Воспитывала мальчика старшая сестра.

Рос как все мальчишки: любил до темноты гонять в футбол, любил читать книги, особенно о приключениях, путешествиях.

В степном городе Харькове, где всей-то воды — три небольшие речки, мечтал о море и кораблях.

В 1940 году поехал в Ленинград сдавать экзамены в Высшее военно-морское училище.

Первое плавание не оказалось таким далёким — по Ладожскому озеру на шхуне «Учёба». Но зато шхуна — настоящий парусник, с высокими мачтами, с деревянной, пахнущей смолой палубой.

Великая Отечественная война застала на первом курсе училища. Фашисты окружили Ленинград, под городом завязались жестокие бои. Курсантов послали было на фронт, но осенью их уже было приказано эвакуировать на Большую землю. Ушли пешком через Ладогу по Дороге жизни.

© Издательство «Детская литература».
Состав, оформление серии, 2000
© С. Сахарнов. Текст, 1983
© А. Аземша. Рисунки, 1983
© О. Орлов. Предисловие, 2000

Училище заканчивали в Баку. И сразу — на действующий флот, на боевые корабли. Сахарнов попал на Чёрное море.

И вот — Малая земля, та самая, легендарная... Тральщик, на котором начал службу Сахарнов, идёт к Новороссийску. Там, где гора Дооб, где маяк, тральщик сворачивает круто в море. Он шёл туда, где голубая полоска берега обрывалась, где был вход в Цемесскую бухту. Всю ночь корабль, затемнённый и насторожённый, ходил переменными галсами. У орудий и пулемётов наготове стояли матросы. Они всматривались в темноту: не идёт ли враг? Берег Малой земли вспыхивал зарницами артиллерийских залпов, светил багровыми огнями пожаров.

Тральщик охранял от фашистских кораблей занятый нашим десантом берег.

Здесь, под Новороссийском, Сахарнов после нескольких боёв получил первый орден — Красного Знамени.

С наступающей армией он прошёл берегами Чёрного моря от Новороссийска до Севастополя, Одессы и далее — к румынским, к болгарским портам, освобождая земли, захваченные гитлеровцами.

После Великой Отечественной воинский эшелон повёз Сахарнова на восток, где началась война с империалистической Японией. Снова рейды наших кораблей, но теперь уже в занятые врагом северо-коре́йские порты Расин и Сейсин — высадка десантов.

Война закончилась. Сахарнов продолжает службу на Дальнем Востоке на торпедных катерах.

Он был штурманом, начальником штаба. Через несколько лет его направили учиться в Ленинград. В Ленинграде в Морском институте защитил диссертацию и получил учёную степень кандидата военно-морских наук.

В Ленинграде же начал писать первые рассказы и сказки.

Один из рассказов попал к писателю Виталию Бианки. В общежитие, где жил молодой офицер, пришло письмо:

«Приходите, побеседуем, что хорошо, что плохо в вашем рассказе. Принесите что-нибудь новенькое. Предварительно позвоните. Жму руку.

Ваш Виталий Бианки».

Письмо очень обрадовало Сахарнова: книги Бианки он с детства любил, читал и перечитывал...

Сказка, которую принёс Сахарнов в тот памятный день знакомства с Бианки, была о жителях морского дна.

Виталий Валентинович читал её внимательно. Сначала хмурился, потом удивлённо поднял брови и наконец заулыбался. Видя это, повеселел и молодой автор.

Кончив читать, Виталий Валентинович сложил листки.

— Очень плохо, — с явным удовольствием, почти радостно сказал он. — Ах, как плохо!

Сахарнов вспоминает, что, услышав это, покачнулся на стуле. Как же так? Ведь Бианки улыбался...

— Будем учиться, — сказал Виталий Валентинович. — Сколько вы проживёте в Ленинграде? До осени? Значит, впереди у вас — год... Садитесь за стол и пишите... Пишите каждый день, всю неделю, а по субботам в шестнадцать часов будете приходить и читать, что написали. Через год вы должны сделать книжку — «Морские сказки».

И книжка вышла. «Морские сказки» издавались и переиздавались. Только спустя много лет понял Сахарнов, чему радовался старый писатель, читая его первую сказку: подводный мир, о котором писал Сахарнов, был для него, для Бианки, миром непознанного...

«Морские сказки» — это изящная смесь выдуманного и реального. Фантастичны положения, в которые попадают реальные, существующие в глубинах океана животные. Но какая настоящая сказка без реального? И без фантастики? В этих сказках читателю открывается мир, лежащий совсем рядом и в то же время такой новый. Его обитатели тоже имеют свои характеры, они дружат или воюют друг с другом. И здесь, под водой, происходят преисполненные события. Плывёт, например, морской петух — тригла, опустился на дно, шесть кривых шипов выпустил и уже идёт как на ходулях. Пешком!

На разные вопросы можно найти ответ в этой книге: куда прячутся во время отлива морской ёж, рак-отшельник и рыбка-бычок? Как хищница — морская звезда поедает свою добычу?

Не хотел маленький крабик сначала прятаться в узкую щель. Плохой, мол, это дом — тёмный да тесный. Решил в другом месте укрыться. А там за ним стали охотить-

сы и огромный осётр, и катран-акула, и скат — морская лисица. Пришлось крабишке назад в каменную щель вернуться. Так этот дом оказался для него лучшим.

Много и других занятных историй в этой книжке: и приключения рачишки-чилима, и любопытного ласкиря, и простоватого, доброго кита, и похождения рака, не совсем справедливо прозванного «мошенником». А в основу сказок Сахарнова легли собственные наблюдения.

...Впервые под водой он побывал в 1948 году. Было это в Японском море. Нужно было кому-то спуститься под воду, осмотреть винты у торпедного катера. Водолаза не было. Сахарнов облачился в тяжёлый водолазный костюм и опустился под воду. И увидел этот таинственный мир, изучению которого посвятил потом многие годы, — мир морских глубин, морских животных. С тех пор, с того первого раза, он погружался под воду на многих морях и океанах — в водолажном костюме, с аквалангом, просто с маской и ластами.

Две первые книги Сахарнова — «Морские сказки» и «Зелёная рыбка» — Бианки успел увидеть (они вышли в 1958 году), прочитал и написал статью, представляя среди других молодых писателей, пишущих о природе, и Сахарнова.

Но когда статья увидела свет, фамилия Бианки стояла под ней в траурной рамке...

Между прочим, жанр первой книги надолго, собственно на всю писательскую жизнь, определил интерес Сахарнова к сказке. В последующие годы он напишет: «Гак и Буртик в Стране бездельников», «Рам и Рум», «Сказка о львах и парусниках», «Слоны и чернильницы», соберёт привезённые из дальних стран, переведёт и перескажет «Сказки из дорожного чемодана». Будет и дань обычной литературной сказке (страна, в которой «всё наоборот», — Страна бездельников), и попытка рассказать дошкольнику о кибернетике (люди-роботы Рам и Рум), и просто каскад весёлых приключений, где действие происходит стремительно, как в мультипликационном фильме (львы, слоны, парусник). А что касается сказок других народов, то эта работа закончится обработкой великого индийского эпоса «Рамаяна».

А пока первая книга. «Морские сказки» — море, морские обитатели. Но писатель — моряк профессиональный.

И он конечно же не мог ограничиться только этим. Ему нужно было рассказать (раз уж рассказывать о море) и о том, какие корабли по морям плавают, и как корабли устроены, и какие морские путешественники море изучали, и какие есть морские профессии, и ещё тысячи всяких историй про море, потому что тема эта поистине неисчерпаема, как сама история исследования моря человеком.

После выхода первой книги слова Бианки: «Пишите каждый день...» — Сахарнов поставил в основу своей писательской жизни. Труд, труд и труд...

В 1960 году выходит его книга «Человек под водой». В 1961-м — «Злой узел». В 1963 году — «Мартышкина бухта». В том же году — «Разноцветное море» и «Путешествие на «Тригле»...

Обратим внимание на название последней — «Путешествие...». В большую морскую тему писателя, естественно, входят путешествия. И действительно, как расширить свои знания о морях и океанах не путешествуя?

Путешествие на Курильские острова. На Север — Канин Нос, Шойма. На Кубу. В Африку, в Танзанию. В Индию. На Командорские острова. Снова на Чёрное море.

Путешествия стали основой многих последующих книг писателя. Путешествия и приключения, которые всегда поджидают пытливого наблюдателя в других странах. «В гостях у крокодилов», «Белые киты», «Осьминоги за стеклом», «Дорога на Багамой», «Друг Тембо», «Что я видел в Танзании», «Заколдованные острова», «Цунами»...

Писатель погружается под воду на коралловом рифе под Дар-эс-Саламом, с проводником углубляется в джунгли Индии, бродит среди крокодилов в заповеднике Гуама на Кубе. А уж сколько приключений было на Курильских островах! Заблудился в зарослях бамбука, где обитали медведи, едва выбрался к жилью, попал в цунами...

Но можно подумать, что, путешествуя и рассказывая в своих книгах об этих путешествиях, писатель начинает изменять любимой теме — морской.

Нет, морской теме Сахарнов не изменяет на протяжении всего своего творчества. Просто расширяется мир интересов писателя, круг тем. Морская же по-прежнему интересует его постоянно. Итог этих интересов и пятнадцати лет работы — Детская морская энциклопедия «По морям вокруг Земли». Книга, где про море есть всё-всё-всё... Про корабли и про китов. Про компасы и про флаги. Про загад-

ки моря и легендарного Морского Змея. Про современный океанский лайнер, такой, как «Иван Франко», и про корабли-революционеры — «Потёмкин» и «Аврору».

Всё, что относится к морю и представляет интерес для читателя, — всё можно найти в этой книге, написанной с выдумкой, потому что это ведь не просто энциклопедия, не просто сухое собрание различных справок о том о сём. Нет! Это рассказы, сказки, шутки, загадки и, главное, — кругосветное путешествие. Вся книга — плавание по всем морям и океанам. Вокруг света... Когда читаешь эту книгу, словно ощущаешь: вдруг вернулось детство, те дни, когда ещё так мало знаешь и когда всё — радость узнавания.

Детскую морскую энциклопедию перевели во многих странах мира.

Не менее интересна и познавательна книга Сахарнова «Слоны на асфальте». В этой книге — взволнованность писателя судьбами всего живого — и на море и на суше.

Как же Сахарнов пишет?

Его мир — это по преимуществу мир красок. В нём мало запахов и не очень много звуков. Зато краски подмечаются охотно, они яркие и чистые:

«По небу плыли красные перья облаков».

«Шхуна окуталась густым зелёным дымом».

«Среди мелких камней торчали мелкие рыжие водоросли».

«Дымила красноватая земля. Зелёная щетинка трав была в трещины тротуаров...»

Недаром в его книгах цвет — даже в названиях многих рассказов, глав: «Какого цвета море», «Разноцветное море», «Зелёный слон» и так далее.

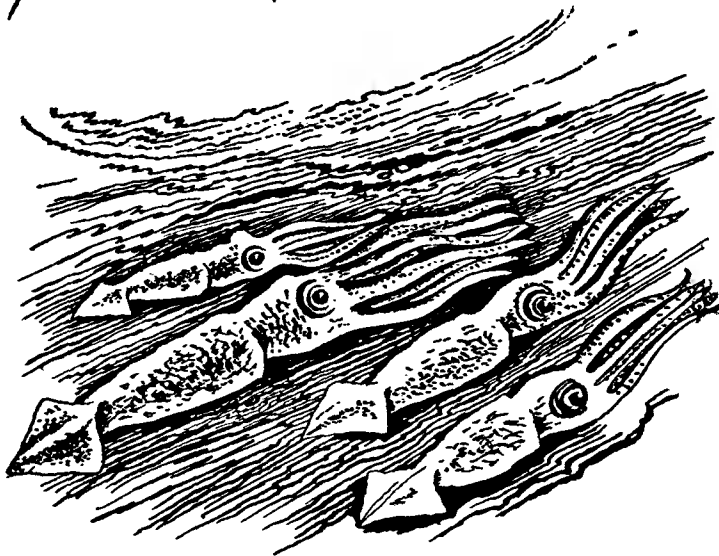
Разгадка проста — мир, полный красок, но без запахов, с редкими звуками, это мир водолаза. Таким Сахарнов запомнил его и перенёс это удивительное восприятие жизни на всё, что описывает.

«Пишите каждый день...» — эти слова Виталия Бианки стали правилом для писателя. Иначе не успеешь рассказать всё, что видел, не поведёшь читателя в мир, который уже открылся тебе, — такой загадочный, незнакомый, беспокоящий.

О. Орлов

РАЗНОЦВЕТНОЕ МОРЕ

ДЕЛЬФИНИЙ ОСТРОВ

ПРИЕХАЛИ

Моторная лодка ударилась с ходу о причал и остановилась. Матросы выскочили из неё и привязали лодку к чугунному столбику — кнехту.

Мы приехали на остров. Здесь живут дельфины. Не на земле, конечно, а в воде. На земле живут учёные, которые изучают морских зверей.

— О, туда стоит ехать! — говорили мне на прощание друзья. — Дельфин — это знаешь что такое? Это удивительное животное. Хищный подводный зверь, а приручается, как собака.

И я поехал, чтобы написать эту книжку.

ВАЛЕРИЙ

На причале нас встретили учёные. Они были все молодые и с бородами. Самый бородатый сказал:

— Ещё один гость к дельфинам? Ну что ж, живите, знакомьтесь. Могу вам дать провожатого. Валерий — дельфиний доктор, — показал он на белобрысого парня в докторском халате. — Для начала он поможет вам отнести в комнату вещи.

На берегу стояло несколько домиков.

— Очень приятно! — сказал я. — Какие там вещи: чемодан, спальный мешок, пишущая машинка, рюкзак.

Учёные переглянулись.

— Тащи, Валерий! — сказал самый бородатый.

Я понял, что это начальник.

Когда мы с Валерием отнесли вещи, я спросил:

— Теперь к дельфинам?

Валерий покачал головой:

— Не спешите, сначала я покажу вам остров. Пойдёмте!

Остров оказался небольшим. Он был круглый и плоский, как блюдо. Мы шли вдоль берега по краю обрыва. Внизу громоздились камни. За ними зеленело море.

На потемневших от воды камнях сидели пучеглазые крабы. Они прищёлкнували и сучили клешнями около рта — ели.

Посередине острова торчала каменная башня маяка. Мы двигались вокруг неё, как стрелки.

— Что это там блестит? — спросил я про башню.

— Фонарь. На картах про наш маяк сказано: переменный. Ночью посмотрите, как он светит. Красиво!

Мы шли по узкой тропе. Она то спускалась к самой воде, то поднималась вверх и уходила в степь. Степь курилась жёлтой дымкой. В сухую, пожелтевшую от зноя траву с шорохом уползали змеи.

— Желтопузик! — сказал Валерий про коричневую, с круглой головой змею. — Леопардовый полоз! — про жёлтую с чёрными пятнами. — Да вы не бойтесь: ядовитых здесь нет.

— Я вижу, вы и по змеям специалист.

— Немного, — усмехнулся Валерий. — Я ведь ветеринар. Когда-то лечил кошек. Потом надоело, бросил. Был пожарником, медицинским братом в сумасшедшем доме. А теперь снова вернулся к зверям... Ну, вот мы и обошли весь остров. Вон вольер!

Вольер — клетка из сетей. Она стояла у берега в маленькой бухте. Бухта была такая узкая, что волны с моря не заходили в неё. Откипев, они гасли у входа.

Вольер был собран из железных сетей. От солёной воды металл покраснел. Багровые блики плясали под мостками. Мостки шли вдоль вольера. Они качались на поплавках — гулких металлических бочках. Когда бочки сталкивались, по вольеру шёл низкий стонущий звук — бомм-м!

С берегом вольер соединяли неширокие сходни. Мы прошли по ним.

— Вот и дельфины! — сказал Валерий. — Видите?

Я ничего не видел. Я только слышал, что рядом кто-то тяжело дышит: пых! пых!

Наконец у самых моих ног из воды показалась блестящая чёрная спина. В том месте, где спина переходила в голову, вдруг что-то провалилось — получилась дырка. Из дырки вылетел вверх фонтанчик брызг, и животное шумно вздохнуло: пых!

Потом дырка захлопнулась, и зверь погрузился в воду.

— Да разве его так разглядишь? — сказал я. — Ну что мне спина!

— А вы посмотрите направо.

Я повернулся. Справа на меня смотрело изпод воды бело-голубое, похожее на рыбу животное. У него была удлинённая птичья морда и тёмные внимательные глаза.

Дельфин не шевелился.

Насмотревшись на меня, он так же спокойно погрузился. Пошёл к себе домой. На дно.

МАЛЫШ, ПИРАТ И ДРУГИЕ

Валерий сказал, что никакого дома на дне у дельфинов нет. Их дом — верхний, пронизан-

ный солнечным светом слой воды. Граница моря и воздуха. Здесь они носятся, то погружаясь в прохладный полумрак, то поднимаясь к поверхности.

— Малыш... Макс... Шустрый... Русалка... Пират, — называл мне Валерий дельфинов по именам.

— Как вы их различаете?

— То есть как? — удивился он. — Они же разные. Малыш — дельфинёнок, он меньше всех. Русалка — его мать, они плавают вместе. У Макса на спине белое пятно. Шустрый — с зазубриной на плавнике. У Пирата на голове три царапины — его весной укусил Макс.

Я хотел было спросить, за что так называли Пирата, но решил: успею.

Принесли мороженую рыбу. Высунув из воды головы, дельфины ждали. У самых их хвостов бродили стайки зеленоватых кефалей, но дельфины не обращали на них никакого внимания. Они ждали, когда сторож бросит им в воду оттаявших в ведре, дряблых рыбин.

«Наверное, они не очень хищные», — подумал я.

БЕЛАЯ ШЛЯПА

Поев, дельфины собрались около меня. Они высывались из воды и стояли как столбики, сильно работая хвостами.

— Это они на вас смотрят, — сказал Валерий.

— Почему?

— А вы не такой, как надо. Ведь мы тут все одинаковые: в коротких штанах, загорелые, с непокрытыми головами. А вы...

Я посмотрел на своё отражение в воде. Брюки до пола. Кожа белая. На голове шляпа. М-да! На

голове у меня была прекрасная широкополая шляпа из белого войлока, с кисточками по краям.

— Пожалуй, с точки зрения дельфинов, я действительно выгляжу чучелом, — сказал я. — Ладно, штаны я сменю, загар ко мне липнет быстро, но шляпа... Простите, я человек северный, мне надо беречь голову от солнца. Я не могу одеваться так, как хочется этим зверюгам. Пусть привыкают.

Дельфины продолжали смотреть на меня.

Так началась моя жизнь на острове.

ТРЯПОЧКА

Я приходил каждый день в вольтер, садился на мостки и смотрел. Я старался понять дельфинов.

Оказалось, что они очень любят играть. У каждого была своя любимая игрушка. Макс больше всего любил плавать с красным мячом. Шустрый — таскать в зубах обруч. У Пирата главная забава была тряпочка.

Кто уронил её в вольтер, неизвестно. Простая чёрная тряпочка. Она лежала на дне. Пират подплавывал, поддевал носом и мчался с ней по вольтеру. Он мчался, а чёрный лоскут лежал у него поперёк морды. На глазу. Совсем как повязка у разбойника. Ясное дело — Пират.

Надоест Пирату лоскут на морде таскать, сбросит его и сейчас же — оп! — поддел плавником. Развевается тряпочка на плавнике.

Плывёт Пират, сбросит тряпочку — оп! — подцепил хвостом. На ходу, не оглядываясь. Таскает на хвосте.

Надоело ему носиться, круто хвостом загрёб, затормозил, как матросы вёслами останавлива-

ют шлюпку, и застыл на месте. Тряпочка слетела с хвоста, медленно пошла на дно.

Там ей и лежать.

ДЕЛЬФИНЫ И ЗМЕИ

В вольер часто заплывали змеи — чёрно-красные ужи, которые водились в бухте. Сначала дельфины им очень удивлялись. Однажды Пират подплыл к одному ужу и толкнул его кончиком носа. Он решил, что это новая тряпочка.

Уж как зашипит! Завертелся, завился — и в сеть. Вплёлся в стальные кольца и повис, как вопросительный знак, над водой. Висит уж, раскачивается. Головой как молоточком: взад-вперёд, взад-вперёд.

Долго Пират вертелся около него. Всё пытался понять — можно с этой тряпочкой играть или нет? А уж опять: ш-ш-ш-шшш!

На том дело и кончилось. Теперь змеи сами по себе, дельфины — сами. Плавают, друг другу не мешают.

МАКС В УПРЯЖКЕ

Около домика, где жил главный учёный, висел кусок рельса на проволоке.

Каждое утро, ровно в девять часов, дежурный ударял по рельсу железной палкой: донг!

Начинался рабочий день.

К рельсу сходились учёные. У них был очень озабоченный вид. Я тоже приходил и смотрел, что они делают.

Учёные изучали дельфинов.

— Как вы думаете, — спросил меня однажды

Валерий, — кто быстрее: пароход или дельфин?

— Наверное, пароход, — осторожно ответил я.

— Вот и нет. Дельфин запросто обгоняет судно. А кто сильнее?

— Станный вопрос. Конечно, судно.

— Правильно. Так как же может слабый дельфин плавать быстрее сильного корабля?

Этого я не знал.

— Этого не знает никто, — сказал Валерий. — Конечно, дельфины обтекаемые: они во-ду как ножом режут, но всё-таки...

Мы стояли около длинного ящика с водой. В ящике неторопливо плавал Макс. Он тяжело вздыхал и поглядывал на нас тревожным глазом.

К ящику подошли двое бородатых учёных. Они надели на Макса хомут. К хомуту привязали вожжи. Макс послушно потянул. Свободные концы вожжей были прикреплены к пружинным весам. Стрелки весов поползли вверх.

Бородатые учёные стали записывать, как сильно отклоняются стрелки.

— Главное, что он не сильный, а проворный! — сказал я.

Учёные усмехнулись.

— А что такое «проворный»?

Я пожал плечами.

ДЕЛЬФИНЫ И СОБАКИ

Как-то я сидел на мостках, свесив ноги, и смотрел, как играют Шустрый и Макс.

Вдруг в вольере появились собаки — дворняжка, овчарка и большой белый пудель. Они шли гуськом. Обойдя вольер, собаки сели рядом со мной.

«Прогнать их, что ли?» — подумал я. Собак в вольер не пускали — калитка у входа была всегда закрыта на крюк.

Заметив собак, к нам подплыла Русалка. Подплыла и уставилась из-под воды внимательным взглядом. Подплыли ещё дельфины.

Я взял из ящика, где лежали игрушки, палку-поноску и, широко размахнувшись, швырнул её в воду. Русалка и Макс кинулись за ней.

Они мчались, выскакивая из воды. Первым подлетел к палке Макс. Он схватил её в зубы и повернул назад. Около моих ног Макс остановился и, не выпуская палки из зубов, высунулся из воды.

Он возвращал поноску.

Овчарка и пудель заворчали. Шерсть на их загривках поднялась дыбом. Собаки вскочили и, упираясь лапами в дощатый настил, свирепо залаяли.

Из домиков на берегу высыпали люди. Они бежали к вольеру.

Первой заметила их дворняжка. Она призывно тявкнула и опрометью бросилась на берег. За ней, оглядываясь и огрызаясь, потрусили овчарка и пудель.

— Кто тут развёл беспорядок? Кто не закрыл за собой калитку? Кто не догадался прогнать собак?

Начальник спрашивал, свирепо шевеля бородой. На меня он не смотрел.

«Может прогнать с острова, — подумал я. — Что ему стоит?»

Но начальник уже улыбался.

— До чего любопытно! — сказал он. — Только собаки веками таскали человеку поноску. Только они были верными друзьями людей. И вдруг какие-то морские звери!.. Конечно, собаки обиделись.

— А вот кошки... — начал Валерий. — Когда я занимался кошками...

Но начальник его перебил:

— Знаю, знаю. Кошки тоже интересны, но не так.

— Ещё лошади всегда были друзьями, — сказал я.

«ИДИТЕ ВСЕ СЮДА!»

— Вы ни разу не плавали с дельфинами? — спросил меня как-то Валерий. — Немедленно полезайте.

Я надел маску, сунул в рот загубник дыхательной трубки и боком, как краб, полез с мостков в воду. Лез, лез и сорвался. С плеском, в туче пузырей ушёл на дно. За стеклом маски вспыхнуло голубое сияние.

И вдруг мне послышалось комариное: пи-ии! Пи-ии!

Может, это кровь шумит в ушах?

Нет, звуки повторились. Тоненькие-тоненькие.словно иголки. Комары не унимались, они подлетали ко мне с разных сторон.

Пи-ии! — сзади.

Пи-ии! — спереди.

Пи-ии! Пи-ии!

Я повернулся направо, откуда доносился самый громкий писк. Из голубого сияния ко мне приближался Пират. Он приближался очень медленно, с плотно закрытым ртом. Но я сразу понял: пищит он. Больше пищать было некому.

Пират издал длинный звук: пи-ииии-ии!.. И появились ещё дельфины. Они появились внезапно, словно выныривая из-под зелёного занавеса. Бело-голубые, сияющие отражённым све-

том, звери стремительно приближались и, когда казалось, вот-вот столкнутся со мной, лёгким движением хвоста изменяли направление и проносились мимо.

Поплавав с дельфинами, я выбрался на мостки.

— Что они там делают? — спросил Валерий.

— Пицат.

— Вот так: пи-иии-пиии?.. Знаете, что это значит?

— Да что-нибудь вроде: «Здесь тот чудака в белой шляпе». Да?

— Не совсем. Это значит: «Идите все сюда!»

И он рассказал мне такую историю.

КОПЧЁНЫЙ

Когда вольер только построили, в него пустили первую партию дельфинов.

Их отловили в море. Это были шесть больших дельфинов-афалин.

Вожак у них был Копчёный. Так его прозвали за тёмную, отливающую чёрным цветом кожу. Копчёный был больше своих товарищей. Они плавали за ним следом, уступали рыбу, которую бросали им в вольер, терпели его укусы.

У Копчёного был сварливый, непокорный нрав, и из-за этого вся стая плохо приручалась.

Однажды к вольеру подошёл катер. Стоявший на носу матрос бросил якорь, но не рассчитал, и лапа якоря задела сеть.

— Эй, на вольере! — крикнул он. — Проверьте, ничего я не порвал?

Подошли люди, спустились под мостки и увидели, что якорь, падая, пробил в сети большую дыру.

— А Копчёный-то уж здесь! — сказал кто-то.

К месту пробоины подплывал тёмный дельфин. Он приближался осторожно, покачивая головой из стороны в сторону, словно обследуя сеть.

Заметив дыру, он остановился и издал долгий торжествующий писк: пии-иии-иии!

Стая была в другом конце вольера. Услышав призыв, дельфины мгновенно бросились к Копчёному. Они подплывали один за другим и, не раздумывая, проскакивали через дыру. Первый... Третий... Наконец, Копчёный остался один. Люди на мостках решили отпугнуть его, отогнать от дыры. Они стали кричать и ударять палками по сети.

Копчёный лениво шевельнул хвостом и, не обращая внимания на шум, тоже проскользнул в отверстие.

— Так мы впервые слышали, как дельфины переговариваются друг с другом, — сказал Валерий.

МАЛЕНЬКИЙ НАЕЗДНИК

Малыш появился в вольере за месяц до моего приезда.

Он родился под водой. Поддев слабое тельце мордой, мать вытолкнула новорождённого на поверхность. Дельфиненок сделал первых вдох и, дернув хвостом, поплыл.

— Но умный был с первого дня! — рассказывал Валерий. — Вы обратили внимание, как он плавает?

Я стал наблюдать за дельфинёнком.

Малыш не отставал от матери. Он то преследовал её по пятам, то вертелся перед самым носом, но когда уставал, то всегда подплывал сверху, становился около спинного плавника и,

почти не двигая телом, мчался вместе с Русалкой, словно привязанный к ней верёвочкой.

— Ишь уселся! — говорил Валерий.

Малыш мчался, будто в седле. Он летел, увлекаемый движением матери, держась на невидимых глазу струях воды.

КАК ЛЕЧАТ ДЕЛЬФИНОВ

Однажды Малыш заболел.

То ли он простудился, то ли съел что-то не то, но он захандрил: стал вялый, по коже у него пошли белые язвенные пятна.

И тогда я увидел, как лечат дельфинов.

— Помогите, — попросил меня Валерий. — Нужен человек нести носилки.

— Хорошо, — согласился я.

Двое сторожей притащили сеть. Они опустили её в вольер и повели, сгоняя дельфинов в один угол. Они вели её, как рыбаки невод.

Встревоженные звери отступали.

Валерий в маске и ластах полез в воду.

Дельфины сгрудились около сети. Валерий уллучил момент и бросился в кучу дельфинов.

Он ухватил Малыша за плавник, перевернул на спину, обхватил руками и, работая изо всех сил ластами, поплыл к мосткам.

— Носилки! — крикнул он.

Мы развернули носилки и плеснули на них водой.

Малыша положили на брезент. Вчетвером мы подняли носилки и зашагали на берег к домику, где была дельфинья больница.

Здесь Малыша переложили на стол, покрытый поролоновым матрасом. Пристегнули ремнями.

Он лежал, печально кося глазами по сторо-

нам. Валерий взял шприц, пузырёк с лекарством, проткнул иглой резиновую пробку, набрал полный шприц и сделал Малышу укол. Потом второй. Измерил пульс и температуру.

Моя рука опиралась на стол около самой морды дельфинёнка. Если бы Малыш захотел, он мог бы укусить меня. Всякий другой зверь на его месте так бы, наверно, и сделал. Да что там зверь! Если бы меня какие-нибудь морские существа затащили под воду и, привязав к столу, начали колоть, честное слово, я бы не выдержал. Я бы кусался и колотил ногами по матрасу. А Малыш лежал спокойно. Только когда делали второй укол — около хвоста, — дёрнулся, и в пустой комнате послышалось комариное: пи-ии-ии!

Мы отнесли Малыша назад и осторожно пустили в воду.

Дельфинёнок кинулся к матери, пристроился около её плавника, и они продолжили свой обычный бег.

В тот день Малыш и Русалка ни разу не приблизились к мосткам и не остановились, чтобы взять из рук у людей рыбу.

Через несколько дней белые пятна на коже у Малыша стали исчезать. Дельфинёнок повеселел.

У дельфинов-афалин прекрасная голубая кожа, блестящая и упругая, как резина.

КИНО

Перед самым моим отъездом привезли кино.

Мы сидели с Валерием в тёмной комнате, битком набитой народом. Экраном была стена. Над нашими головами танцующий луч выхватывал из темноты ослепительные пылинки и ри-

совал на стене корабли. Корабли шли пенистым морем.

После этого на экране показали дельфиний цирк. В большом круглом бассейне звери играли в баскетбол. Они забрасывали в корзину мяч. Дельфин подплывал, упирался головой в мяч и мчался с ним к щиту. Бросок — и мяч в кольцо.

Потом мы увидели, как люди обмотали паклей обруч и подожгли. Зашипело пламя. Горящий обруч повис над водой. Дрессировщик поднёс к губам свисток. Стремительное блестящее тело дельфина выскочило из воды, пронеслось по воздуху и, пробив огненно-дымный круг, без всплеска вошло в воду.

Я наклонился к уху Валерия:

— А у вас будет когда-нибудь так?

Валерий помотал головой:

— Зачем? У нас научная станция, а не цирк.

По экрану уже двигался плот.

На нём стояла девочка в полосатом купальнике. В упряжке плыл дельфин.

Неожиданно лента кончилась.

Мы вышли с Валерием на воздух.

На верхушке маячной башни то разгорался, то потухал красно-зелёный фонарь. Красные и зелёные волны накатывались на берег.

— Мне бы ещё на инженера выучиться... — сказал Валерий. — Я бы такие приборы изобрёл — переговариваться с дельфинами. Плывьешь под водой, пискнул, а дельфины уже тут как тут. Точно: пойду учиться опять!

РЯДОМ И ПОД ВОДОЙ

Я уезжал с острова в хмурый, непогожий день. Надвигался шторм. Медузы, которых все-

гда было так много в бухте, исчезли. Они уплыли в открытое море переждать бурю.

Под причалом бормотала вода. Трещал, вытягиваясь по ветру, флаг. Лодка была готова к отплытию.

Мы простились с Валерием.

— Приезжайте на будущий год, — сказал он.

— Приеду.

Лодка отвалила от причала, проскочила узкий выход, вышла в залив. Впереди запрыгала синяя полоска материкового берега.

Я покидал дельфиний остров.

Друзья были правы: и верно, дельфины — удивительные животные.

Я сидел на корме, над самым винтом, тряся вместе с лодкой и думал про дельфинов: «Очень радостно, что они живут вместе с нами. Рядом и под водой».

РАЗНОЦВЕТНОЕ МОРЕ

Это рассказ о море. Только не о том, которое видно с берега. То море всегда одного цвета: голубое или синее в хорошую погоду, чёрное в шторм. Моё море разноцветное: желтое, зеленое, розовое, фиолетовое. Это море, каким его видят рыбы и люди, которые умеют плавать под водой, как рыбы.

МОЙ КОСТЮМ

Для того чтобы опуститься под воду, я надеваю своё нехитрое водолазное снаряжение и вооружаюсь.

Снаряжение — ласты да маска. Оружие — гарпунное ружьё и фотоаппарат.

Чтобы дышать, засовываю в рот изогнутую трубку, а свободный её конец укрепляю за ухом.

Вперевалку, как утка, шлёпаю по берегу и, хрипя, продуваю трубку: хр-р-р! хр-р-р!

В воде отражается одноглазое существо с лягушачьими лапами.

УЧУСЬ ПЛАВАТЬ

Этим летом я жил под Севастополем.

Там и начались мои подводные путешествия.

«Только бы залезть под воду, — думал я. — Сразу же насмотрюсь интересных вещей!»

Однако получилось совсем не так.

Ранним утром я пришёл на берег. Сел на камень. Надел ласты, маску.

«Чур, — говорю себе, — всё-всё под водой примечать! До последней рыбёшки!»

Слез ногами вперёд, лёг на воду и... захлебнулся.

Тьфу! Полная трубка воды!..

Пришлось учиться самому простому на свете — как дышать.

Стал вспоминать: кто в море дышит воздухом? Кит! У него дыхательное отверстие на макушке, выше глаз. Значит, учиться надо у него.

Учился, учился — выучился дышать по-китячьи.

Плыву у самого берега. Лицо — под водой, трубка — снаружи. Наберу полные лёгкие воздуха и нырну. Вынырну, воду из трубки выпущу фонтанчиком и снова плыву. Дно видно отлично!

Ну вот, теперь можно уходить прочь от берега.

Зашлёпал ластами по воде, а сам еле-еле вперёд двигаюсь.

Э-э! И тут непорядок. И этому надо учиться. Пришлось снова вспоминать. У кого на ногах ласты? У тюленя. Как он ими шевелит? Как рыба хвостом.

Поплывём по-тюленьи!

Вытянул ноги и давай часто-часто перебирать ими. Ласты стали извиваться, и я поплыл.

Плыву, только вода по спине журчит.

Вот теперь быстро. Вот теперь можно плыть на глубину. Можно всё примечать.

ОГОНЁК

И тут действительно передо мной открылся новый мир.

Жёлтые и зелёные скалы всплывали из фиолетовой толщи воды, двигались прямо на меня.

Бурые, зелёные, красновато-серые водоросли лесами вставали со дна. Солнечная пыль беззвучно сыпалась на них.

Как тихо! Всё словно замерло в молчании, только я один толкал воду да пускал пузыри через трубку: буль-буль-буль!

Удивительное дело: дно было мёртвым. Нигде ни рачка, ни рыбёшки.

«Видно, ещё не добрался я до настоящего подводного мира. Надо плыть дальше».

Уже и ноги начали с непривычки уставать, а вокруг всё по-прежнему пустынно.

Мне вспомнились путеводные огоньки, которые в сказках приводили путешественников в необыкновенные страны. Вот бы мне такой огонёк!

И только так подумал — впереди действительно мелькнул красный огонёк. Трепетный, радостный. Откуда он здесь?

Я поплыл к нему, ещё сильнее размахивая

ногами и руками. Огонёк шевельнулся и стал уходить.

Я — за ним. Он — от меня.

Может быть, это и есть мой путеводный огонёк? Только как же он горит под водой?

Мы двигались вверх по береговому склону, и казалось, что я вот-вот догоню его.

Но нет, он свернул в сторону и пропал в куче камней.

Ухватившись за них, я повис вниз головой и стал искать огонёк глазами.

Прошло полминуты, минута... Всё было тихо. Замер и я.

И вдруг что-то красное мелькнуло между камнями, а затем оттуда прямо на меня выплыла рыбка.

Она была такая яркая, что я даже прищурил глаза. Настоящий огонь! Только голова у рыбки чёрная-пречёрная... Ба, да ведь это морская собачка! Старая знакомая!

Я хорошо знал этих проворных рыбок, но такой красивой никогда ещё не видел.

Я протянул руку. Собачка отскочила назад и искрой погасла в камнях.

Ушла. Опять один.

Я посмотрел вокруг.

Вот так чудо!

Дно преобразилось. Стайками сновали серебристые кефальки. Из травы выплывали один за другим прозрачные рачки-креветки. Полосатый краб, близоруко пуча глаза, лез через камень.

Что значит минута тишины! Выходит, это я сам распугал всех подводных жителей.

Вытянув руки и едва шевеля ластами, я медленно двинулся вперёд.

Теперь я плыл без шума.

Вокруг волновалась беспокойная, кипучая жизнь.

Плавали, ползали, преследовали друг друга, гибли и побеждали хвостатые, ногастые, пучеглазые и слепые обитатели морского дна.

Это был настоящий подводный мир, тот самый, куда я так стремился попасть.

Но в этот мир я пришёл не сам. Меня привёл туда путеводный огонёк — маленькая кроваво-красная рыбка-собачка.

КУЧКА МУСОРА

Я учился фотографировать под водой.

Аппарат был в чехле, но вода часто попадала внутрь и портила плёнку.

Однако я не унывал.

Особенно мне хотелось сделать цветную фотографию одной из самых ярких черноморских рыб — зеленушки-рулены.

Это долго не удавалось.

Зеленушки всё попадались мелкие, невзрачные. Если и показывалась крупная, то она тотчас же уходила на глубину, в полумрак.

Как-то я плыл мимо одинокого мохнатого валуна.

Камень весь оброс зелёными лопушками морского салата — ульвы. Около камня белела песчаная осыпка.

Вдруг я заметил на песке груды осколков. Это были остатки мидий.

Раковина мидии похожа на большое чёрное семечко. Поэтому груды осколков напоминала кучку мусора, которую оставил после себя любитель подсолнухов. Некоторые обломки раковин были совсем свежие. В них ещё курилась дымком жёлтая кровь моллюска.

Кто намусорил на дне?

Притаившись за камнем, я стал наблюдать.

Некоторое время всё было спокойно.

Потом из-за мохнатого куста осторожно выглянула длинная рыбка морда.

Я не шевелился.

Осмелев, рыба вышла.

Это была великолепная рулена. Жёлто-зелёная, с малиновыми и голубыми полосами.

Она повернулась ко мне боком и, тыча мордой в чащу ульвы, стала что-то выискивать.

Найдя, она ухватила это что-то губами и, мотнув головой, отломил от камня.

Затем отплыла назад. И тут стало видно, что во рту у неё чернеет продолговатая раковина.

Рулена сжала челюсти — крак! — раковина разломилась.

Затем началось непонятное. Рыба выплюнула мидию. Медленно кружась, та пошла на дно.

Лёгкое тело моллюска тонуло медленнее, а осколки раковины — быстрее.

Рулена подхватила мидию. Ещё раз укусила — крак! — и снова выплюнула.

Это она повторяла до тех пор, пока на теле моллюска не осталось ни одного кусочка раковины.

Тогда рулена съела добычу.

Я присмотрелся. Зелёный горб камня был весь покрыт мидиями.

Так вот откуда на дне мусор!

Как всё просто.

Рулена стояла ко мне боком, хорошо освещённая солнцем.

Я поднял камеру и щёлкнул затвором.

КТО ПРЯЧЕТСЯ ЛУЧШЕ ВСЕХ

Морские жители — известные хитрецы.

Мне всегда нравилось, как ловко они прячутся. Но кто же прячется лучше всех?

Вот однажды я и решил это узнать.

Поплыл. Дно подо мной было скалистое. Один за другим проходили камни — чёрные, нездравые. К ним кое-где прилепились водоросли.

Плыву, присматриваюсь.

Э, а это чьи глаза там сверкнули?

Ткнул ногой в камни, а оттуда как выскочит мордастый ёрш-скорпена!

Весь в бурых шишечках. Страшный как чёрт! Как будто его самого из этих щербатых камней слепили.

Заскочил ёрш в кучу камней, прижался к ним и снова стал невидим.

Хорошо прячется!

Кручусь я у этой кучи — снова хочу ерша разглядеть.

На камнях — веточки водорослей. Камни — чёрные, с зелёными пятнами, веточки — жёлтые.

Вижу — шевельнулась одна веточка. Прыг! — на новое место перескочила.

Это ещё что за диво?

Подплыл ближе. Никакого дива. Веточка-то не простая, а живая. Растёт не на камне, а на лбу у маленькой рыбки-собачки.

Рыбка — зелёная, пятнистая; веточка — жёлтая.

Легла рыбка на дно. Сама замерла и веточкой перестала шевелить. Поди её сыщи!

«Вот так штука! — думаю. — Эта ещё лучше ерша прячется!»

Вспомнил я её родственницу — кроваво-красную собачку, которая меня научила, как вести себя под водой, — и тихонько поплыл дальше.

Приплыл на отмель.

Песок здесь радостный: жёлтый, лучистый.

Знаю — рыб должно быть много, а никого не вижу.

«Тут, — говорю себе, — наверно, самые главные хитрецы живут!»

Вдруг смотрю — из песка рыба спина торчит. Вдоль спины тёмная полоска.

«Эх ты, — думаю, — шляпа! Закопаться не сумела. Вот я тебя за это поймаю!»

Подплыл и рыбку рукой поперёк спины — цоп!

«Ай-ай-ай!» Чуть не захлебнулся: рыбка шипастый плавник подняла и меня шипом как кольнёт!

Я скорей наверх — и к берегу.

Вылез — давай ранку сосать.

Вот тебе и шляпа! Вот тебе и не закопалась!

Выдавил из ранки кровь. Прижёл ранку спичкой. А к вечеру рука всё равно опухла. Болела долго и зажила только к концу недели.

Когда я рассказал об этом случае знакомым рыбакам, они испугались.

— Да знаешь ли, — говорят, — что от этой рыбки ты мог умереть? Это же змейка, морской дракон. С ней не шути! Счастье твоё, что обошлось...

Так я и не нашёл, кто в море лучше всех прячется. А вот кто хуже всех — нашёл. Тот, кому можно и вовсе не прятаться.

ВОТ ТАК ШТУКА

Когда я научился совсем прилично плавать под водой, то решил, что пора приступать к охоте.

Ружьё у меня было самодельное. Оно стреляло маленьким гарпунчиком. На шнуре.

Но охотиться — значит, заплывать далеко от берега.

И прежде чем отважиться на это, я спросил у приятелей:

— А акул в Чёрном море нет?

— Как же, — говорят, — есть! Катранами называются. Их тут видимо-невидимо.

Вот так штука!

Я много читал про акул и легко представил себе такую картину: вот один катран подплывает ко мне сзади, переворачивается на бок и — хрусь! — перекусывает меня пополам.

Брр-р-р! Может быть, и не охотиться?

Долго думал и наконец решился. А, была не была! Авань не съедят!

И пошёл в море.

Больше всего мне хотелось застрелить морского петуха — триглу, большую красно-бурую рыбу с огромными тёмно-синими грудными плавниками.

Однако под водой меня ждало разочарование.

Во-первых, плавать с ружьём оказалось не так-то просто. Оно занимало руки, мешало нырять и делать повороты.

Во-вторых, найти морского петуха было очень и очень трудно.

Прямо ко мне подплывали чёрные рыбки с раздвоенными хвостиками — ласточки.

Из водорослей то и дело показывались пёстрые зеленушки.

Головастые ерши не мигая смотрели из-под камней.

Все, казалось, говорили: ну, стреляй! Но я выдерживал характер и не стрелял.

Дважды пришлось вылезать из воды, чтобы согреться. Наконец повезло.

Я только отплыл от берега, как заметил на песчаной осыпке под фиолетовой тенистой скалой характерный силуэт рыбы с широкими, как

веер, плавниками и большой головой.

Это был петух.

Распуская и свёртывая плавники, он переходил с места на место, роясь в песке.

Я стал подплывать.

Медленно-медленно поднимаю к глазам ружьё, навожу прицел на пятнистый рыбий бок... Ближе... ближе...

Ш-ш-ш-шу! — сорвался гарпун.

Он надвое рассёк левый плавник триглы и, дрогнув, вонзился в песок.

Рыба метнулась вбок и, размахивая обрывками плавника, скрылась за скалой.

Какая досада!

Перезарядив ружьё, я вплавь обошёл скалу. Ничего.

Покараулил у осыпки. Безрезультатно.

На этом охоту пришлось закончить.

Уже возвращаясь к берегу, я заметил на глубине небольшую серебристо-серую рыбу с острым собачьим рыльцем и хвостовым плавником в виде полумесяца.

Выстрел оказался удачным. Положив рыбу в мешок, я вернулся в город.

— Ну, как дела? — спросили меня приятели. — О, да ты совсем молодец! Гляди-ка, акулу привёз. Ничего катранчик — полметра будет!

Я смотрел на серую рыбу и не верил своим глазам.

Так вот какая она — черноморская акула!

А я-то боялся.

СКУЧНОЕ МЕСТО

Идти на песочную отмель, что левее входа в бухту, друзья мне не советовали.

— Что там для охотника интересного? — говорили они. — Скучнейшее место: подводная пустыня.

Но я взял ружьё и всё же пошёл.

Залез в воду.

Кругом и верно пустыня: один песок — жёлтый, гладкий. Так на солнце и блестит.

Никто не пробежит, не проплывёт. Тихо льются сверху зелёные солнечные лучи. Навстречу им снизу поднимается отражённый песчинками свет.

Солнца много, а плыть прохладно. Брр-р-р!..

То ли дело плыть над тёмными водорослями. Там дно нагретое, тёплое.

Но где же здешние жители? Никого не видно. Действительно скучное место.

Плавал я, плавал, плюнул с досады и собрался кончать охоту. Так бы и ушёл. Но тут, чувствую, соскочил у лапа запяточный ремень.

Набрав воздуха, я скорчился и повис в воде, поправляя ремень.

Тогда-то и появился первый песочный житель.

Это была маленькая рыбка светло-жёлтого цвета — ошибень. Она, как ниточка, извивалась по дну.

Вот рыбка всплыла и повисла над песком, быстро вертя хвостиком.

И тут произошло неожиданное.

Песок, над которым висел ошибень, вспучился и разлетелся во все стороны. Из песка выскочила плоская, похожая на коричневую тарелку рыба и — цоп! — схватила малька.

«Камбала!» — узнал я её.

Камбала, проглотив малька, опустилась на дно и, перебирая плавниками, стала забрасывать себя песком.

Скоро у неё остались снаружи одни глаза.

Я лёг на воду, раскинув руки, и стал наблюдать, что будет дальше.

Камбале это не понравилось. Она медленно привсплыла, как подводная лодка, и с песком на спине осторожно двинулась прочь.

«Ох и лентяйка! Не хочешь снова закапываться, со своим песком поплыла... Ну погоди — стреляю!» — решил я, взвёл ружьё и нырнул.

Роняя со спины комочки песка, пучеглазая рыбина метнулась вправо, влево, с размаху ударилась о дно, подняла облако жёлтой мути... и пропала.

Когда муть осела, камбалы не было видно. Она или успела закопаться в песок, или удрала под прикрытием этой «дымовой завесы».

Я вернулся домой.

— Ничего не принёс? — спросили меня друзья. — Правда, скучное место?

— Ага, — отвечаю. — Ничего не принёс.

Вспомнил, как удирала груженная песком камбала, и улыбнулся:

«А что, если туда пойти ещё раз? Только не с ружьём, а с фотоаппаратом... Конечно, надо. Завтра же и пойду! Непременно!»

Вот тебе и скучное место!

БЕРЕГИСЬ!

Я гнался за стаей лобанов — крупной кефали.

Лёгкие, как тени, рыбы скользили у самого дна и при малейшей попытке приблизиться к ним уходили на глубину в открытое море.

И вдруг мне повезло.

От стаи отделился большой голубой лобан и пошёл, ощиывая на ходу водоросли, в сторону берега.

Я поплыл за ним.

Рыба зашла в расселину между двумя длинными камнями и остановилась.

Набрав воздуха, я нырнул. Придерживаясь рукой за жёсткие стебли рыжих водорослей, приблизился к расселине и, приподняв голову, выглянул из-за камней.

Лобан был метрах в трёх.

Осторожно подняв ружьё, я старался поймать на прицел серый бок рыбы.

Есть!

Гарпун, звякнув, метнулся вперёд. За ним устремился шнур.

Едва задев рыбу, гарпун пролетел ещё с полметра и с размаху ударился о камень: дзынь!

Лобан моментально исчез.

На дно белыми петлями бессильно опускался шнур.

Всплыв, я начал торопливо наматывать его на руку. Так и есть: гарпун — единственный гарпун! — был повреждён. Из трёх зубьев наконечника сохранился лишь один.

Конец охоте.

Перезарядив ружьё, я снова опустил голову в воду.

Лобан никуда не ушёл! Он медленно кружил на старом месте, словно желая выяснить, что случилось.

Я прицелился во второй раз. Лобан пошёл прочь. Он плыл между камней, всё ускоряя ход.

Кругом светлело — глубина уменьшалась.

Лобан скоро устал, и расстояние до него сократилось. Камни, между которыми он плыл, поднялись и стали сближаться. Мы очутились в скалистом коридоре.

Дно и стены коридора густо поросли розовыми водорослями — цистозирой. Глубина всё

уменьшалась — значит, из коридора нет выхода. Лобан попался!

Я уже опустил предохранитель ружья, как вдруг моё внимание привлекла необычная картина.

Водоросли впереди вели себя непонятно.

Они угрожающе шевелились, а самые высокие из них размахивали из стороны в сторону косяматыми лапами, словно предостерегая об опасности.

Лобан замедлил ход и остановился.

Что мне водоросли! Я был уже совсем рядом. Вытянув перед собой ружьё, сделал два сильных гребка ногами, навёл прицел на толстый рыбий живот... и беспомощно забарахтался, перевёрнутый волной на спину.

Прибой швырял меня, как щепку: то поднимал к самым скалам, то уносил далеко по коридору назад.

Кое-как я перевернулся на грудь и, отчаянно работая ногами, ушёл на глубину, а потом назад в бухту...

Так вот чем грозили мне водоросли! Они кричали: «Берегись! Волны!» А я их не понимал.

ПРОЩАЙ, МОРЕ!

В сентябре стало прохладно. Нельзя было долго находиться в воде.

Исчезло и большинство рыб. Они ушли дальше от берега, на глубину, где теплее.

Там у них свой — рыбий — юг.

Пора было уезжать и мне.

Сентябрьским утром я сложил все свои вещи, упаковал ласты, маску и в последний раз вышел на берег.

Море лежало передо мной тихое, ласковое.

Оно было осеннего, зеленовато-бутылочного, цвета.

Но теперь я знал — этот цвет обманчив. Настоящие краски моря не здесь, на поверхности. Настоящие краски под водой — жёлтые, зелёные, розовые, голубые...

Прощай, разноцветное море!

ДЕВОЧКА И ДЕЛЬФИН

Это рассказ о жизни дельфина.

Всё началось прекрасным летним днём — потому что всякое рождение прекрасно, а дельфинёнок появился на свет именно летом в полдень.

Мать подтолкнула его носом — малыш всплыл и очутился в верхнем, самом тёплом слое воды. Как только его голова показалась на поверхности, он судорожно глотнул воздуха, и в тот же миг с глаз его упала пелена, застилавшая мир, плавники обрели упругость, и он издал робкий свист. Хвост его шевельнулся, тельце выгнулось, он ударил хвостом воду и почувствовал, как прохладные струи легко и щекотно текут вдоль боков.

Его мать — дельфиниха Русалка — плыла рядом и смотрела, как борется с водой сын. Вода выталкивала дельфинёнка, новорождённый попытался сделать вдох — накрыла его с головой. Кончилось тем, что волна перевернула его.

— Не торопись, Малыш! — сказала мать.

Так дельфинёнок узнал своё имя.

В первый же день он понял, что плавать — это большое умение. Он узнал, что, если пристроиться чуть выше матери и чуть позади её спинного плавника, вода сама потащит тебя вперёд. Это удивительно: мать несётся, пронзая доб-

рым голубым телом прозрачные глыбы воды, а ты, едва изменяя положение плавников, мчишься рядом, подобно пенному гребню, увлекаемому волной.

Но мать всё время помнила: Малыш должен учиться плавать сам. Проплыв немного, она останавливалась, и тогда дельфинёнок летел через голову, растопырив плавники и трепеща хвостом.

Вскоре после рождения сына Русалка с Малышом вернулась в стаю.

Они стали жить в ней, кочуя по морю и охотясь за серебристой кефалью и зеленоватой скумбрией.

Большой старый дельфин, по прозвищу Пятнистый, вёл стаю в её странствиях по миру. Мир для дельфинов — это вода, а над ней — небо. Всегда одинаковая упругая зеленоватая вода и переменчивое — то синее, заполненное белыми и лиловыми облаками, то свободное от них — небо. Когда небо было чистым, за стаей

тёплым блестящим глазом следило солнце, и Малышу в такие минуты хотелось радостно кувыркаться.

Мир был прост и понятен.

Впрочем, как-то, когда стоя охотилась, путь ей пересекло странное сооружение. Оно шло по морю, мерно стуча, и по нему сновали какие-то двуногие существа.

— Это пароход, а на нём — смотри внимательно! — люди, — сказала Русалка и, хотя некоторые дельфины бросились навстречу судну, отвела Малыша в сторону.

Оттуда они следили, как мчатся, выпрыгивая из воды перед самым носом парохода, уверенные в своей ловкости дельфины и как беснуется за кормой парохода жёлтая пена.

В другой раз, выставив из воды голову, Малыш увидел на горизонте странные облака. Они были зелёными снизу, синими сверху. Самые высокие венчали белые шапки, и, сколько ни смотрел на них Малыш, эти облака не двигались.

— Почему они стоят на месте? — удивился он.

— Это горы. Там около них и живут люди, — объяснила мать.

В тот день она учила Малыша охотиться.

— Хорошая рыба всегда быстрая, — говорила она. — С ней зевать нельзя. Делай, как я! — И она, издав свист, бросалась вперёд.

Постепенно Малыш научился издавать такой же свист и так же покачивать головой, слушая, откуда придёт эхо. Вот он свистит. Справа, рассыпаясь как льдинки, доносятся ответные свистки. Он мчится вдогонку, эхо всё чаще, и наконец из голубоватой дымки показываются удирающие кефали. Ещё усилие — и Малыш,

первый раз в жизни, хватает зубами сверкающую рыбину.

В Чёрном море нет ни хищных акул, ни косяков.

— Остерегайся сетей! Люди ловят ими рыбу, — говорила мать. — Тонкая сеть прозрачная, она — беда.

И беда пришла.

Как-то дельфины, увлечённые погоней за косяком рыб, очутились около самого берега. Вожак пытался повернуть стаю назад, в море, но, привлечённые близостью добычи, молодые дельфины продолжали нестись вперёд.

Пятнистый был опытный зверь. Его челюсти и морду покрывали белые шрамы — следы укусов и ран. Говорили, что когда-то не было в стае второго такого задиры и охотника. Но сегодня даже он был бессилен.

Стая плыла вдоль берега, и Малыш с удивлением разглядывал горные склоны, поросшие деревьями, и белые, как облака, дома, и людей, которые двигались между домами.

Он не заметил, как отделился от стаи. И неожиданно почувствовал, что нос его упёрся в какую-то преграду. Зелёные нити разделили воду перед глазами на ровные квадраты. Это была сеть. Нити не пускали вперёд. Он рванулся назад — сеть последовала за ним. Попробовал всплыть — никак.

Малыш испугался. Он никогда не задумывался над тем, как долго может обойтись без воздуха. Дельфинёнок издал резкий тревожный свист. Несколько пузырьков воздуха выскочило из дыхальца, он забился — сеть обернулась вокруг хвоста. Малыш пискнул, в лёгкие вошло что-то сверлящее, острое — он задышался... И вдруг из лиловой мглы к нему приблизилось чёрно-белое чудовище, сеть начала опускаться. Ма-

лыш бросился наверх — в глаза ударило солнце. Он глотнул обжигающего воздуха и потерял сознание.

Очнулся он оттого, что кто-то осторожно подталкивал его снизу. Малыш открыл глаза и увидел Пятнистого. Огромный дельфин терпеливо ждал.

Дальше они поплыли вместе.

Уже издали, приближаясь к стае, они услышали тревожные свистки. Стая металась, окружённая кольцом блестящих, прыгающих на волнах поплавков. Около них покачивался с борта на борт катер.

На палубе сустились люди в сверкающих оранжевых куртках. Поплавки плыли к борту — люди выбирали сеть.

И вдруг люди сделали что-то не так — поплавки разошлись. Образовался проход. Издав призывный властный свист, Пятнистый рванулся туда. Через проход один за другим навстречу ему стали выскакивать дельфины.

Люди торопливо подтянули невод — кольцо снова сомкнулось. В нём осталось несколько животных. И тогда Малыш услышал свист матери. Внутри сети носилась широкими кругами Русалка. Сеть наступала, оттесняя её к борту катера. Люди выбрали нижнюю часть невода — дельфины очутились в мешке. Сеть подтащили. Перегибаясь через борт, люди стали ловить животных за хвосты и плавники, осторожно, по одному, втягивать на борт. Последней подняли Русалку.

Катер дал ход и пошёл к берегу.

Около входа в узкую бухту над песчаной косой возвышались крыши домов. Здесь катер уменьшил ход.

Один из людей, высокий бородатый человек, перегнулся через борт и удивлённо сказал:

— Смотрите, кто тут ещё!

Следом за катером плыл Малыш.

— Дайте-ка стоп! — крикнул Бородатый.

Он перегнулся через борт и ухватил Малыша за плавник. Маленький дельфин обезумел от ужаса. Он ничего не видел, не слышал и не понимал, как очутился в длинном, наполненном водой ящике. Стучал мотор, шумели люди. Катер подошёл к причалу. Ящички с животными — их было четыре — снесли на берег.

Так началась для Малыша новая жизнь.

Учёные (люди в оранжевых куртках были учёными) поместили дельфинов в вольер — огороженную сетями часть бухты. Здесь можно было плавать, приближаясь к самому берегу, опускаться на дно, покрытое крупным красным песком. На дне росли рыжие кустики водорослей и бродили, щупая усиками песок, рыбы-барбульки.

Малыш с матерью плавали по вольеру, тревожно поглядывая через сеть на бухту, на синее вдалеке, за косой, море.

Малыш был голоден. Проворные барабульки при его приближении удирали, и ему приходилось каждый раз возвращаться к матери ни с чем.

Прошла голодная, тревожная ночь. Утром, проплывая около сети, Малыш заметил на воде тень.

Солнце едва поднялось, и поэтому тень была длинной. Она начиналась на берегу и кончалась в воде.

На берегу стоял маленький человек — девочка.

Девочка присела на корточки и постучала ладошкой по воде.

Дельфины испуганно метнулись в стороны.

Девочка ушла и возвратилась с ведром, из ко-

торого торчали рыбы хвосты. Вытащив рыбину, она присела на корточки. Она держала рыбу за хвост, и стучала ею по воде, и смотрела на дельфинов.

Подошёл бородатый человек.

— Ну как, Оля, — спросил он, — не берут?

Девочка покачала головой и швырнула рыбу на середину вольера. Мелькнула серая молния — Русалка помчалась по кругу, держа в зубах серебристую скумбрию. Она подплыла к Малышу, дельфинёнок схватил рыбу и, повернув её во рту языком — дельфины всегда едят рыбу так, — жадно проглотил.

— А теперь идите все сюда! — позвала девочка.

Но дельфины боялись. Тогда девочка надела на ноги блестящие, похожие на рыбы хвосты зелёные ласты, на голову — маску с огромным стеклянным глазом и вошла в воду. Держа перед собой в вытянутой руке скумбрию, она выплыла на середину. Первой решилась Русалка. Она приблизилась к девочке и осторожно взяла...

Теперь дельфины носились вдоль стенки вольера. То и дело кто-нибудь из них выходил из круга, подлетал к девочке, хватал рыбу и возвращался. Вода кипела. Огромное серое колесо, образованное телами животных, стремительно вращалось.

Малыш мчался вместе со всеми.

«Я уже вырос! — радовался он. — Я не отстаю от них!»

«Какой он ещё неумелый и неловкий», — говорила себе Русалка, кося глазом на сына.

Однажды, когда Малыш подплыл, чтобы взять рыбу, девочка погладила его. Дельфинёнок вздрогнул. Острое, неизведанное чувство пронзило маленькое тельце.

На следующий день, когда девочка уселась на помосте, свесив ноги, он подплыл и ткнулся носом ей в колени.

— Ну, что тебе? — спросила девочка, а сама подумала: «Ты маленький хитрец. Я прекрасно знаю, что тебе нужно».

«Неужели она не догадывается?»

Девочка опустила руку и начала его гладить. Она провела ладонью по челюсти, прикоснулась пальцами к горлу и стала щекотать мокрую кожу там, где начинается плавник...

Теперь она проводила у вольера всё свободное время. Как-то, сев на краю помоста, она взяла в руки маску и шлёпнула ею по воде. Малыш подплыл и осторожно сжал кончиками зубов податливую резину. Девочка подняла маску. Дельфинёнок подпрыгнул и выхватил маску из рук. Это была игра.

Прошла неделя. Малыш понял: взятую маску надо возвращать. А ещё они играли так: девочка падала с мостков, а Малыш, поднырнув, пытался вытолкнуть её наверх. У него не хватало сил, а девочка хохотала и кричала:

— Ну, что же ты?

После августовских штилей, когда вода в море до самого горизонта лежала гладкая и блестящая, как рыбий бок, наступила осень. Отгремел первый шторм. Огромные волны приходили с той стороны, где по вечерам пряталось в море солнце. Они с шорохом выползали на косу и опрокидывались, грохоча и вымётывая вверх белые фонтаны брызг.

Волны проникали и в бухту. Вода, раскачиваясь, подняла со дна частицы песка и кусочки водорослей и стала непрозрачной. Впрочем, дельфины, посвистывая, по-прежнему уверенно плавали вдоль сети, а слышав шаги девочки —

скрип туфелек на песке, — собирались возле помоста.

Как-то пришёл Бородатый. Он говорил, остальные люди его внимательно слушали. Он произносил непонятные слова — «Батуми» и «дельфинариум» — и поглядывал на беспокойное море и на качающиеся в бухте сети.

А потом появился пароход. Не доходя до берега, он уменьшил ход, что-то отделилось от его носа и с грохотом полетело в воду. Пароход замер, задержанный якорем.

Около вольера вновь выстроились в ряд деревянные ящики. Учёные расхаживали между ними. Ящики наполнили водой. Потом в вольер бросили невод, и два человека, медленно плывя, стали оттеснять одного из дельфинов к берегу. Животные уже привыкли, что люди не причиняют им вреда, но когда первого дельфина стали взваливать на носилки, он забился. Носилки подняли и понесли к ящику.

Последним отловили Малыша. Дельфинёнок снова увидел, как ослепительно вспыхивает мир, лишённый воды, почувствовал, как тело охватывают жара и сухость, услышал, как тихие, ясные звуки моря сменяют какие-то другие, мучительно громкие и непонятные.

Он уже лежал в ящике, когда увидел склонённое над собой лицо Оли. Закусив губу, она опустила в ящик обе руки и дрожащими пальцами начала гладить голову Малыша. Потом она заговорила. Голос её срывался, несколько непонятных капель — Малыш решил, что это дождь, — упали в воду. Дельфинёнок ударил хвостом — удар пришёлся по доске.

Бородатый отвёл девочку в сторону. Ящик закачался — его подняли и понесли.

А потом был снова стук мотора и знакомые размахи морской волны, которая поднимает и

опускает катер. Затем послышался удар, треск — катер неосторожно подошёл к пароходу. Над ящиком навис чёрный, уходящий к самому небу борт. Скрипучие канаты подхватили ящик, и он, раскачиваясь, поплыл по воздуху.

Дальнейшее Малыш помнил плохо. Мерно дышала паровозная машина, подрагивали доски ящика, и, смещаясь от стенки к стенке, плескала вода. Она с каждым часом становилась всё теплее. От невозможности плавать ныло всё тело. От сухого, пропитанного горькими запахами воздуха кололо в лёгких.

Изредка к ящику подходил Бородатый. Он наклонялся над Малышом, лил ему на голову и на спину воду и что-то говорил, говорил, успокаивая.

Малыш очнулся, когда ящик наклонился и он вместе с водой рухнул в какую-то бездну. Сразу стало прохладно, померк и стал лёгким для глаз свет, в уши вошла тишина. Дельфинёнок изогнулся, ударил хвостом и вдруг почувствовал, что стенок ящика больше нет, а впереди снова открытая, наполненная зелёным ликующим светом вода.

Он поплыл, то поднимаясь и набирая полные лёгкие воздуха, то погружаясь, медленно приходя в себя. Но он ещё воспринимал всё окружающее плохо и поэтому не очень удивился, когда путь ему преградила белая каменная стена. В ней было круглое окно, а в этом окне — человеческое лицо. Человек внимательно смотрел на Малыша. Острота зрения возвращалась к дельфину, и Малыш вдруг понял, что это смотрит на него Бородатый.

Потом рядом с Малышом появилась мать. Проплыли два других дельфина.

Очень скоро дельфины поняли, что не верну-

лись в море, а находятся в огромной, выложенной блестящим белым камнем яме — бассейне. Около него всё время ходили люди, и всё, кроме воды — она была очень прозрачной, — напоминало вольтер.

День начинался так же — с кормёжки. Приходили люди, приносили в вёдрах ту же скумбрию, так же стучали ею по воде, приглашая брать рыбу из рук.

Люди и здесь были добры, но Малышу после ящика и переезда почему-то не хотелось играть. Отделившись от матери, он плавал вдоль белых стен, равнодушно поглядывая на посетителей, которые каждое утро заполняли скамейки, установленные в несколько рядов вокруг бассейна.

Скоро Малыш заметил, что один из дельфинов плох. Он стоял на месте, держась около самой поверхности, и только изредка привсплывал, показывая над водой затылок. Его хриплое дыхание пугало Малыша. Больному становилось всё хуже. Он уже не двигался, и только Русалка, проплывая мимо, каждый раз помогала ему подняться для вдоха.

Это увидели люди. Они опустили в бассейн маленькую лодку, поддерживая руками, отвели дельфина к борту бассейна, а потом унесли.

«Неужели он не вернётся?» — подумал Малыш.

— Теперь нас трое, — сказала Русалка.

Третий дельфин — люди прозвали его Одиноким — был очень самолюбив и всегда держался особняком.

Вскоре в бассейне начались перемены. Бородатый человек, решив, что звери уже привыкли к новому дому, стал приносить и бросать в бассейн разноцветные круги и мячи. Ветер гнал их. Бегущие по воде мячи вызывали желание под-

толкнуть носом, задеть плавником, а круги взять в зубы и тащить.

Бородатый внимательно наблюдал: что будет? И как только увидел, что Русалка гонит перед собой мяч, тотчас подозвал её и дал рыбу.

Затем её получил Одинокий.

Малыш остался без награды. Он плавал задумчиво; хотя, вероятно, то, что приходило ему в голову, не было думами, а было, скорее всего, только смутным желанием перемен.

— Непонятно! — сказал Бородатый, наблюдая за Малышом. — Прежде был такой бойкий, а теперь... Ладно, посмотрим!

Начались представления. С утра скамейки вокруг бассейна заполняла пёстрая толпа. Приходили загорелые и ярко одетые люди, прибегали шумные, вёрткие дети. Звучал колокольчик, Русалка и Одинокий подплывали к помосту. Там стоял бородатый человек. Он гладил дельфинов и незаметно совал им в рот кусочки скумбрии.

Потом на воду спускали плот. На него усаживали куклу, и Одинокий, взяв в зубы кончик верёвки, возил её по бассейну. Потом дельфины брали из рук стоящего высоко над водой человека рыбу, и прыгали через подвешенное кольцо, и даже немного играли в мяч.

На этом представление заканчивалось.

Но люди не уходили, бородатый человек долго им что-то рассказывал, то и дело показывая на дельфинов. Он говорил в микрофон, и его низкий, рокошующий голос перекачивался над водой.

Малыш в представлениях не участвовал. Он плавал в стороне, а если задавали вопрос, почему не играет и не прыгает маленький дельфин, бородатый человек отвечал обычно, что он ещё мал и надо подождать.

...Это был пасмурный дождливый день, каких немало бывает в Батуми. Дождь набегал на город короткими ливнями. С неба на землю опускались белые струи, а навстречу им от камней и асфальта поднималась клубами водяная пыль. Капли падали в бассейн, и тогда поверхность воды становилась рябой, а если дождь усиливался, вся покрывалась ломкими белыми пузырями. И вот в минуту, когда дождь на время утих, Малыш вдруг услышал полузабытый звук: кто-то похлопывал ладонью по воде.

Что-то тревожное, знакомое было в этом стуке. Он повторился. Малыш пересек бассейн и выглянул из воды.

Дождь прошёл. Из-за туч появилось солнце — всё вокруг блестело. Блестели листья деревьев, блестели скамейки, блестела вода в бассейне. Всё было ярким, словно покрашенным заново. И среди этого обновлённого мира, блестя мокрыми волосами, в ярком, неожиданно новом платье стояла Оля.

Малыш не сразу понял, что произошло. Не отдавая себе отчёта в том, что делает, он подплыл, ткнулся мордой в ладонь, и детские пальцы опять сжали ему кожу у рта, скользнули вниз к горлу и, потрепав скользкий упругий бок, замерли у плавника.

— Я приехала, Малыш. Как я рада видеть тебя. Мы будем вместе целый месяц! — сказала Оля.

«Она вернулась навсегда!» — подумал дельфинёнок.

Большой бородатый человек, придя вечером в бассейн, не сразу понял, что происходит. На помосте стояла девочка и держала в руке красную пластмассовую кеглю. Малыш, сильно разгоняясь, раз за разом выскакивал из воды и то брал из её рук игрушку, то возвращал. Сделав

круг по бассейну, он стремительно разогнался, вылетал из воды, поднимался в воздух, на мгновение застывал и, прежде чем начать падать, лёгким движением головы касался её рук. Кегля ярко сияла на солнце, с неё летели во все стороны красные брызги, девочка смеялась, а небольшая кучка поздних посетителей, стоя у края бассейна, радостно хлопала в ладоши.

— Оля, ты откуда взялась? — удивился бородатый человек. — Надолго к нам? Узнал он тебя? Вот хитрец — в один день научился! А я-то с остальными бьюсь по месяцу...

Два голубых зверя стремительно промчались мимо них. Одинокий преследовал Русалку. Он догонял её. Впрочем, так казалось ему. Русалка была сильнее и, если бы захотела, легко могла ускользнуть. Она то незаметно замедляла ход, то снова, когда Одинокий настигал её, рывком уносила прочь.

Теперь для Малыша дни закружились весёлой вереницей. Он охотно участвовал в представлениях — научился кувыряться в воздухе и забрасывать в баскетбольную корзину мяч. Но любимый их номер был такой. Оля ложилась на воду. Она лежала неподвижно, а Малыш, важно пыхтя, «спасал» её — поддерживал снизу лбом и подталкивал к берегу.

Люди весело кричали и размахивали газетами, дети подбегали к краю бассейна и с завистью смотрели на девочку.

...Она уехала таким же дождливым днём. Прощаясь, долго стояла у воды и что-то говорила Малышу, но тот, ничего не поняв, тронул зубами опущенную руку и быстро поплыл к мосткам, куда принесли еду.

Он не сразу заметил, что девочки больше нет.

В бассейне темнело и становилось опять светло — закрытое облаками, солнце бледным пятном скользило над крышами домов. Оля не приходила, и тогда Малыш понял, что это — всё. Он опять перестал участвовать в представлениях. Другие дельфины показывали трюки, а он неподвижно стоял в дальнем углу.

— Ну, брат, ты меня так удивляешь! — сказал Бородатый.

Он развёл руками и решил, что это уже не просто память, а нечто большее, может быть, похожее на то, что чувствуют друг к другу люди, и что лучше всего Малыша не трогать.

«Он, наверное, болен», — подумала Русалка. Но думала она об этом уже спокойно, потому что знала: сын вырос, и ещё потому, что теперь всё больше и больше часов проводила с Одиноким, помогая ему делать трудные номера и даже иногда уступая свою рыбу.

Между тем летели дни, и однажды люди заметили, что из бассейна уходит вода. Бородатый, надев резиновый костюм, опустился на дно. В белом кафеле зияли трещины.

— Этого ещё не хватало! — сказал он и распорядился, чтобы в море неподалёку от берега установили небольшой вольер и туда на время ремонта перевели дельфинов.

Так они снова очутились в море.

Вода здесь была мутной от мелкой известковой пыли, которая поднималась со дна. Волны шевелили гальку, и белые облака, клубясь, входили в вольер.

Безмолвие бассейна снова сменил разногласный шум моря. Малыш радостно слушал его. Вот поскрипывает, переливаясь по дну, галька. Вот шумят хвосты идущих на добычу тунцов. Вот заскрежетал жаберными крышками и умолк морской петух — тригла. Вот, стуча клешнями, про-

бежал по дну тяжёлый, в каменном панцире краб.

Но что это? Громкий свист. За ним другой... Шумят хвосты больших животных. Звуки всё ближе. Не выдержав, Малыш свистнул в ответ. И тотчас же из бело-голубой мглы выплыли силуэты. Дельфины! Стая окружила вольер. Самый большой из дельфинов сразу же начал осматривать сеть, время от времени покачивая головой. Что-то знакомое почудилось Малышу. Следы укусов на голове, морду пересекает белый шрам... Пятнистый!

Старый дельфин узнал и Малыша и Русалку. Он ещё раз осмотрел сеть и, найдя место, где волны сорвали и унесли несколько поплавков, положил на верёвку голову. Та подалась. Дельфин навалился на неё всем телом, сеть притонула, образовав проход...

Пятнистый внимательно посмотрел на Малыша.

Осторожно, стараясь не задеть плавником верёвку, маленький дельфин проплыл над сетью и очутился на свободе.

Оставались ещё двое. Пятнистый продолжал держать.

Одинокий равнодушно отплыл в угол и повернулся головой в сторону берега. Русалка заметалась. Она подплыла к Пятнистому. Глаза их встретились. Старый дельфин с трудом удерживал сеть.

И тогда тяжело, словно таща за собой груз, она направилась к Одинокому. «Я не должна оставлять его!» — повторяла она про себя. Она подплыла к Одинокому, и они застыли бок о бок, покачиваясь вместе с водой. И тогда Пятнистый снял с верёвки голову. Сеть всплыла.

Пересвистываясь и выпрыгивая из воды, стая понеслась прочь. Впереди мчались Пятнис-

тый и Малыш. Они плыли плавник к плавнику, одновременно показываясь над водой и погружаясь.

«Как прекрасно — я снова в море!» — радовался маленький дельфин.

«Он долго жил среди людей и многое видел. Из него когда-нибудь выйдет хороший вождь!» — думал Пятнистый.

Прошёл пароход. Он направлялся в Батуми. Стая повернула следом. Всегда лучше держаться около порта или близ устьев рек, где часто встречаются косяки и где рыба нагуливает жир...

Пожалуй, на этом можно бы закончить историю о Малыше. Всё случилось именно так, как думал Пятнистый. После его смерти вожаком стаи сделался Малыш. И хотя он больше не рос, а так и оставался небольшим дельфином, не было в Чёрном море вожака умнее и справедливее его. Он всегда знал, в какое время подходит к берегу ставрида и скумбрия, каких пароходов и катеров следует бояться, и мог освобождать излюбых сетей запутавшихся дельфинов.

И всё-таки это ещё не конец истории.

Девочка вернулась в Батуми — на этот раз навсегда. Она стала здесь жить и ходить в школу, а ещё — помогала Бородатому. Во всём этом не было бы ничего странного или необычного, если бы с некоторых пор её родители и соседи и даже её друг — Бородатый — не стали замечать, что она часто по вечерам уходит одна на пляж.

Если ночью ожидается дождь, солнце над Батуми идёт к закату красное. Оно опускается в лиловые облака. Облака громоздятся друг на друга, и в щелях между ними, как иглы морского ежа, торчат красные солнечные лучи.

В такие вечера на городском пляже мало на-

роду. Сложенный из серой гальки пляж тянется вдоль всего побережья от реки Чорох до Батумийской бухты. За пляжем, отделяя его от городских домов, начинается бульвар. Там шелестят крепкими, как картон, листьями невысокие пальмы и одуряюще пахнет лавром.

Веречами на пляж приходит девочка. Она сбрасывает платье, входит в воду, нагибается, берёт два камня и начинает постукивать ими. Она держит камни у самого дна. Короткие щелчки разбегаются во все стороны, гаснут, если они устремляются вдоль берега, и несутся беспрепятственно и далеко, если направлены в море.

И тогда в лиловой вечерней воде показывается чёрная точка, она мчится, то исчезая, то появляясь, прямо к берегу, и скоро становится видно, что это кривой, изогнутый плавник. Последние метры дельфин плывёт не погружаясь, и красные блики заходящего солнца вспыхивают на его гладкой блестящей коже.

Малыш подплывает и тычется носом в колени девочке. Она гладит его по голубоватой морде, а он пыхтит и делает вид, что хочет вырваться из детских ладоней.

Потом девочка делает шаг вперёд — глубина здесь увеличивается очень быстро, — и они плывут прямо в море навстречу темноте, чтобы там, невидимые для случайных посетителей пляжа, вести свои продолжительные беседы и игры.

Они плавают так до тех пор, пока небо на востоке не станет совсем чёрным, а в противоположной стороне тучи, если они есть, не обнимут весь горизонт.

Тогда они направляются в сторону берега. На бульваре уже вспыхнули огни, и поэтому серая полоска пляжа кажется белой. Они подплывают, девочка становится ногами на зыбкое каме-

нистое дно, хлопает дельфина по спине, и тот, круто повернувшись, устремляется назад.

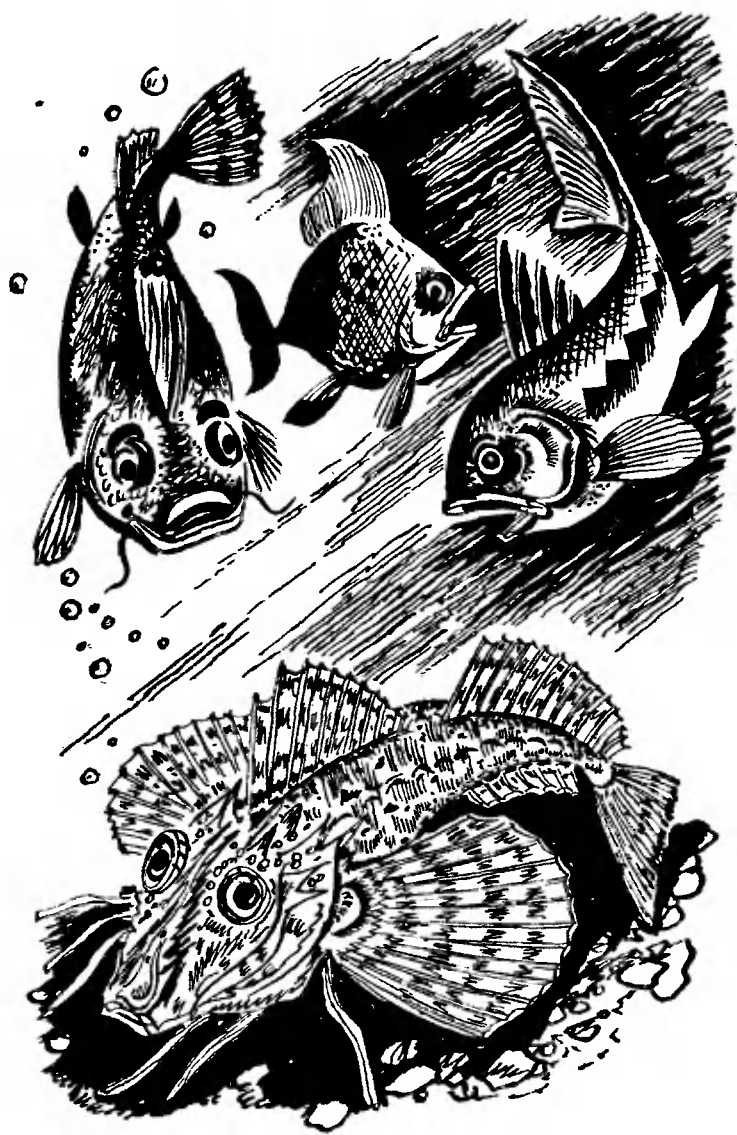
...Если дождь не ожидается, закат в Батуми короток и одноцветен. Едва только скатится за горизонт оранжевая капля солнца, сумерки наполняют аллеи и красят в голубой цвет галечный пляж.

По нему идёт девочка. Круглые голыши щёлкают в такт её шагам. Подошвы скользят. Девочка спотыкается, и при этом короткие волосы падают ей на лицо. Она отбрасывает их, поворачивается и смотрит на море. По тёмной его поверхности удаляется, вспыхивая и угасая, пенная точка. Небольшой дельфин стремительно плывёт назад к стае, которая терпеливо дожидается своего вожака.

СКАЗКИ ИЗ ДОРОЖНОГО ЧЕМОДАНА

Мне много приходится ездить, бывать в разных странах. И всякий раз, когда я возвращаюсь, нахожу на дне своего чемодана сказки: то книжку, изданную в далёкой африканской стране; то тетрадку, в которую записал легенду, рассказанную индийской девочкой; то листок бумаги, на котором тесно, нерусскими буквами напечатана забавная история, которую уже много веков рассказывают на Аляске.

Я долго складывал эти книжки и эти листки в ящик стола, а теперь решил их достать, потому что в каждой сказке — народная мудрость, а что может быть интереснее и поучительнее народной мудрости?

Одни сказки я просто перевёл, другие пересказал, а третьи не только перевёл и пересказал, но и соединил вместе. Но ни одну не придумал — просто извлёк их со дна дорожного чемодана.

ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ ЖИЛА В БУТЫЛКЕ

(Английская сказка)

В давние времена многие люди в Англии, особенно те, чей дом расположен между Ипсвичем и Лондоном, знали женщину, которая жила в бутылке. Бутылка была большой и крепкой, и поэтому никто не удивился, когда старушка поселилась в ней. Она держала в кустах лестницу и всякий раз, когда ей надо было забраться в бутылку или вылезти из неё, довольно ловко это проделывала. Вот только нрав у старушки был ворчливый и жадный, и именно это заставило её на склоне лет совершить большую ошибку.

Однажды маленькая старая женщина вылезла из своей бутылки и отправилась пешком в Ипсвич, чтобы купить там на базаре рыбы.

Получилось, однако, что ей не пришлось идти до самого Ипсвича: по пути она увидела озеро, а на берегу рыбака, который только что забросил в озеро сеть. Старушка села около него и стала ждать. Рыбак докурил свою трубочку и стал тянуть сеть, но, вытащив, достал из неё только одну маленькую серебристую рыбку.

— Эй, ты, — сказала старушка, — продай мне улов!

Рыбак засмеялся.

— Сколько же мне взять за него? — спросил он. — Один пенни для тебя не дорого?

Он поступил очень мудро, назначив такую цену: пенни — это было всё, что лежало в кошельке у старушки.

Ворча, она отдала рыбаку пенни, забрала рыбку и пошла домой. Однако стоило ей сделать несколько шагов, как рыбка, открыв рот, заговорила.

— Добрая женщина, — сказала рыбка, — не неси меня домой. Брось меня, прошу, назад в воду. Я всего лишь маленькая серебристая рыбка, и сколько бы ты ни жарила меня, ничего хорошего не получится!

«К сожалению, она говорит правду! — подумала старушка. — Что проку в такой малявке?» И, вернувшись к озеру (рыбак со своей сетью уже ушёл в другое место), бросила рыбку в воду.

Однако стоило той скрыться, как вода в этом месте заклокотала, и вместе с пузырями всплыл маленький зелёный человечек. Он ловко выпрыгнул на берег и очутился рядом со старушкой.

— Так вот кто меня спас! — пробормотал он и стал разглядывать старую женщину. — Ты умно поступила. Я, конечно, всего лишь маленький водяной человечек, но мне теперь надо отблагодарить тебя. Что ты хочешь? Говори скорее.

Бедная старушка растерялась — она ещё никогда в жизни не говорила с водяными — и поэтому ответила запинаясь:

— Спасибо... Мне ничего не нужно... Я живу в старой бутылке из красной глины... А что касается еды: вода, хлеб и рыба — всё, в чём я нуждаюсь, — у меня есть. Нет, мне ничего не нужно!

Маленький зелёный человечек долго расхаживал взад-вперёд по берегу, потом подумал и сказал:

— Ладно, иди. Но если что-нибудь надумаешь, приходи на это место, хлопни три раза в ладоши, я появлюсь и исполню твоё желание. Вот так!

Он сделал сердитую гримасу, прыгнул в воду и исчез.

Старушка вернулась домой и, уже когда лезла по лестнице к себе в бутылку, подумала, что,

пожалуй, лучше бы ей иметь обыкновенный дом с крыльцом и дверью. Пошёл дождь, старушка закрыла горлышко бутылки пробкой и снова подумала, что крыша была бы удобнее. Она всё время думала теперь о доме и наконец решила, что надо идти на озеро.

Она пошла туда и не успела хлопнуть в ладоши, как вода заклокотала и вместе с пузырями всплыл маленький человечек.

Он выпрыгнул на берег и спросил:

— Ну, что надумала?

— Да вот, — сказала старушка, — решила, что лучше мне всё-таки иметь обыкновенный дом. Такой, как у всех. И ходить через дверь. А то лестница с каждым годом становится всё тяжелее.

— Что верно, то верно! — буркнул человечек. — Незачем тебе жить в бутылке. — И он, ничего не сказав больше, бросился в воду.

Старушка вернулась в деревню, и каково же было её удивление, когда вместо красной глиняной бутылки она увидела хорошенький розовый домик. Около него росли цветы, а дверь была гостеприимно открыта.

Старушка вошла в дом и нашла там свой старый стул, маленький круглый стол и полку с посудой — всё, что она оставила в бутылке.

Пока старушка ходила на озеро, она проголодалась, села обедать, и сразу же стул показался ей жёстким, а стол неудобным.

На другой день она снова отправилась к водяному. Дошла до озера, трижды хлопнула в ладоши.

Водяной выскочил на берег.

— Ну, что тебе ещё? — спросил он.

— Можешь не злиться, — сказала старушка. — Или ты забыл, кто спас тебе жизнь? Вот какое дело: не заменишь ли ты мне и мебель?

Моя стара и выглядит в таком хорошеньком новом доме просто ужасно!

— Ладно, — огрызнулся человечек и ушёл обратно в озеро.

Старушка вернулась домой. В каждой комнате теперь стояли стулья с цветной обивкой, а обеденный стол пахнул новой краской. Полка тоже была новая, а уж посуда на ней — та просто сверкала и лучилась.

«Теперь, кажется, всё, что мне надо, — подумала старушка. — Вот только ходить на базар далеко. Не завести ли мне пони?»

На следующий день она вновь отправилась к водяному.

— Что, опять пришла? — спросил её маленький человечек.

— Да. Я пришла за пони. За маленьким пони с ленточкой в волосах и с колокольчиком на шее. Уж не забыл ли ты, что это я выкупила тебя у рыбака?

— Уф! — недовольно фыркнул человечек и прыгнул в озеро.

Старушка пришла домой и увидела возле крыльца привязанного пони. У него были и ленточка в волосах, и колокольчик на шее. Пони стоял и спокойно пощипывал травку.

«Но как же мне ездить на нём? — подумала старушка. — Не трястись же всю дорогу верхом? Мне, которая оказала водяному столько услуг! Нет, нужен обязательно экипаж!»

Она еле дождалась следующего дня и, сев верхом на пони, отправилась к озеру.

Выскочил водяной, и старушка рассказала ему про экипаж.

— Глупая, жадная женщина! — воскликнул человечек. — Ты никак не можешь остановиться. Смотри, как бы жадность не сыграла с тобой злую шутку!

И он полез назад в воду.

Старушка хотела спросить, когда будет экипаж, но оглянулась и увидела, что пони уже стоит запряжённый в красивую деревянную повозку.

Она села в неё и покатила.

Ночью старушка уже не спала, а раздумывала, что бы ещё выпросить у водяного.

«Слуги! Вот чего мне теперь не хватает, — сказала она себе. — Кучер, горничная и повар!»

И едва только бледное солнце показалось на затянутом тучами небосводе, старушка запрягла пони и помчалась к озеру.

Там она снова захлопала в ладоши, и снова зелёный человечек оказался на берегу рядом с ней. Но на этот раз он уже ничего не говорил, а смотрел на старушку, поджав губы.

— Итак, я спасла тебе жизнь, — начала старая женщина. — Мало того что я выкупила тебя за один пенни, я не отнесла тебя домой и не бросила на сковородку. Теперь ты должен выполнять все мои просьбы. Мне нужен кучер для экипажа, горничная для комнаты и повар для кухни... Можешь не возражать и не трясти своей шапочкой. Я еду домой!

Она повернулась к экипажу, но... ни экипажа, ни пони уже не было. Она посмотрела на то место, где стоял зелёный человечек, — оно тоже было пусто. Только по воде шли круги...

Старушка отправилась домой пешком. Долго брела она по дороге, а когда пришла, то увидела вместо розового домика старую глиняную бутылку, а около неё в кустах свою лестницу.

МАЛЕЯТОВИТ И ЕГО СОБАКИ

(Сказка эскимосов Аляски)

Жил в селении на берегу студёного моря юноша по имени Малейтовит. Он был, как и все люди его племени, охотником, ездил на собаках в тундру и бил копьём оленей-карибу.

У него была хорошая упряжка — девять ездовых собак, одна лучше другой. Каждую он выкормил, ещё когда та была щенком.

Жил он с отцом и с матерью.

Но вот настал день, когда родители сказали ему:

— Малейтовит, пора тебе жениться. Пока мы ещё не умерли, нам хочется понынчить твоих детей.

И Малейтовит стал ходить по селению из иглу в иглу. Везде он просил девушек приготовить ему немного аукоотоока. Но одни девушки клали в кушанье жир не молодого, а старого карибу, другие скупались на сушёное мясо. И только в самой последней иглу, на конце селения, Малейтовит попробовал такой аукоотоок, какого никогда прежде не едал. Хорошо перетёртый жир молодого карибу был нежным, мелко нарезанное сушёное мясо тщательно перемешано с синими ягодами черники.

Малейтовит попросил девушку отнести аукоотоок в деревянной мисочке его родителям. Тем понравилось кушанье, и через два дня сыграли свадьбу.

Стали Малейтовит и его жена жить вместе. Пошёл он однажды весной в тундру и не вернулся. Жена знала, где обычно охотится её муж. Оставила дома детей, взяла копьё и пошла за ним.

Идёт. В трещинах от зимних морозов талая вода. Пучки травы желтеют под солнцем. С коч-

ки на кочку — нашла она в сухой траве следы мужа. И вдруг следы пропали. Усталая, легла жена на кочку и уснула. Проснувшись от собачьего лая. Это упряжка Малейтовита отвязалась и прибежала искать хозяина. Лают собаки, заливаются. Посмотрела женщина — а в траве дверца. Открыла её, а там, под землёй, — иглу. Сидят в ней два медведя и её муж Малейтовит. Бросились собаки на медведей. Одного разорвали, а второго женщина копьём убила. Смотрит, а собаки все погибли — медведь их порвал.

Вывела мужа из иглу, сняла с собак шкуры. Вернулись они в селение. Там из собачьих шкур сшила жена Малейтовиту одежду: парку, торбасá и рукавицы. И снова стали жить.

Пришло время, постарел Малейтовит. Трудно стало ему бегать по тундре с копьём за карибу. Начал он вязать сети на уток. Сперва хорошая охота была: как ни пойдёт в тундру — целую сумку дичи принесёт. Потом стало всё хуже и хуже. Догадался Малейтовит, что кто-то ворует у него уток из сетей.

Пошёл однажды в тундру. Поставил сеть у озера, лёг за ивняком в густую траву и стал ждать. Солнце поднялось высоко над вершинами снежных гор. Тепло стало. Прилетели утки — и в сеть. Но Малейтовит не стал вынимать их. Лежит в траве и ждёт. Слышит, за ивняком голоса.

— Твоя очередь сегодня, бери! — говорит один голос.

Второй отвечает:

— Нет, брат, твоя. Бери ты!

Поднял Малейтовит голову и увидел двух юношей с сумками для дичи. Только они начали вынимать из сети уток, Малейтовит выскочил — и на воров. Те — бежать.

Малейтовит — вдогонку. Бежит по тундре, с

кочки на кочку прыгает, проваливается в лужи. Быстро бежит, а воры ещё быстрее. Видит Малаятовит — впереди иглу. Добежали воры до иглу и скрылись в ней. Осторожно подобрался Малаятовит, залез на поросшую травой крышу и через отверстие для воздуха заглянул вовнутрь.

Сидят в иглу на корточках трое: старик и два молодых. Воры.

— Отец, за нами гонится человек! — говорит один юноша. — Я боюсь. За ним опять придёт его жена и убьёт меня копьём.

— А потом прибегут собаки и опять разорвут меня! — говорит второй.

Узнал Малаятовит тех медведей, что похитили его в тундре.

— Не бойтесь, дети мои! — отвечает старик. — Принесите мой бубен.

Один сын встал и принёс отцу бубен, маленький-премаленький. Никогда не видел Малаятовит таких маленьких бубнов.

Старик плеснул на бубен воды. Начал бубен раздуваться, расти и стал большим. Принялся старик колотить в бубен, кружиться. Понял тогда Малаятовит, что это колдун — шаман.

Всё громче стучит бубен, всё неистовее кружится по иглу старик.

Вдруг за спиной у Малаятовита светлее стало — вспыхнул один край тундры. Идёт по сухой траве огонь, всё ближе подбирается к иглу.

Бедняга Малаятовит с крыши — и бежать.

А пламя уже близко. Трудно бежать Малаятовиту в одежде из собачьих шкур. Сбросил он парку. А парка залаяла и как кинется на огонь. Кусает его, рвёт. Задержала огонь.

Бежит Малаятовит. Оглянулся — огонь парку победил, сжёг и снова несётся в погоню. Вот-вот настигнет Малаятовита.

Кинул Малаятовит в огонь торбаса. Залаяли они, набросились на огонь, прижали его к земле. Пока огонь их побеждал, Малаятовит убежал ещё дальше.

Снова настигает его огонь, острыми когтями хватает за руки. Стянул Малаятовит рукавицы, бросил их на землю. Запрыгали рукавицы, залаяли, кинулись на огонь. Кусают огненные лапы, рвут на клочья.

Ещё дальше ушёл Малаятовит. А огонь рукавицы победил, сожрал — и снова в погоню. Бежит, над самой травой стелется, волочит за собой зелёный дымный хвост.

Чувствует Малаятовит его жаркое дыхание. Протянул огонь свою красную руку, вот-вот схватит человека. Но в этот миг увидел Малаятовит впереди озерцо, свою сеть и с разбега — бултых! — в воду.

А огонь так яростно нёсся за ним, что тоже упал в озеро. Молнией вспыхнул, выбросил вверх столб пара и... погас.

Вернулся Малаятовит домой в селение и стал по-прежнему там жить, по-прежнему ставить сети на уток. Но никто их больше не грабил, и Малаятовит с женой ели досыта до самой смерти.

КВАТ И ПАУЧОК МАРАВА

(Сказка жителей островов Банка, Океания)

Когда мужчины с Вануа-Лава отправились на остров Гауа менять раковины, Кват был мальчиком.

Лодки стояли на воде, готовые к отплытию.

— Кто же будет нас кормить? Кто будет ловить рыбу и стрелять летучих собак? — спросили женщины вождя.

— Вот кто! — ответил вождь и положил руку на голову Квата.

Лодки уплыли, и Кват понял, что теперь ему надо рассчитывать только на свои силы. Первым делом он решил сделать себе лодку. Пошёл в лес, выбрал дерево потолще, свалил его раковинным топором, стал выдалбливать сердцевину.

Стучит топором, поёт песни. До вечера не управился, ушёл. Приходит утром, а дерево цело и стоит на прежнем месте. Снова повалил его Кват. Приходит на другое утро — опять кто-то поднял дерево и поставил на место.

Удивился Кват: в чём дело?

В третий раз свалил дерево, обкорнал, выдолбил. Потом выбрал одну щепочку, отнёс её в сторону, стал маленьким-маленьким, под щепочку залез и ждёт.

Вдруг видит Кват — вспучилась земля, вылез из неё паук Марава. Обернулся старичком, собрал щепки, вложил их в ствол, приделал ветки. Обхватил дерево, поднатужился и поставил на прежнее место. Обошёл вокруг, прищёлкнул языком от удовольствия, стал петь и даже пританцовывать. Потом остановился, присмотрелся к стволу — одной щепочки нет! Стал старичок её искать. Нашёл. Только за ней нагнулся, а Кват из-под щепки как выскочит, как замахнётся топором.

Испугался Марава.

— Не убивай меня, Кват, — молит, — сделаю я тебе лодку!

Обернулся снова пауком, побежал по лесу. Нашёл на берегу моря сухую колоду, выцарапал сердцевину, поставил балансир, мачту, сплёл из паутинок верёвки и парус. Снова превратился в старичка и говорит:

— Вот тебе лодка, Кват!

Столкнул Кват лодку на воду, сел в неё и по-

плыл на соседний остров охотиться на летучих собак. Подплывает, видит — движется над верхушками пальм голова злого великана — вуи. Страшный великан: лицо и грудь раскрашены белыми полосами, в волосах сучки и перья птиц. Спрятался Кват за скалу, дождался, когда вуи ушёл, взял лук и стрелы, пошёл в лес. Настрелял летучих собак. Вдруг слышит гром и треск — снова идёт вуи.

Не растерялся Кват, подпрыгнул и зацепился ногами за ветку. Висит вниз головой среди летучих собак. Вуи его и не заметил — прошёл мимо. Кват с добычей поплыл обратно на Вануа-Лава. Плывёт под парусом, веслом рулит, песню поёт.

Обрадовались женщины еде.

В другой раз поплыл Кват ловить рыбу. Закинул сеть, вытащил несколько рыб. Закинул во второй раз, видит — плывёт к нему акула. Подплыла и говорит:

— Не бойся меня, Кват! Выпусти рыб — они мои родственники. А за это я подарю тебе сладкий картофель, который можно печь на огне.

Выпустил Кват рыб. Смотрит, а на том месте, где только что была акула, плавает картофельный клубень. Поднял его Кват из воды и поплыл домой.

А дома на берегу голодные женщины и дети. Понутив голову прошёл мимо них Кват. Делать нечего, отправился он в лес. Выжег часть поляны, вскопал палкой землю, посадил клубень.

Выросло много сладкого картофеля — бата-та, собрал его Кват в кучу и ушёл в деревню за женщинами.

А великан вуи в это время решил навестить Вануа-Лава. Перешёл море вброд, пошёл по острову, видит — куча картофеля. Заплясал от радости. «Стой! — думает. — Надо сперва от людей

избавиться». Вырыл яму, накрыл её своим плащом, спрятался и стал ждать.

А Кват уже ведёт женщин на поле. Шли они, шли и провалились. Сидят в яме, а вуи наверху хохочет. Взял тогда Кват лук и пустил из ямы стрелу. Попала она в дерево. Пустил вторую. Попала вторая стрела в первую. Стрела за стрелой — получилась цепочка. Свесилась цепочка из стрел в яму. Кват ухватился за неё и вылез. За ним — женщины. Убежали они от вуи, а Кват с полдороги вернулся, спрятался за кустами и смотрит, что делает вуи.

А тот собирает в мешок картофель.

Вдруг зашевелились листья на земле, вылез из-под них паучок Марава.

— Я всё видел, — говорит паучок. — Давай накажем злого вуи!

Стал он бегать поверх ямы, затянул её паутиной. А Кват сверху забросал листьями. Потом стал Кват на краю ямы и давай вуи дразнить. Кинулся великан на дерзкого мальчика, прыгнул с размаха на листья, как рухнет в яму! Упал и от испуга превратился в камень. До сих пор на Вануа-Лава торчит из земли каменный исполин.

А женщины деревни испекли картофель в горячей золе, надели праздничные наряды, сели у моря и стали ждать.

Видит Марава, не получается без мужчин праздник. Полез на небо. Лезет, за собой паутинку тянет. Ухватился Кват за паутинку и тоже полез. Забрались они с Маравой на облако, а оттуда всё море видно. Плывёт по морю флот — возвращаются мужчины.

Причалили лодки. Начался праздник. Все танцуют и поют. А Кват сел в свою лодку.

— Ты куда? — спрашивает его вождь.

— На другие острова. Хочу подарить всем

людям сладкий картофель. И сам хочу поучиться у людей. Но я ещё вернусь!

Так уплыл Кват.

СКУПЫЕ МУЖ И ЖЕНА

(Индийская сказка. Центральная Индия)

В одной деревне, на самом краю джунглей, жила семья — муж и жена. Они были очень скупы, и вот какие истории до сих пор рассказывают о них.

Как-то шёл муж по чужому полю и увидел большую кокосовую пальму. На её верхушке раскачивались огромные спелые орехи.

— Хозяина нет, сорву-ка я их! — сказал скупец, сбросил сандалии, обхватил руками ствол пальмы и полез наверх.

Он очень торопился и когда посмотрел вниз, то испугался: дома внизу были уже как коробочки, а люди — не больше муравьёв.

— О великий Брама! О мудрая обезьяна Хануман! — взмолился крестьянин. — Помогите мне спуститься вниз целым, и я накормлю тысячу голодных.

Он сказал это и начал медленно сползать вниз. Посмотрел и увидел, что дома теперь уже как корзины, а люди больше саранчи.

«Пожалуй, тысяча голодных — это много! — подумал скупец. — Хватит и ста!»

Он сполз ещё немного и решил — хватит десяти. А когда прыгнул на землю, то сказал:

— Уж одного-то голодного я накормлю обязательно!

Вернувшись домой, он увидел около хижины толстого бродячего монаха.

«Ну, этот всегда сыт. Много не съест!» — решил скупец и приказал жене накормить монаха досыта.

— Я ухажу по делам, но скоро вернусь! — добавил он.

Крестьянин ушёл. Жена, ворча, достала горшок, положила на тарелку горсть риса и протянула тарелку монаху. Тот съел и потребовал добавки.

— Твой муж приказал накормить меня досыта, а я не привык есть так мало!

— Ты и так толстый! — ответила женщина, но не посмела послушаться.

Монах съел ещё тарелку, потом ещё, и горшок опустел. Тогда монах повалился на землю, стал стонать и кричать. Собрался народ, прибежал муж и, задыхаясь, спросил:

— В чём дело?

— Твоя жена отравила меня! — кричал монах.

Скупец страшно испугался.

— Замолчи! Вот тебе рупия, иди к врачам.

— А кто заплатит за мои похороны, если я умру?

Скупец дал ему ещё десять рупий.

— Полиция! Полиция! — стал кричать монах.

Скупец и его жена задрожали от ужаса. Они отдали монаху все деньги, которые были у них в карманах. Монах взял их, дополз до поворота, там встал на ноги, отряхнулся и как ни в чём не бывало пошёл своим путём...

Однако эта история ничему не научила скупцов, и очень скоро они снова стали жертвой своей жадности.

Случилось это так. К ним в дом пришёл сосед и попросил на время горшок, сварить бобы.

— Горшок-то вон какой хороший, почти но-

вый. Я купила его всего десять лет назад на базаре в Калькутте. Ты не разобьёшь его? — спросила жена.

А муж предупредил:

— Смотри, верни его быстро!

Сосед очень рассердился и решил их проучить. Он взял горшок, сварил в нём бобы, а потом достал глины и вылепил точно такой же маленький горшочек. Расписал его таким же рисунком и на другой день вернул оба горшка.

— А этот откуда взялся? — удивился скупец.

— Занятное дело! — ответил сосед. — У меня во дворе есть яма. Её выкопали два бродячих монаха. Должно быть, они были святыми — яма получилась волшебной. Стоит положить в неё какую-нибудь вещь, и у той появляются маленькие дети.

Скупые муж и жена даже подпрыгнули от такой новости.

— Не положить ли в твою яму нашу сковородку? Мне как раз нужна маленькая, — сказала женщина.

— Да, да, и эти две миски, — добавил её муж.

— Отчего не положить! — согласился сосед.

Он забрал сковородку и миски, сделал на другой день точно такие же маленькие и вернул их.

«Вот где оно — богатство!» — решили скупцы.

Они бросились тотчас по деревне, собрали все миски, горшки и кувшины, сложили в повозку и привезли к соседу целую гору посуды.

— Ну что тебе стоит, положи это всё в яму! — стали они просить.

Сосед для виду немного поломался, потом согласился и закатил повозку с посудой к себе во двор. А на следующее утро, рано, когда ещё все в деревне спали, отвёз посуду на базар в город и всю продал.

— Ну, как наши горшки? — стали спрашивать его каждый день скупые муж и жена.

— Дайте им полежать! — отвечал сосед.

Наконец настал день, он позвал их к себе во двор. Отвалили деревянную крышку, которой была закрыта яма, заглянули в неё... Яма пуста!

— А наша посуда! Где она?

Хитрец сделал печальное лицо.

— Увы! Вероятно, она умерла! — сказал он. — Умерла, и боги взяли её на небо.

Обманутые побежали к судье жаловаться. Ведь теперь им надо было покупать посуду для всей деревни.

Судья выслушал обе стороны и спросил:

— Так вы говорите, что у первого горшка родился в яме сын?

— Да.

— А у сковородки и мисок — дочери?

— Так.

— Почему же посуда, у которой бывают дети, не может умереть и попасть на небо?..

И последняя история — это как скупцы чуть было не разбогатели.

Как-то вечером (дело было летом, и шёл обычный в тех краях муссонный дождь) в дверь их хижины постучали.

Жена открыла. На пороге стоял человек в рубище, с сумой.

— Я иду из самого Бенареса, от берегов священного Ганга! — сказал странник. — Пустите обсохнуть и переночевать, добрые люди!

Скупец и его жена побоялись отказать человеку, идущему из святых мест.

— Ладно, входи, — сказал муж. — Только у нас в доме нечего есть. Садись в угол и отдыхай.

— Можешь развлечь нас рассказами о чудесах, которые бывают на свете. Ты перевидел их, должно быть, немало? — добавила жена.

Путник расположился в углу, а немного отдохнув, открыл суму и достал из неё раковину. На вид это была обычная раковина, красная, как приоткрытые бычьи губы. Такие раковины бродячие торговцы часто приносят в деревни. Была такая раковина и у скупца с женой.

— Вы спрашивали о чудесах, — сказал путник. — Я действительно повидал их немало. Но ни одно не может сравниться вот с этим. Я получил эту раковину в храме, около которого каждую весну входят в воду Ганга жаждущие исцеления. Стоит только сказать: «Раковина, дай монету!» — и ты получишь рупию. Правда, просить её у раковины можно только один раз в день.

У скупцов загорелись глаза.

— Не может быть! — в один голос сказали оба.

Путник нагнулся к раковине:

— Раковина, дай монету!

По полу со звоном покатился серебряный кружок.

Скупой и его жена, дрожа от алчности, переглянулись.

Ночью, когда путник уснул, они достали свою раковину и осторожно подменили волшебную. А утром, когда путник, поблагодарив их, ушёл, сели на пол и разом прошептали:

— Раковина, дай монету!

Выпала рупия.

Между тем путник, придя вечером в город, проголодался, полез в сумку, достал раковину и очень удивился, не получив от неё монеты. Он присмотрелся и понял, что его обокрали. Но как теперь вернуть волшебную раковину? Он долго думал и нашёл выход. Сменил одежду, вымазал лицо грязью, вернулся к дому, где жили скупой и его жена, и, изменив голос, снова попросился на ночлег.

И снова, прежде чем лечь спать, стал рассказывать про чудеса. Он достал из сумы раковину и сказал:

— А вот что скоро сделает меня богатым. Стоит сказать: «Раковина, дай монеты!» — и из неё выскакивают сразу три рупии.

Он спрятал раковину, но у скупого и его жены на этот раз даже не возникло и тени сомнения. Если есть раковина, из которой выскакивает рупия, почему не быть такой, которая в три раза щедрее?

Они опять переглянулись и, когда настала ночь и их гость уснул, снова подменили раковину. Теперь они положили в суму волшебную, а взяли оттуда свою, простую.

Настало утро, путник ушёл. Они сели на пол и, задыхаясь от жадности, затараторили:

— Раковина, дай монеты! Дай монеты!

Увы! Никаких монет не падало...

Так и жили они, скупец и его жена, — каждый день ссорились и обвиняли в своих несчастьях друг друга.

ВОЛШЕБНОЕ ЗАКЛИНАНИЕ

(Сказка народа малиали. Южная Индия)

Так вот, на Малабарском берегу, около города Коджикода, в одной деревенской семье жил мальчик, которого звали Рам. Его родители были очень бедные люди, и, чтобы помочь им, Рам решил сделаться заклинателем — научиться исцелять от укусов змей.

Надо сказать, что в Индии есть всего четыре вида ядовитых змей, из которых самые страшные — кобра и маленькая змейка-крайт. Змеи никогда не нападают на человека, но люди в Ин-

дии в деревнях ходят босиком, а змеям никогда не известны истинные намерения людей. Вот почему змея, на которую наступили, имеет дурную привычку кусать. И в этом её трудно винить.

Люди народа малиали, когда их укусит змея, знают, что нужно немедленно отсосать кровь и прижечь ранку угольком пальмового дерева. Но людям каждый раз очень хочется остаться живыми и здоровыми, поэтому они охотно обращаются и к заклинателям. Заклинатели произносят над ранкой волшебные слова, причём у каждого из них эти слова свои.

Так вот, Рам решил сделаться заклинателем. Один приятель, которого он встретил на деревенской улице, посоветовал ему:

— Знаешь что, собери корзину подарков и отправляйся к вайдвану — заклинателю, который живёт в соседней деревне. Вайдван знает волшебное заклинание, он скажет тебе его, ты повторишь его пятьдесят тысяч раз, и оно войдёт в твоё тело, станет твоим собственным...

Рам очень обрадовался, узнав, что стать заклинателем не так уж и сложно. Но какие подарки мог собрать он, мальчик из бедной семьи?

Долго размышлял Рам, потом взял корзину, набрал в неё огурцов из собственного огорода, поставил корзину на голову и отправился в соседнюю деревню.

Можете себе представить, как удивился вайдван, когда увидел около двери своего дома мальчика с корзиной огурцов на голове!

— Что случилось? — недружелюбно буркнул он.

— Я хочу стать твоим учеником, — смиренно ответил Рам. — Хочу узнать волшебное заклинание, чтобы лечить в моей деревне людей. Я при-

шёл не с пустыми руками: видишь, вот подарок. И он снял с головы корзину.

А надо сказать, что заклинатель был очень богат — в благодарность за исцеление люди приносили ему золотые и серебряные вещи и много других драгоценностей.

— Мне... в подарок... огурцы? — завопил злой вайдван. — Глупец!

Рам так испугался его крика, что не понял, о чём тот говорит. А вайдван топал ногами и кричал:

— Глупец!.. Огурцы!..

Испуганный Рам бросился бежать. Он мчался по деревенской улице со всех ног, а вслед ему несло:

— Глупец!.. Огурцы!..

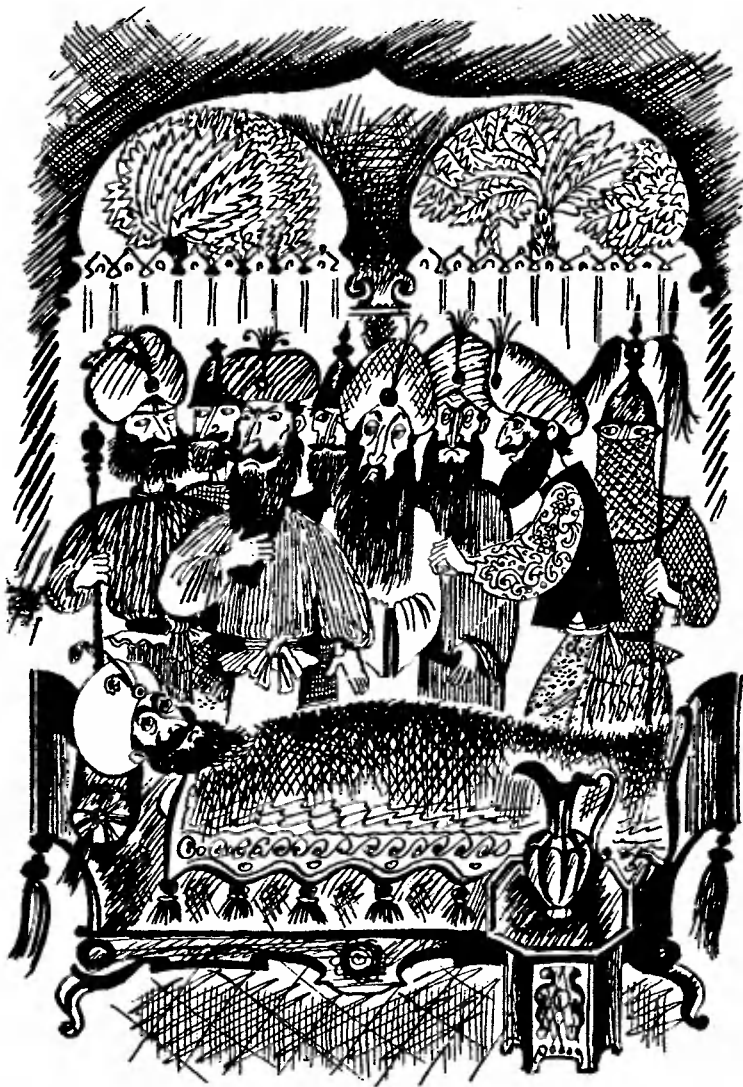
А надо вам сказать, что на языке малайалам, на котором говорит народ малиали, «глупец» произносится «витти», а «огурцы» — «кусмандам», и убегающий Рам, слыша позади себя «витти-кусмандам», решил, что это и есть волшебное заклинание.

Он прибежал домой и стал день за днём повторять его, а когда повторил пятьдесят тысяч раз, то почувствовал, что оно вошло в его тело, стало его словом.

Так Рам стал врачом.

Надо сказать, что дела его сразу же пошли хорошо, потому что он не надеялся только на одну силу волшебных слов, но добросовестно отсасывал из ранок кровь, и прижигал их угольком пальмового дерева, и советовал хорошенько кормить укушенных, чтобы у них было больше сил справиться с болезнью.

И ещё люди заметили, что он никогда не берёт от исцелённых дорогие подарки, но всегда только еду — рис и мясо — и ещё изредка дрова, чтобы было на чём приготовить обед отцу и матери.

Владыкой Малабарского берега в те годы был король Коджикода. Этот король не отличался какими-либо особыми достоинствами, разве что имел очень тонкий слух и, как рассказывают, мог на расстоянии сорока шагов услышать слово, произнесённое самым тихим шёпотом.

Однажды король, гуляя у себя в саду, наступил на маленькую змейку крайт и был ею тотчас укушен.

Во дворце поднялась страшная паника. Были вызваны все лучшие врачи и заклинатели города. Однако напрасно они возносили к небу молитвы, курили благовония и выкрикивали заклинания — королю становилось всё хуже, а когда настала третья ночь, все поняли: спасения нет. Король лежал на постели, закрыв глаза, еле дышал, и у него уже начали холодеть кончики пальцев.

— Только чудо может его спасти, — сказал, покачав головой, самый старей и мудрей из врачей. — Королю надобно сделать усилие, от которого огонь жизни вновь вспыхнул бы в его груди. Но, увы, как это сделать?

И тогда кто-то вспомнил, что в деревне неподалёку от города живёт мальчик, о котором идёт слава как об искусном врачевателе. Отряд гонцов с носилками ворвался ночью в деревню. Рама усадили на носилки, и слуги бегом, меняясь каждые четверть часа, доставили его во дворец.

Рам осмотрел короля и остался очень недоволен.

— Отсасывали кровь из ранки? — спросил он у первого министра.

Первый министр испугался. Он тут же сообщил, что может повредить себе, сказав «нет», и оказался в какой-то степени виновным в смерти властителя.

— Отсасывали кровь из ранки? — спросил он в свою очередь у второго министра.

Но тот был тоже себе на уме.

— Отсасывали ли кровь? — спросил он у старшего королевского писца.

Так они спрашивали друг друга, пока не добрались до самого младшего конюха, и только тот осмелился сказать «нет».

— Очень плохо! — сказал Рам. — А делали прижигания?

Первый министр снова побоялся ответить, и снова вопрос дошёл до конюха, который сказал, что рану не прижигали.

— Совсем плохо! — сказал Рам. — Осталось последнее средство — волшебное заклинание.

И он, наклонясь над умирающим, прошептал:

— Виттикусмандам!

И умирающий (а у него, как вы помните, был очень тонкий слух) услышал его. Мало того, король очень удивился, что кто-то бормочет над ним «глупец» и «огурцы». Он так удивился, что приподнялся на своём ложе и спросил:

— Какие огурцы?

Оттого, что он сделал такое усилие, кровь в его жилах побежала быстрее, сердце забилося лучше, и через час он уже мог сидеть, облокотясь на подушку, а через день улыбаться и пить прохладный оранжевый сок манго.

Когда настал час отправляться Раму домой, король сказал ему:

— Ты спас меня от смерти. Проси всё, что хочешь. Что бы ты ни назвал, всё будет доставлено сегодня же тебе.

Он имел в виду золото и драгоценные камни, изделия из слоновой кости и дорогие ткани.

— Прикажи послать моим родителям немного фруктов и вязанку дров, — сказал Рам. — Это

обычная плата за исцеление, и никакой другой мне не надо.

Король снова очень удивился и спросил: может быть, у Рама был помощник? Он хочет одарить и его.

— Да, при твоём дворе есть человек, который помог мне, — сказал Рам. — Он ответил на мои вопросы, и из его ответов я узнал правду. Вот он!

С этими словами он указал на самого младшего королевского конюха.

Сказка не сохранила память о том, был ли награждён конюх, но что после этой истории Рам вернулся домой и жил долгие годы, врачую людей и оберегая старость своих родителей, — это известно.

Известно также, что он ещё много раз прибегал к волшебному заклинанию:

— Виттикусмандам!

БАЙАМИ — ДОБРЫЙ ДУХ

(Сказки жителей Австралии)

СТРАНСТВИЯ ВАРРУНЫ

В давно прошедшие времена жил в одном племени знахарь и мудрец — виринун. Имя его забылось, и по созвучию его часто теперь называют Варруной.

Племя, разбившись на маленькие группы, охотилось и кочевало в самом центре Австралии, где сходятся несколько горных хребтов и где стоит красная и одинокая, словно освещённая по-жаром, скала Айрс-рок.

Надоело Варруне странствовать вместе с племенем, и он отправился один на север. Долго от-

существовал Варруна, а когда наконец вернулся, послушать его собралось всё племя.

— Долго шёл я, оставляя утреннее солнце с правой руки, — начал Варруна. — До тех пор, пока не пришёл в страну, где много скал, покрытых рисунками. Их делают люди, во всём похожие на нас с вами. Страна этих людей кончается Большой водой. В неё впадают редкие реки, на берегах которых я видел ящериц величиной с трёх динго, уложенных один за другим. Спины этих ящериц покрыты костяной бронёй, а глаза по ночам светятся красным светом.

— Ну что ж, это всё может быть, — согласились жители племени. — А что, эта Большая вода действительно большая?

Надо сказать, что воды в центре Австралии мало, и каждая лужица здесь — это находка и счастье.

— О, ей не видно края, — ответил Варруна. — Но самое главное я не сказал: эта вода горькая и солёная. Её нельзя пить!

«Как это так? Всякая вода сладка, и всякую воду пьют!» — подумали охотники и, посоветовавшись, решили считать Варруну лжецом.

Много раз отправлялся он в путешествия. Был на востоке, около уходящих в самое небо гор; на юге, у туманного холодного пролива, который отделяет материк от новых островов; на западе, где простирается песчаная пустыня и где нет ни гор, ни лесов.

Возвращаясь, он рассказывал про белый песок, который иногда падает с неба на вершины гор и который превращается в воду, если взять его в ладони. Про рыб, таких огромных, что, когда они выставляют из воды спины, кажется, что это плывут острова. Про черепах, которые тысячами выходят по ночам из воды, чтобы отложить яйца в песок. Он рассказывал про людей, во всём

похожих на людей их племени, которые также охотятся, собирают корни, раскапывают родники и только говорят на других языках.

Охотники слушали его, кивали, но каждый раз, когда он доходил до того места, когда снова увидел Большую воду (а она, по его словам, окружает Австралию со всех сторон), спрашивали:

— И ты утверждаешь, что эта вода горькая и солёная? И что её нельзя пить?

— Да.

— Лжец...

Так продолжалось до тех пор, пока в одном из путешествий Варруне не повстречался Байами — добрый дух. Дух принял облик простого охотника, они долго беседовали, и Варруна рассказал, как несправедливы к нему соплеменники.

— Я накладываю на тебя обет молчания, табу, — сказал Байами.

И Варруна, вернувшись, перестал рассказывать о том, что видел. А охотники, узнав, что между Байами и Варруной был какой-то разговор, решили, что добрый дух пожалел их и запечатал уста обманщика.

Шли годы, Варруна умер, и рассказы его стали повторять другие. Но теперь они уже стали сказками, и дети забавлялись, слушая их.

Но однажды страшная засуха заставила племя покинуть окрестности Айрс-рок. Охотники снялись с места и отправились на север. Долго брели они через пустыню, от одного пересохшего водоёма к другому, пока не пришли в местность, где было много камней, покрытых рисунками, был скалистый берег, а за ним вспыхнула и загорелась вода, вода до самого горизонта!

Утомлённые, страдающие от жажды люди бросились вниз. Там каждый встал на колени,

зачерпнул полной ладонью воду и поднёс её к губам... Вода была нестерпимо горькой и солёной.

И только тогда поняли охотники, что Байами, запретив Варруне говорить, был милостив не к ним, а к нему — он оберегал его доброе имя.

СУМКА МАТЕРИ-КЕНГУРУ

Однажды Байами отправился по стране, чтобы посмотреть, кто нуждается в его помощи и защите.

А надо сказать, что в то далёкое время у кенгуру и других австралийских животных не было на животе сумок и детёнышей они водили за собой или носили на груди или на спине, как это делают звери в других странах.

Идя через лес, Байами увидел мать-кенгуру, которая пасла своего сына. Кенгурёнок был очень игривый, шустрый, мать то и дело теряла его из виду, начинала волноваться и искать. В лесу было много охотников, и всё это могло плохо кончиться.

«Вот кому нужна моя помощь!» — подумал Байами.

Он превратился в старого слепого вомбата и, выйдя из кустов, попросил:

— Я слышу, кто-то щиплет на поляне траву. Помогите мне, доброе животное, перейти поляну!

— Хорошо, я помогу тебе, вот только поймаю своего сына! — сказала мать.

С трудом изловила кенгурёнка, прижала лапами к груди и вернулась к вомбату. Тот взялся зубами за кончик её хвоста, и мать-кенгуру повела его.

Не успели они дойти до середины поляны,

как из леса вышел охотник с копьём наперевес. Увидев его, кенгуру оставила вомбата (тот лёг и прижался к земле), швырнула детёныша в кусты (тот затаился там), а сама большими прыжками бросилась в сторону, чтобы увести охотника с поляны.

Но охотник был из племени, которое считает всех кенгуру священными. Он не мог ни преследовать, ни убивать их. Он опустил копьё, повернулся и скрылся в лесу.

Когда мать-кенгуру вернулась на поляну, Байами подумал: «Я должен отблагодарить её!»

Он принял вид птицы, слетал к стойбищу охотников, нашёл там тонкую, сплетённую из мягкой травы сумку и с ней вернулся на поляну.

Мать-кенгуру была ещё там.

— Я подвяжу тебе сумку, и ты будешь носить в ней детёнышей, — сказала Байами, снова превратившись в вомбата. — У тебя освободятся передние, и ты будешь меньше волноваться за своих детей.

С этими словами он подвязал кенгуру сумку, та приросла к телу, и скоро кенгурёнок сам отлично впрыгивал в неё и выпрыгивал.

Так мать-кенгуру получила для малышей карман на животе. Он так понравился другим животным, что скоро многие звери Австралии — и вомбаты, и посумы, и плюшевые медведи-коала, и даже крысы-бандикуты — завели себе такое же приспособление.

А у кенгуру до сих пор осталась привычка в минуту опасности выбрасывать детёныша из сумки и прыжками уводить хищника подальше.

КИБОКО ХУГО — БЕГЕМОТ

(По книжке Дж. П. Мбонде, Танзания)

КТО ТАКОЙ БЕГЕМОТ ХУГО

В Африке на берегу океана, в мелкой и тёплой лагуне Куросани, живёт бегемот по имени Хуго. Он живёт один, но это не значит, дети, что так было всегда.

Когда-то, в давние-давние времена, в лагуне жили рыбы акулы. Это были добрые и гостеприимные животные, и поэтому, когда из леса в лагуну пришли бегемоты, акулы уступили им Куросани. Они уплыли в океан и живут теперь там.

Вот почему, дети, я не верю историям про коварство и жестокость акул. Не всё, что рассказывают, происходит на самом деле.

Но давайте оставим акул в покое и поговорим о бегемоте Хуго.

После того как все родственники его умерли, он остался в лагуне один.

Он жил там год за годом, и каждый, кто приезжал в Куросани или в расположенные поблизости деревню Мзимуну и большой город Дар-эс-Салам, обыкновенно спрашивал:

— А где этот бегемот — кибоко, который живёт один?

На что люди, знающие лагуну, отвечали:

— Хуко, хуко! Там, там!

А поскольку люди племени насига вместо «хуко» говорят «хуго», это и стало кличкой бегемота.

КАК ЛЮДИ ОБИДЕЛИСЬ НА БЕГЕМОТА ХУГО

Всё шло бы хорошо, мои дети, если бы бегемот Хуго питался рыбой, подобно акулам, или

жуками и бабочками, подобно тем чёрным сорокам, которые имеют обыкновение развезжать верхом на слонах.

Но увы! Хуго не питался ни рыбой, ни жуками, ни бабочками. Он выходил каждую ночь из лагуны и поедая молодые побеги риса. Он не знал, что люди Куросани тратят много труда на то, чтобы вырастить рисовые стебли. Однако незнание — не оправдание, как говорит мудрый марабу. Тот самый марабу, у которого лысая голова и у которого на каждый случай жизни есть пословица или поговорка. И случилось так, что жители Куросани возненавидели Хуго, и когда люди из Мзимуну или из большого города Дар-эс-Салама убеждали их смириться с потерей урожая, жители Куросани отвечали:

— Хуго вытаптывает не ваш рис. Мы убьём Хуго!

Дело шло к тому, что жестокость вот-вот должна была восторжествовать. Тогда Хуго, который кое-что заметил и кое-что услышал, решил посоветоваться с Рыбой.

КАК БЕГЕМОТ ХУГО ГОВОРИЛ С РЫБОЙ

Одинокая жизнь Хуго очень удивляла морских животных, которые всегда держатся стаями. Поэтому Рыба охотно пришла на зов бегемота. Она и сама давно хотела кое-что узнать о Хуго и его предках.

Они встретились в том месте, где солёные воды океана сливаются с пресными водами реки, впадающей в лагуну. Никто не мешал их беседе, дети, и вот какой разговор произошёл между ними.

РЫБА. Мне непонятно, почему у всех животных, живущих на суше, есть шерсть, а у вас, бегемотов, её нет?

ХУГО. Для того чтобы ответить на твой вопрос, надо рассказать историю, которая случилась, как утверждают, давным-давно, ещё до того, как появился человек, его лодки и дома. Ты можешь верить, можешь — нет, но когда-то у бегемотов была густая, красивая шерсть. И жили они не в воде, как теперь, а на суше. Господин Слон, у которого шерсть очень редка и, можно сказать, даже совсем незаметна, завидовал бегемотам. Он договорился с Кроликом...

РЫБА. Это такой зверь с длинными ушами?

ХУГО. И с длинным лживым языком, добавлю я. Так вот, Обманщик Кролик и Господин Слон решили погубить бегемотов. Кролик пригласил их прогуляться по берегу кипящего озера. А когда они стали важно разгуливать по песку, любуясь своей густой шерстью, появился Господин Слон и столкнул их всех в воду.

РЫБА. Но ведь они не погибли?

ХУГО. Да, они выбрались на берег, но шерсть у них вся вылезла, и они от стыда решили жить в воде. И тогда же у них появилась привычка выходить пасть только по ночам.

РЫБА. Однажды бегемот опрокинул лодку, в которой сидел рыбак. Рыбак охотился за мной. Я в долгу перед твоими родичами.

ХУГО. Вот видишь, тогда помоги мне советом. Люди говорят, что они хотят напасть на меня за то, что по ночам я ем их рис. Они хотят убить меня. Что делать?

РЫБА. Это сложный вопрос. Я могла бы посоветовать тебе оставить в покое рис. Но я сама знаю, что такое голод. Мой совет: наберись терпения. Подожди, что будет.

Так сказала Рыба и, вильнув хвостом, скрылась в солёной воде океана, а бегемот Хуго поплыл пресной водой к себе в лагуну.

Он вернулся в лагуну и заметил, что на её берегах мелькают белые рубахи и белые блузки, зелёные юбки и синие брюки школьников. Тут и там поднимались серые палатки. Школьники из Дар-эс-Салама приехали и строили себе лагерь.

И случилось так, что только они разбили лагерь, как прибежал человек и сказал:

— Бегемоту Хуго грозит опасность!

Он рассказал про рис, и тогда один мальчик предложил:

— Построим между водой и рисовым полем забор! Бегемот Хуго не сможет тогда топтать рис.

И все школьники сказали:

— Построим забор!

Они принялись за дело и работали весь день. Они построили забор, а вечером пошли к себе в лагерь и по пути пели песню:

Звери саванны в стране
Танзании —
Это большое богатство
для всего мира.
Мы должны сохранить
зверей в Танзании.
Друзья животных — пример
для всех.

Они пели, а бегемот Хуго сидел в воде, выставив уши и ноздри, тихонько дышал и слушал. Он не знал, что весь этот шум поднят из-за него.

Вот почему, когда настала ночь, он, как всегда, вылез на берег, обошёл забор и наелся сладкого-сладкого риса и от удовольствия — рис был действительно так сладок! — даже потанцевал на грядах.

Утром — а это случилось именно утром, дети, — одна девочка встала раньше всех и побежала на рисовое поле посмотреть, как там дела. Прибежав назад, она закричала всем:

— Как вы спали? Шикамоо!

— Мы спали хорошо, — ответили ей все. — Марахаба!¹

— Тогда посмотрите на поле!

Все посмотрели и ахнули.

— Я знаю, что надо делать, — сказала девочка. — Надо выкопать яму, поймать в неё бегемота и отвезти его в Микуми.

И все поняли, что она права. Она права, потому что в заповеднике Микуми есть «пруд бегемотов». И ещё права потому, что в заповеднике хорошо живётся не только бегемотам, но и слонам, и львам, и лысому марабу, и даже злой слюнявой гиене...

Тут, дети, мой рассказ подходит к концу, потому что яма-ловушка уже вырыта, и все дети, и все рыбаки, и крестьяне Куросани ждут, когда попадётся в неё Хуго.

Неизвестно, когда он в неё попадётся, но говорят, что бегемоты обязательно попадают в ловушку в один из первых пятидесяти дней после того, как её вырыли и закрыли сверху травой и ветками.

И тогда наступит час переезда. И все жители Куросани соберутся, чтобы проститься с Хуго, потому что, хотя он и топтал рисовые поля, во всём остальном он был добродушным животным и никому не делал вреда. А жители Мзимуни и большого города Дар-эс-Салама выйдут на доро-

¹ Слова «шикамоо» и «марахаба» употребляются как выражение вежливости.

гу, чтобы тоже проститься с бегемотом. Они будут стоять вдоль дороги и, когда машина с животным подъедет, затянут песню.

Это будет песня со старыми словами:

Где этот бегемот?
Хуго! Хуго! Хуго!

Но и старые слова хороши, если они к месту.

Это будет праздник, потому что тогда можно будет сказать: «Люди спасли старину Хуго. Ещё одно животное в Танзании в безопасности!»

И все будут гордиться, потому что гордиться можно не только большими победами своего народа в войнах, но и его маленькими добрыми делами.

В ГОСТЯХ У КРОКОДИЛОВ

АРИЙ КАМЕНЬ

СНИМАТЬ СО СКАЛЫ

Я пришёл на причал узнать про теплоход.
Настало время возвращаться с острова Беринга
на материк. На причале суетились матросы.

— Идёмте с нами! — крикнул старшина.

— Куда?

На катере тарахтел движок.

— Человека со скалы снимать.

Я сразу представил себе: кораблекрушение,
один пассажир спасся, доплыл до скалы и теперь
сидит там...

Раздумывать нечего!

Скоро я стоял, закутанный в плащ, на корме
катера и смотрел, как уходит назад засыпанный
углем и цементной пылью причал.

Катер описал по бухте полукруг, прибавил оборотов и побежал по свинцовой океанской воде наискосок от берега, туда, где на самом горизонте смутно чернел зубчик — скала Арий камень.

Арами алеуты называют морских птиц — кайр.

Катер шёл ходко, взбираясь с одной волны на другую. Берег, низкий, с заснеженными сопками, понемногу двигался, голубел, валился за корму.

Появились киты. Они неторопливо выдували вверх прозрачные белые фонтаны, неторопливо погружались и всплывали.

Стук мотора китам не понравился, и они ушли.

КАМЕННАЯ СТЕНА

Чёрный зубчик на горизонте поднимался, желтел и мало-помалу превратился в островок.

Когда мы подошли ближе, от него отделилась струя серого дыма. Она изогнулась, взмыла вверх и рассыпалась на тысячи белых и чёрных искр. Птичий гомон обрушился на катер. То, что я принял за струю дыма, было огромной стаей птиц.

Под их гвалт старшина повёл катер к берегу. Обрыв — метров сто. На узких каменных карнизах рядами тысячи птиц: белогрудые кайры, чёрные как смоль бакланы, серые чайки. Птицы сидели, прижимаясь к отвесной скале. Я сразу подумал: как это не падают в дождь и ветер с узких карнизов их яйца?

Отгрохотав цепью, ушёл в воду якорь. Новый взрыв беспокойства на скале. Несколько самых отважных чаек бросились к нам, с криком по-

висли над катером, загребая изо всех сил крыльями воздух.

Людей на палубе мало, ружей нет. Чайки успокоились и унеслись прочь.

Но где же потерпевший кораблекрушение?

Два матроса спустили шлюпку, прыгнули в неё, наладили уключины. Следом прыгнул и я.

ЗЕЛЁНАЯ ПАЛАТКА

Ворочая тяжёлое весло, я посматривал через плечо на каменную стену и думал: «Как к ней подойти? Отвесная скала, у воды — острые, как собачьи зубы, раковины. Невозможно!..»

Но матросы ловко направили нос шлюпки в расщелину, он ткнулся туда, матрос выскочил на камень и отчаянно завопил:

— Конец!

Его товарищ швырнул свёрнутый в кольцо канат...

Вбив в трещину в скале обломок прихваченной с катера доски и привязав к ней шлюпку, мы отправились в путь по острову.

Сперва ползли на четвереньках, цепляясь руками за камни, потом выбрались на карниз, обогнули скалу. Карниз стал шире, появилась тропинка.

Наконец я увидел сорванный каблуком мох и отпечаток резинового сапога — след человека!

Мы вышли на другую сторону острова. Тут скала была не такая крутая, на ней — площадки, лужи, густая сочная трава.

И вдруг на одной из площадок я заметил грязное озерцо, а рядом с ним вылинявшую зелёную палатку.

От палатки к нам шла женщина. Она была в синем спортивном костюме и коротких резино-

вых сапогах. Копна чёрных волос развевалась по ветру.

— Долго же вы добирались! — крикнула она. — А я вас жду, жду.

Матросы кивнули ей как старой знакомой. Женщина протянула мне руку:

— Эля Михтарьянц!

Никакого кораблекрушения.

«Вот так раз! — подумал я. — Она, как видно, жила тут и работала. Учёная».

ЖЕНЩИНА НА СКАЛЕ

Михтарьянц и верно оказалась учёным-орнитологом. На острове она прожила четыре месяца. Теперь настал срок уезжать.

Мы стали помогать ей собирать вещи.

Набежал дождь. Он посыпался из ясного неба мелкой водяной крупой и кончился так же неожиданно, как начался.

Когда постель и одежда были увязаны, Эля принялась складывать приборы и журналы с записями — их она не доверяла никому. А мы с матросами отправились бродить по острову.

С камня на камень, с камня на камень — камни мокрые, загаженные птицами, скользкие.

КАЙРЫ И БАКЛАНЫ

Вот и вершина острова, самая макушка скалы.

Здесь на крошечной, с ладонь шириной, площадке сидела кайра. Увидев меня, она по-змеиному зашипела, нехотя снялась и, распластав крылья, уплыла вниз, где лучилась и сверкала солнечными искрами вода.

На площадке осталось яйцо — зелёное в коричневую крапинку, один конец тупой, другой острый. Я положил его на наклонный камень — яйцо не покатилося, а покачалось, повернулось тупым концом вниз и замерло.

Яйцо-неваляшка, яйцо — ванька-встанька! Так вот почему не падают вниз с обрыва ни в дождь, ни в ветер арьи яйца!

Постояв на вершине, я начал спуск. С камня на камень, как по лестнице.

Справа и слева из-под камней, поблёскивая белыми грудками, шипят кайры. Тоже сторожат яйца.

Лез, лез, снова попал на край обрыва. Снова под ногами море. Сбоку — на фоне воды — две чёрные змеи. Поднялись на хвосты, вертятся, раскачиваются, пугают.

Никакие это не змеи. Два баклана устроили на выступе скалы себе дом. Сидят бок о бок, оба, как сажка, чёрные, вокруг глаз — оранжевые ободки. Ворчат, успокаивают друг друга: «Не посмеет тронуть, не посмеет, уйдёт!»

И верно — уйду. Можете не волноваться!

Я отполз в сторону, и тотчас один из бакланов метнулся вниз.словно чёрная стрела полетела с обрыва, вонзилась в воздух, прочертила прямую линию.

Развернулись крылья — баклан уже на воде. Качается чёрной лодочкой — сейчас начнёт ловить рыбу.

А подруга его осталась на камне. Косит на меня оранжевым глазом. Если присмотреться, под ней между лапами — яйцо.

«Когда ты уйдёшь?»

Ушёл я, ушёл. Дальше пополз. Вниз.

Скатился со скалы, а там — Михтарьянц.

— Идёмте, — говорит, — я вам сейчас топо-риков покажу.

Здесь, внизу, где каменные уступы пошире, травы побольше, и гнездятся топорики.

Сели мы с Элей в траву, стали наблюдать.

Ара — взрослому человеку по колено. Топорик меньше раза в два. Сам бурый, на голове — два лимонных хохолка. Нос красный, лопаточкой. Лапки тоже красные.

Гнёзд топорик не вьёт, на карнизах, как бакланы, не сидит — роет норы. Вот один старается: тюк, тюк! — красной лопаточкой. Носом долбит землю, лапками из-под себя выбрасывает.

Взлетает топорик так: часто-часто замашет короткими крыльями, толкнётся — и пошёл. Пока набирает скорость, лапки опущены, пальцы перепончатые растопырены, точь-в-точь самолёт на взлёте. Но вот набрана скорость — можно убирать шасси, — и топорик лапки подобрал, к пузечку прижал, стрижёт воздух крыльями. Только свист идёт!

И садится топорик, как самолёт. Подлетел, выпустил лапки, затормозил крыльями — фррр! — и приземлился около своего дома.

Мы с Михтарьянц идём, стараясь не шуметь, мимо россыпи валунов, мимо нор, пробитых в зелёной траве. Смотрят на нас умные птицы, поворачивают вслед пёстрые хохлатые головы.

— Наш северный попугай! — сказала про топорика Эля.

У неё для всякой птицы здесь — прозвище, про всякую — сто историй. Недаром она на острове то одна, то с товарищами уже второе лето.

Родилась Эля далеко от Командорских островов — в Армении.

Раскалённые красные камни, синие горы, маленькое селение посреди сухой, безводной долины. Воду девочка видела всегда помалу: в ладошках — когда умывалась, в кружке — когда пила, на дне колодца — когда отец открывал крышку, чтобы опустить ведро.

Выросла, окончила институт, попала во Владивосток. А тут — море! Вода до самого горизонта. Поражённая, решила: тут и останусь.

Как все горянки, была она молчалива и не боялась одиночества. Поэтому, когда ей предложили поехать на остров изучать птиц, сказала:

— Ладно! — И очутилась на Арьем камне.

При сборах опытные люди советовали:

— Сапоги обязательно возьмите резиновые — в них нога не скользит. И конечно, примус: деревьев на острове нет, костерок не разведёшь. Одеяло потеплее, свитер — даром что лето, может и снег пойти...

— Это в июне-то?

— В июне.

Самой страшной была первая ночь. Катер, который привёз её, ушёл. Набежали тучи, солнце село — темнота! Ни зги. Висит где-то между чёрной водой и чёрным небом крошечная палатка, в ней — на железной койке — маленькая женщина.

Где-то внизу ворочается океан. Ветерок шевелит траву, а женщине кажется: кто-то подкрадывается. Идёт кто-то по скале, всё ближе, ближе... Камень упал. Крикнула морская птица...

Достала Эля из ящика примус, чиркнула спичкой — разожгла. Вспыхнул над примусом

голубой огонёк, зажурчал. Набрал силу, стал жёлтым, красным, по палатке побежало, заструилось тепло. Шумит примус! Будто появился собеседник: торопится что-то рассказать, шумит взахлёб, а Эля сидит, слушает его и кивает...

Потом привыкла. И к темноте, и к ветру. Бывает, задуёт он, белой пеной покроется океан. Волны — с размаху — о камень. Гудит скала!.. Посыплет дождь, тонкой водяной плёнкой покрое скалы, траву, тропинки.

И только птицы, верные соседи, по-прежнему галдят, хлопочут.

— Я их тогда и полюбила, — говорит Михтарьянц. — Они бесстрашные! Хотите, расскажу, как они ведут себя в ненастье?

На островок обрушивается шторм, а колония не прерывает дел. Во время самых диких ветров можно видеть в воздухе птиц. Только когда сидят, они поворачиваются носами к ветру да потеснее прижимаются к скале...

И ещё рассказала Михтарьянц: когда на Арий камень первый раз упал туман, она тоже оробела.

Было безветрие. Туман наполз с океана плотной стеной. Стало трудно дышать. На лице, на плечах — мелкие водяные капли. Всё — как в молоке, вытянешь руку — не видно пальцев.

— Туман застал меня на берегу озера. До палатки — шагов десять, а не пройти. Вдруг упадёшь со скалы? Или подвернёшь ногу... Села я на камень и стала ждать. В тумане, вы знаете, слышен даже самый слабый звук. И вдруг ото всюду понеслись крики, зашуршали крылья. Это взлетали и садились ары, бакланы, ссорились чайки, свистели крыльями топорики. Представляете: в такой туман не выпускают самолёты, бывает, становятся на якорь корабли, а птицы летают! Молодцы!

Я заметил, как по-особенному научилась здесь Эля ходить. Тихо. Движения плавные, как в замедленном кино. Птицы её не пугаются. Идёт она прямо на чайку, та взмахнёт крылом, отскочит на шаг и продолжает свои дела — рвёт что-то на кусочки, ворчит.

— Будто собака! — сказала Михтарьянц про одну злую чайку.

Мы ходили по острову, и Эля рассказывала про птиц.

ИЗ РАССКАЗОВ МИХТАРЬЯНЦ

На Арий камень птицы прилетают весной. Надо снести яйца, вывести птенцов, поставить их на крыло, спустить на воду. Все это у каждой птицы по-своему.

У чайки-моевки птенец появляется на свет слабым, первую неделю лежит в гнезде и только к концу шестой недели крепнет, поднимается на ножки, пробует выходить на край обрыва. Станет здесь, развернёт крылья, с опаской посмотрит вниз — страшно! А справа и слева такие же, как он, — серые, голенастые, бедовые. Кричат, подбадривают. Вьются над ними с криками отцы, мамы. Но вот настает час — словно что-то толкнуло его, кувыркнулся птенец с обрыва, отчаянно замахал крыльями. Принял его воздух, поддержал. Описал смельчак круг и снова вернулся к гнезду. А за ним — как купальщики холодной осенью, зажмурив глаза, в ледяную воду — братья, сёстры, соседи по скале — прыг, прыг!

Эти первые полёты продолжаются примерно месяц. Держится теперь молодёжь выводком. Постепенно смелее — всё позднее возвращаются молодые на скалу. Всё дальше и дальше их полёты. Значит, скоро на юг!..

У маленького топорика детство совсем не такое. Первые дни проводит малыш не под открытым небом, как чайка, а в глубине норы, на подстилке из сухой травы и перьев. Подрастёт, всё чаще начнёт выбираться на свет, расхаживать у входа в нору. И вот, подбадриваемый родителями, устремляется пешком через гальку, через обломки камней — к воде! Добежал до неё, упал, заработал лапками — поплыл. Прочь от берега! Больше не вернётся сюда в этом году маленькая красноносая птица. Уплывёт в открытое море. Будет там расти, откармливаться, взростеть среди кочующих рыбьих стай и холодных свинцовых волн.

Такое же детство и у птенца кайры. Этот, правда, растёт на свету, на ветру, быстро оперяется, набирается сил. Но тоже придёт день — станет малыш на краю обрыва. А под ногами-то пропасть! Еле видны мелкие, как чешуйки, волны. И вдруг — замерло сердце, отчаянно затрепетали крылья. Вытянул вперёд шею, растопырил ноги — полетел! Вниз, вниз. По пути задел скалу, отскочил от неё, как мячик. Всё ниже и ниже. Держат крылышки, как парашюты, работают перепончатые лапки. Вот и вода. Уф! Заработал ножками — поплыл! Как и топорик, прочь от берега. А неподалёку уже отец и мать. Радуются, торопятся плыть следом. Им всем троим долго жить в море...

И уж совсем удивительно прощаются с берегом птенцы кайры на острове Тюленьем — ещё на одном острове, где побывала Михтарьянц.

Тюлений — небольшая плоская скала. У подножия её — котиковый пляж, на ровной, как стол, вершине — тысячи птиц. Отсюда совершают они полёты в море, чтобы накормить горластых большеротых птенцов.

Но вот птенцы подросли. В жизни колонии

наступает великий день. Небывалое волнение охватывает и без того шумный птичий базар. Тысячные толпы кайр совершают не осмысленные на первый взгляд перемещения: они то сбиваются в стаи, то рассыпаются вновь. Но постепенно вся эта чёрно-белая масса сдвигается в сторону моря. И тогда происходит самое важное: какой-то сигнал, общее по наитию решение, случайный шаг вперёд одной птицы — и птичья толпа упорядочивается. Взрослые птицы спускаются со скалы и выстраиваются шеренгами, образуя проходы между котиками. И никогда не выдавшие воды птенцы ручейками устремляются к морю. Они скатываются с обрыва и бегут по этим коридорам между коричневыми рыкающих зверей, пока не достигнут камней, покрытых перной. Бегут, бросаются в волны, а огромные звери, шумно дыша и вытягивая шеи, удивлённо смотрят им вслед.

КРАБЫ

На острове были ещё жильцы: кроме птиц, его населяли крабы. Мелкие, плоские, с паучьи ножками и острыми клешонками, они снова-ли у самой воды или сидели на камнях и аккуратно состригали с них жёлтые нитевидные водоросли.

Я спустился к самой воде, примостился на обломке скалы.

Сидит краб, перебирает клешонками, отправляет в рот ниточку за ниточкой. Клешнями ест, а глаза-бусинки смотрят вверх. Мелькнула над скалой светлая тень, зашелестели крылья — краб боком-боком к самому краю камня. Присел на краю, посмотрел ещё раз вверх и в воду — шлёп!

Я не уйду, продолжаю наблюдать. Справа и слева от меня на облитых водой, солёных, поросших водорослями скалах — тысячи крабов. Расселось, расположилось тонконогое, закованное в панцири воинство. Блестят тёмными спинками, размахивают клешнями. Вдруг, как по команде, бросили еду, двинулись к воде. Я уже знаю, в чём дело. В небе — чайки.

Но вот чайки улетели, и крабы полезли из воды. Выскочит крабишка, встряхнётся, замрёт.

«Почему они так проворно из моря выскакивают?» — подумал я.

Осторожно (как бы не сорваться!) сполз к самой воде. Видно хорошо, до самого дна. Впрочем, какое тут дно — уступ скалы. На уступе — глаза. Смотрят на меня квадратные зрачки — не мигают. Вокруг глаз голубоватое облачко колыхается, снуют белые колечки-присоски.

«Да это, никак, сам осьминожек к нам в гости пожаловал!» — догадался я.

В стороне от него из расселины ещё пара глаз смотрит.

Краб для осьминога — главная добыча. Вот отчего так странно ведут себя крабы. Не сладкая у них жизнь: только от чайки в воду спрятался, надо на берег от осьминожка бежать!

ЕЩЁ ИЗ РАССКАЗОВ МИХТАРЬЯНЦ

Над скалой всегда дикий гвалт: кричат во всё горло птенцы, торопят родителей маленькие кайры, бакланы, топорики, напоминают о себе, зовут, упрашивают. Все хотят есть.

Мечется взад-вперёд от скалы к скале легион чёрных, белых, коричневых птиц. Каждая пара кормит детей.

Но охотятся птицы каждая по-своему.

Чайка ловит добычу на лету. Нырять она не любит. Высмотрит у самой поверхности рыбёшку, пронесётся над ней, клювом, как крючком, подхватит — цоп! — и готово.

Кайра — та может нырнуть. Но долго под водой не сидит. Догоняя рыбу, гребёт чаще одними лапами. Схватила добычу — и тоже наверх.

Совсем другое дело — топорик. Этот под волной чувствует себя как дома. Плоский нос вперёд вытянул, лапами и крыльями как заработал... Мчится стрелой, никакой рыbine не уйти!

У огромной олуши и у маленькой вилохвостой крачки — своя манера охотиться. Эти пикируют, входят в воду, падая как камни. Поднимется олуша метров на тридцать, крылья сложит — и вниз. Берегись! Бывали случаи, находили в воде: олуша сама мертва и на шее — пробитый клювом баклан или топорик. Это она его невзначай, как копьём, пронзила...

— Но самый ловкий подводный пловец, — утверждает Эля, — баклан. Этот, когда плывёт, и лапами гребёт, и всем телом, как бобр или выдра, извивается. Баклану нырнуть на десять метров ничего не стоит. Несколько минут пробыть под водой — для него пустяк... И ещё о чайках, — говорит Михтарьянц. — Не удивляйтесь — самые странные и самые ленивые птицы. Недаром их морскими воронами да побирушками называют. Никакой падалью не брезгают. Видели, что делается у рыбконсервных заводов? Их там туча! Крик, гвалт, из-за каждого кусочка драка. Чайкам что чешуя, что кусочек кожи, что кишки — всё равно. Недаром теперь многие чайки переселились в города. Я их называю помоечными чайками.

— Ну за что вы их так! — говорю я. — Чайка — птица красивая, неглупая.

— Умная, — соглашается Эля. — Не видели, как она с морскими ежами расправляется? Ёж колючий, в известковой броне. Чайка запримет одного — скажем, в море отлив и он в луже, обсох, — на лету клювом за колючку подцепит — и вверх. Поднимется, пролетая над берегом, разожмёт клюв, ёж с высоты об камень — бряк! Иглы вдребезги. А чайка уже тут как тут. Села рядом, лапой перевернула — и давай клевать.

Умная птица, но злая и хищная!

ЧАЙКА

Надо мной с диким криком парила серая чайка. Она то взмывала вверх, то пикировала, едва не ударяя крыльями. С ней то и дело случалась медвежья болезнь — все плечи и спина у меня были забрызганы белой зловонной жидкостью. От такого крика мог переполошиться весь птичий базар. Но птицы не обращали на неё никакого внимания.

В чём дело?

Я сделал шаг — и из-под ноги с хриплым писком вывалился огромный, с курицу, птенец. Он был серый, покрыт пухом, не умел летать, скользил по камням, проваливался и истошно орал.

Так вот отчего беспокоилась чайка — это была его мать! И вот почему не обращали на нас внимания остальные птицы — разберётесь, мол, сами!

ПРИМУС

Вещи Михтарьянц мы перенесли к шлюпке. Только не сумели снять палатку — она была намертво прикреплена к стальным штырям, вби-

тым в камень. Таковую не сорвёт даже зимний шторм!

Мы волокли, переставляли с камня на камень ящики, пустые баки из-под воды, спустили тюк, перебросали из рук в руки разную мелочь. И вдруг со звоном упал и покатился примус. Эля за ним — да куда там! С камня на камень — и в океан. Бульк!

Мы уложили всё в шлюпку, отвязали конец и, торопливо гребя, отошли от берега.

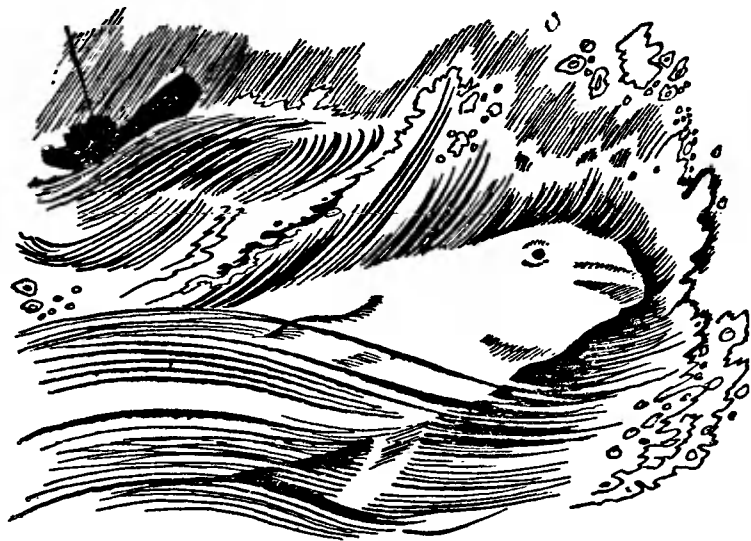
— Жаль мне его, — сказала вдруг Михтарьянц. Я понял, что это она про примус. — В городах мы отвыкли от него. Газ да электричество. А ведь он был у меня как товарищ. Разговорчивый такой!

Я представил себе: май, по океану носит сахарные ломкие льдины. То и дело находит туман. А в крошечной палатке около тёплого подрагивающего примуса — женщина. Одна на скале посередине океана. Сидит и слушает, как шум огня мешается с криком улетающих в туман ар.

БЕЛУШОНОК

Тем летом я жил на полуострове Канин за Полярным кругом в артели охотников за морским зверем. Погода нас не баловала, а к концу месяца испортилась вконец. Ударил тёплый ветер — шелоник, в избе, где мы жили, тонко задребезжали стёкла, запело в трубе. Тучи, которые до того распространялись по небу лениво, заторопились, над сопкой (на склоне её стояла наша изба) промчался облачный клочок, внизу по воде покатались чёрные шквальные полосы.

К вечеру ветер превратился в настоящий

шторм. Зелёные валы пошли в наступление на берег. Подходя к мелководью, они меняли цвет, становились жёлтыми с белыми пенными гривами, с грохотом рушились, вымётывая перед собой плоские языки пены.

На жёлтых водяных горбах плясали поплавки, раскачивалась, содрогаясь, тоня — ловушка для белух, то обнажались, то скрывались под водой подборы, на которых были навешаны сети.

Скоро свист ветра превратился в низкий гул. От тех мест, где скалы подступали к самой воде, нёсся неумолчный, тяжёлый для ушей грохот.

Шторм бушевал всю ночь, а к утру неожиданно стих. Шум волн стал потише, в нём появились ровные, как удары часов, промежутки. Похолодало: уходя, циклон уводил на восток сухой, тёплый, пришедший с юга воздух, а на смену ему уже затекал с Баренцева моря сырой и прохладный.

Выйдя из избы, я спустился по крутой тро-

пинке на берег. Здесь от подножия сопки до самой воды громоздился намытый за ночь вал из мокрой гальки. Около воды стоял один из охотников, Ардеев, и, недоумевая, всматривался во что-то мелькающее среди волн.

В жёлтой, перемешанной с пеной воде, в круговерти подходящих и отступающих валов блестела белая крутая спина — большой дельфин кружил у каменной гряды, через которую опрокидывались волны и за которой была мель. В отлив эта гряда всегда обнажалась, и тогда пространство между камнями и берегом превращалось в озеро.

И вот теперь белуха как замороженная вертелась взад-вперёд около камней.

— Из винтовки её, что ли, ударить? — сказал Гриша. — Чего это она? Сама, дура, пришла... Ты посторожи!

Он повернулся, чтобы идти в избу за патронами — стрелять белух было его работой, — но вдруг остановился, и его выгоревшие редкие брови сошлись у переносицы. Теперь он пристально всматривался в другое пятно — небольшое коричневое, — которое раскачивалось среди пологих, потерявших силу волн, медленно ползущих от камней по мелководью к берегу. Оно не стояло на месте, а с каждой волной смещалось, приближалось к нам.

— Ишь куда его занесло! — сказал Гриша Ардеев, и я понял, что случилось: небольшой полярный дельфин — белушонок — в непрозрачной, мутной воде потерял мать, перескочил через каменную гряду и теперь, оказавшись на мели, гибнет...

— Ишь куда его занесло! — повторил Гриша. — Детна!¹

¹ Детна — белуха с детёнышем (поморское).

Белуха беспокойно металась, пытаясь отыскать проход между камнями; вода с каждой минутой убывала: шёл отлив.

Высокая волна перекатила через гряды, подхватила белушонку, понесла, и вдруг он остановился. Пятно больше не двигалось — маленькое животное оказалось на мели.

Азарт охотника боролся в Грише с жалостью.

— Перевернёт ведь, — пробормотал он, и я понял, что он говорит про нас с ним и про лодку.

— Авось не перевернёт. Попробуем?

Мы столкнули на воду карбас — узкую низкобортную лодку, торопливо загребая короткими вёслами, отошли от берега. Завели мотор. Описав дугу, оказались рядом с камнями. За спиной у меня кто-то шумно выдохнул, я обернулся и успел заметить в серой, покрытой грязными пенными шапками воде молочную погружающуюся спину.

Второй раз белуха вынырнула у самого борта. Из воды показались белый крутой лоб, похожая на шар голова, короткий, безгубый, длинный, как птичий клюв, рот. Зверь выбросил из дыхания с тонким свистом струю брызг, перевернулся и, не погружаясь, поплыл. Он плыл прямо на камни, где ещё недавно был проход и откуда теперь стремительным потоком уходила вода.

— Вот шальная, сохнет ведь! — сказал Гриша и, круто положив руль на борт, пересек зверю путь.

Лодка и белуха разошлись, едва не задев друг друга, карбас проскочил вперёд, Гриша заглушил мотор. Тут же пронзительно заскрипел о камни окованный железом киль. Пришедшая следом волна приподняла нас, и карбас, перемахнув через камни, закачался на тихой воде.

Мы подгрести к белушонку. Здесь было сов-

сем мелко. Гриша перевалился через борт, по пояс в воде подошёл к животному. Белушонок лежал обессиленный, на боку, изредка ударяя хвостом.

— Верёвку давай! — крикнул мне Гриша.

Он накинул петлю на хвост белушонку, вдвоём мы подтащили коричневое обмякшее тело к борту, привязали. Вторую петлю пропустили под плавники. Дождавшись волны, столкнули карбас с мели и, часто работая вёслами, погнали его назад к камням.

Белуха была тут. Она вертелась у самых бурунов, то и дело выставляя из воды голову. Нижнюю челюсть она ободрала о камни — тонкие красные струйки бежали к горлу.

Нам повезло: лодка попала между двумя большими камнями, мы проскочили в щель между ними и очутились на открытой воде. Прежде чем очередной пенный вал успел швырнуть нас назад, мотор взвыл и карбас понёсся от камней.

Белуха плыла следом, не погружаясь.

Я увидел, что верёвки, которыми был привязан белушонок, натянулись втугую.

— Стой! — закричал я. — Стой, Гриша! Мы задушим его.

Ардеев сбросил обороты и вырубил винт. Мотор работал теперь вхолостую. Блеснул нож — Ардеев перерезал верёвки, дельфинёнок очутился на свободе.

— Мы, кажется, убили его.

Гриша пожал плечами. Невдалеке от нас всплывало огромное белое тело — мать спешила к сыну. Он стал тонуть, она поддела его лбом, удерживая у поверхности воды.

Ветер относил нас. Привстав, мы смотрели во все глаза — что будет? Наконец мне показалось, что белушонок шевельнулся. Мать ещё раз под-

толкнула его, затем они погрузились и всплыли уже в стороне.

— Будет жить, — сказал Ардеев.

Когда они показались в следующий раз, белуха выставила из воды голову, и до нас донёлся неторопливый, низкий, похожий на гудок паровоза свист.

Потом они поплыли — мать впереди, детёныш чуть поотстав. Плыли и становились всё незаметнее.

— Пошли домой?

— Пошли.

Карбас повернул и не быстро, вместе со слабыми волнами побежал к берегу.

В избе наше отсутствие не прошло незамеченным.

— Чего это тебя в море носило? Бензин лишний? — спросил бригадир.

— Да так... — нехотя ответил Гриша.

Из окна, около которого лежал на нарах бригадир, были хорошо видны и берег и море. Бригадир недобро посмотрел на Ардеева, хотел что-то добавить, но не сказал ни слова.

Я тоже молчал: я знал, что охотники не одобряют нашего плавания — такая огромная белуха была хорошей добычей...

Осенью я вернулся на Большую землю, а ещё через год охота на дельфинов была запрещена.

Но сперва ей изменили такие люди, как Гриша Ардеев. И я рад, что был свидетелем его измены.

АКУЛЫ

Свою первую акулу я увидел не в море, а в городе. Мы с Родольфо — моим спутником по кубинской поездке — поехали в Гавану, чтобы до-

стать немного фотоплёнки, муки и консервов. Там-то он и отвёл меня в бассейн.

Мы пришли неудачно — бассейн чистили. Трое рабочих спустили из него почти всю воду и теперь бродили по дну, шаркая по бетону щётками на длинных палках. Они тёрли позеленевшее дно, и на бетоне оставались светлые полосы.

На дне лежали какие-то розовые туши. Люди деловито перешагивали через длинные, как торпеды, тела и продолжали уборку.

— Мадре миа, матушка, да это же акулы! — сказал я.

Родольфо охотно подтвердил:

— Тибуронес!

Акулам было не до людей — они жадно разевали кривые рты, глотая мутную воду, которая даже не покрывала им спины.

— И как они не боятся? — сказал я про уборщиков.

Родольфо пожал плечами:

— Трабахо. Работа.

Мы не дождались, когда уборка кончится и бассейн снова нальют водой до краёв.

На обратном пути, трясясь в машине, я всё время вспоминал огромных красноватых рыб, их жадно раскрытые пасти и людей, спокойно расхаживающих по скользкому дну.

Ещё я вспоминал всё, что читал про нападения акул.

ВОПРОС НОМЕР ОДИН

Когда я собирался в путешествие, друзья в Ленинграде наперебой спрашивали:

— Что ты думаешь делать с акулами? Акул ты учёл?

Акулы превратились для меня в вопрос номер один.

— В общем-то они на людей не нападают, — утверждали одни. — Вон в Калифорнии есть даже клуб «Верхом на акуле». Членом его может быть всякий, кто хоть раз проедет на хищнике.

— И много таких наездников?

— Несколько сот!

— Зато в Австралии, чтобы спастись от акул, пришлось сетями огородить все пляжи, — напоминали другие. — Создана комиссия по акулам. Ею собрано полторы тысячи карточек — все случаи нападения акул на человека. Белая акула перекусывает человека пополам, как редиску.

Я не знал, что и подумать.

Кончилось тем, что я составил себе таблицу — опасные и неопасные акулы. Против названия каждой был нарисован квадратик. Квадратики я закрасил в красный или жёлтый цвет.

Красный — акула нападает, жёлтый — нет.

Нарисовав таблицу, я почувствовал себя спо-

койнее. В конце концов, встретив акулу, всегда можно вспомнить: как она относится к человеку?

— Интересная табличка, — сказали в один голос мои знакомые. — Что-то у тебя мало красных квадратиков.

— А это составлено для подводного пловца. Нам, подводным, легче. Акула видит большое существо с лапами, думает: уж не новый ли это хищник? — и чаще всего нападать воздерживается.

— Ну-ну...

Эту таблицу я привёз с собой.

АКУЛА НА ПЕСКЕ

С утра стояла отличная погода. Штиль. Даже у внешней кромки рифа, где всегда толклись волны, на этот раз вода словно остекленела.

Мы с Родольфо плавали у внутренней кромки, где кораллы погибли и где песок чередовался с зарослями черепаховой травы.

В траве сидели коротконогие ежи. Кончики их иголок были выставлены, и поэтому казалось, что ежи поседели. На макушках у них шевелились осколки раковин, листочки горгонарий, плоские камешки. Тонкими, нитевидными ножами ежи поддерживали свои украшения.

Резкие движения воды достигли меня. Я оглянулся. Ко мне плыл Родольфо. Подплыв, он повернулся и вытянул руку по направлению к большой песчаной осыпке. Там, почти касаясь брюхом песка, медленно плыла тупоголовая, с человека величиной, рыба. Красноватая, с бесцветными глазами хищница неторопливо двигалась к нам.

Это была песчаная акула, точно такая, каких я видел в бассейне. Я начал судорожно вспоми-

нать свою таблицу. Святое Небо, что за квадратик стоит против неё? Кажется, жёлтый... Ну конечно, жёлтый! Я облегчённо вздохнул и жестом показал: «Ерунда».

Акула плыла, то и дело тыча мордой в песок, что-то искала и не обращала внимания на то, что делается наверху.

Мохноногий краб не успел удрать, и акула, сделав едва заметное движение головой, сглотнула его.

Обогнув бугристый зелёный коралл, она очутилась под нами. Я ещё раз жестом успокоил приятеля. Колебания воды, вызванные моей рукой, достигли акулы, она остановилась и, изогнув шершавое, складчатое тело, посмотрела на нас поросычьим глазом. Что-то шевельнулось у меня в желудке.

«Пустяки! Раз пишут — не нападает, значит, не нападает».

Акула продолжила свой путь. Когда она достигла песчаной поляны, со дна, подбросив облако песка, подскочила и пустилась наутёк камбала. Акула заметила её и стремительно кинулась вдогонку.

Они исчезли за нагромождением каменных глыб, а мы поспешили к берегу. Там я тотчас побежал в дом, торопливо достал таблицу из чемодана.

Против песчаной акулы стоял красный квадрат.

ХИТРЕЦЫ

Больших акул я видел на рифе всего раза два. Зато маленьких там было предостаточно.

Чаще всего встречались акулы-няньки. За что их так прозвали, я не понял. Разве что за

привычку лежать парами на солнышке: большая и маленькая — как нянька с ребёнком...

Однажды я разглядывал скользкую, лиловую, похожую на огурец голотурию, которую нашёл на дне, когда заметил, что на меня из-под кораллового уступа смотрит, вытаращив большие глаза, рыба-белка.

Она выплыла было совсем из укрытия, как вдруг испуганно повернула и скрылась.

Я оглянулся — к нам приближалась небольшая песчаная акула. Она плыла, уставив глазки на пещеру, где скрылась рыба.

Пещерка была узкой, последовать за рыбой акулёнок не решился и отплыл в сторону.

Рыба вновь показалась на пороге своего дома. Акулёнок — к ней, рыба — в нору. Так повторилось несколько раз. Маленький хищник понял: надо хитрить. Отплывёт подальше и тотчас со всех плавников мчится к пещерке. Подлетит, а рыбы уже нет — спряталась.

Тогда акулёнок решил изобразить, будто он совсем покинул место охоты. Быстро работая хвостом, исчез из виду.

Но красная рыбка оказалась не проста: стоило акулёнку скрыться, как она стрелой вылетела из норы и бросилась к грудке камней. Мгновение — она исчезла.

Не успел её раздвоенный хвост пропасть в камнях, как снова появился акулёнок. Стараясь заставить рыбу врасплох, он мчался изо всех сил.

Вот и пещерка... А где же рыба?

Он остановился как вкопанный.

«Взять добычу измором? Ну конечно!» И всё время, пока мы с Родольфо бродили по рифу, он стоял перед пустой норой, алчно поплёскивая круглыми стеклянными глазами.

Я всё ждал, когда акулы удивят меня своей охотничьей сноровкой.

Всякий раз плыву — присматриваюсь.

Вот на песчаной полянке греется стайка — шесть штук, коричневые, с пёстрыми спинами. Небольшие акулы-няньки. Лежат бок о бок. Одна шевельнётся, столкнёт с места соседку, та — следующую... Повертятся и опять замрут. Дремут голова к голове, только у каждой около рта шевелится песок — дышат.

Надоело одной акуле лодыря гонять, всплыла, пошла прямо на меня. Свернула, идёт по краю рифа — слева кораллы, справа песок.

На охоту. Куда же ещё!

Вижу, выплывает из-под скалы стайка щетинозубов.

«Сейчас, — думаю, — акула им задаст. Только брызги полетят!»

Нет. Плывёт акула дальше, щетинозубов словно не замечает.

«Ага, значит, они для неё мелочь! Ей подавай что крупнее».

Вот и покрупнее: три рыбы-ангела, чёрные в золотую крапинку. Каждая с тарелку. Эти — пожива.

Но и на них акула ноль внимания.

«Неужели ищет с себя ростом?»

Дёрнула акула хвостом, изменила путь. Плывёт теперь над песком. Мордой у самого дна водит. С нижней челюсти усики свешиваются. Эти усики она по песку и волочит.

Вдруг — раз! — копнула мордой песок. Вылетела из него раковина. Акула её на лету раскусила — хрус! Глотнула — нет раковины!

Плывёт дальше.

На песке два бугорка — два ежа с короткими

иглами. Прошла над ними акула — ежи исчезли.

Долго я за ней наблюдал. В песок, в траву, в камни — повсюду свой нос сунула.

Моллюски, крабы, ежи, креветки — всё ей сошло, всё в пищу сгодилось...

Так и не удалось мне увидеть акульей охоты — настоящей, с кровью, с отчаянными схватками, какую описывают в книгах и показывают в кино.

Оказывается, и акулы бывают разные.

АКУЛА НА КРЮЧКЕ

Отца Родольфо звали Франциско. Когда-то он ловил акул.

Всё началось с перчатки. Он нашёл её в порту, куда ездил за новым движком для электростанции.

Перчатка была на правую руку, ладонь — из кожи толщиной в палец.

— Эта перчатка — ловить акул, — объяснили ему.

Франциско был молод, и глаза его загорелись. Он смастерил снасть и стал выходить в свободные часы в море. Ловил он по одной-две акулы и привык, что это дело нехитрое, требует только сноровки и осторожности.

В тот день он выехал с вечера, после захода солнца заглушил мотор и положил лодку в дрейф.

На корме у него валялась задняя нога овцы, а на крючки — Франциско ловил на нейлоновый трос с цепочкой и двумя крючками — была насажена овечья печень.

Не успел он забросить снасть, как лодку тряхнуло, и он очутился на досках. В нескольких ме-

трах за кормой кто-то шумно бился о воду.

Франциско встал на четвереньки и подобрался к мотору. Овечья нога с кормы исчезла, а за кормой что-то большое и чёрное колотилось о воду.

«Эге! Вот куда делась нога, — подумал Франциско, разглядев белый бурун и плавник, который то показывался над водой, то скрывался. — Ну, берегись!»

Он подумал так и забросил приманку поближе к акуле.

Та уже покончила с овечьей ногой и кружила около лодки. Франциско водил приманку около акулы, но акула плавала взад-вперёд и не торопилась хватать крючки.

Наконец она решилась. Короткий бросок — проглочены и наживка и половина цепочки. Акула совершила прыжок и рухнула в воду, окатив Франциско с головы до ног. Он придержал снасть, и крючки намертво впились в акулю глотку.

«Теперь не плошаты!» Правой, одетой в перчатку рукой Франциско полочее перехватил нейлоновый шнур и стал потихоньку стравливать его.

Леса, натянутая как струна, поползла по коже, всё глубже врезаясь в перчатку. Франциско упёрся ногой в борт лодки и, держа шнур обеими руками, сдавал акуле с боя каждый сантиметр.

Почувствовав, что леса ослабела, он начал понемногу подбирать её.

Вода у борта качнулась, и при слабом свете звёзд Франциско увидел около лодки длинную чёрную тень. Акула казалась неподвижной. Франциско вздохнул и на мгновение ослабил лесу. И тотчас же тень исчезла, шнур врезался в ладонь. Рассекая кожу перчатки, он стремительно скользил — акула уходила на глубину.

Франциско вцепился в него обеими руками. На ладони горячей картофелиной вздулся и лопнул пузырь, перчатка наполнилась кровью. Ногу свела судорога. От напряжения мышц спина и шея стали деревянными.

Наконец леса стала дрожать, и Франциско понял: акула устала.

Зачерпнув левой рукой воды, он смочил лицо и принялся сматывать лесу. Теперь он вёл акулу, и та покорно уступала его воле. Вот знакомая тень снова появилась под лодкой. Из воды показался косой плавник. Франциско нащупал рукой стальной болт — один из четырёх, которыми мотор был прикреплён к днищу. Свернув шнур петель, он набросил его на болт.

Когда из воды показался плавник, Франциско нагнулся, чтобы вытащить из-под скамейки верёвку. Он решил привязать акулу к лодке за хвост. И тогда из воды вырвалось чёрно-белое тело, акула перевернулась в воздухе и стремительно пошла головой вниз... Франциско не успел сбросить петлю с болта, послышался звук, похожий на выстрел, — шнур лопнул. Освобождённая от тяжести, лодка свободно закачалась на воде.

Когда Франциско пришёл в себя и смотал снасть, он недосчитался сорока метров — их унесла акула вместе с крючками и цепочкой. Замотав тряпкой кровоточащую ладонь, присел около мотора и поднял лицо. Небо над ним было уже серовато-розовым: он возился с рыбой около пяти часов. Потом он утверждал, что акула была не велика — метра три с половиной, не больше, — но у неё был характер, а это, говорил он, кое-что значит...

ИХ ВРЕМЯ

— С тех пор отец не выходил в море... — сказал Родольфо.

Над островом дул пассат. Он дул всё время с востока на запад. Когда солнце поднималось в зенит и горячие струи воздуха сливались в один могучий поток, ветер усиливался. На воде появлялись мелкие, едва заметные глазу чешуйки. Ветер дул всё сильнее, и полосы превращались в волны, волны — в медлительные тяжёлые валы. На рифе вспыхивали белые буруны, возникал угрожающий низкий гул.

Наступало время акул. Среди пенных гребней появлялись чёрные плавники — рыбы шли к Матансасу, там был порт, и из него течение выносило в океан отбросы с мясных фабрик и городской мусор.

ИЗ РАССКАЗОВ О КОРАЛЛОВОМ РИФЕ

ПРИМЕЧАЙ!

Под водой есть всё, что есть на земле.

Есть равнины — однообразные и унылые, есть горы — нагромождение скал и отвесных стен.

Есть пустыни — песок, песок, пока хватает глаз.

Есть болота — вязкий, полужидкий ил, в котором утопает нога.

Наконец, есть леса — непроходимые заросли густых водорослей, обнажённые, как после пожара, стволы кораллов, медленное раскачивание похожих на веера горгонарий.

И — как в пустыне, как на болоте, как в лесу — всюду следы.

Вот на верхушке голой, побелевшей от времени коралловой глыбы круглое ровное колечко.

Кто-то тщательно вырезал его и ушёл.

Здесь сидела раковина-блюдечко, с одной створкой, похожая на формочку, какими дети лепят из песка куличики. Плотно притёрся, присосался к известковой поверхности хозяин раковины, вертелся-вертелся, царапал острыми краями раковины камень — получилось колечко. Но чем-то не понравилось ему место — ушёл. А может, сглотнул его кто? Отковырял от камня, перевернул мягкой ногой кверху — и нет хозяина раковины.

На боку зеленоватого коралла — белые рубцы: кто-то обглодал бок. Ещё курится голубоватый дымок — только что передо мной тут проплывали две рыбы-попугая. Один клюнул на ходу, второй — и уплыли. Остались на коралловом боку отметины.

На белом песке у подножия камня — тоже след. Будто прошёл трактор. Только странный — с одной гусеницей и маленький — весь след шириной в два пальца. Никакой не трактор — был тут ещё один обитатель песчаного дна. Проползал хозяин ещё одной раковины — пёстрой, свёрнутой в кулёчек. Повертелся около каменной стены — не взобраться! Дай, думает, зарююсь! Забрался в песок, утонул, от всех врагов спрятался. Ползёт вместе с раковиной под землёй, ищет в песке добычу, чмокает, а над ним горбится песок, ломается на кирпичики. Укладываются кирпичики в ряд.

А вот ещё след: яма в песке, посреди ямы крабья клешня.

Здесь подстерёг раззяву скат. Зарылся хищник в песок, забросал себя по самые глаза, хвостик спрятал, притаился.

Ждал, ждал и дождался.

Бежал мимо краб, суставчатые ноги переставлял, не заметил, как взбежал на песчаный бугор. А бугор как лопнет! Фонтаном взметнулся песок — конец крабу.

Тут же на песчаной полянке ещё один след. Ямка. Рядом — блестящая, словно вылизанная изнутри, двусторчатая раковина.

Видел я уже не раз такие ямки.

Шла здесь морская звезда. Шла, упиралась в податливое дно оранжевыми ножками.

Стоп! Почуяла под собой поживу. Остановилась, потрогала песок.

Так и есть, закопался кто-то.

Припала к песку всеми пятью лучами, давай ножками песок убирать. Хватают ножки песчинки одну за другой, друг дружке передают. Летят в сторону песок, мелкие камешки. Всё глубже под звездой ямка, всё ближе добыча.

А вот и она — моллюск. Спрятался в свою раковину, створки захлопнул. Зарылся, думает — от всех убежал.

Обняла звезда раковину, присосалась к ней, на все пять лучей приподнялась — вытащила беглеца. Раскрыла, принялась есть.

...Плыву над песком, над коралловой роцей плыву.

Повсюду на морском дне следы. Каждый след — случай, приключение, загадка. Только примечай да разгадывай.

У ПЕЩЕРЫ

Однажды в полдень, когда большинство рыб прячется в укрытия, мне довелось проплывать мимо одной пещеры. Маленькие рыбки, которые сновали тут, были необычайно возбуждены. Они

метались взад-вперёд у входа в пещеру, словно ожидая чего-то.

Я остановился.

В глубине чёрного входа шевельнулась тень и показалась губастая рыба морда. Огромный каменный окунь высунулся до половины из пещеры и замер.

Рыбёшки совсем посходили с ума. Они то отплывали от окуня, то бросались к нему. Самые неосторожные ухитрялись прошмыгнуть у самых губ.

«Сейчас распахнёт пасть, и всё: прова́литесь в глотку!» — подумал я.

Великан действительно разомкнул губы. Но сделал он это так осторожно и медленно, что ни одна рыбёшка не была проглочена. Огромная рыбина стоит, распахнув рот и топорща жабры, словно удивляясь!

И тогда произошло невероятное: ближайшая рыбка сама отправилась окуню в пасть.

Не успел я подумать: «Одна есть!» — как она выплыла и тотчас юркнула туда вновь. За ней в пасть к великану отправилась вторая. Рыбёшки отважно заплывали в огромный рот, копошились там, расталкивая друг друга, и выскакивали, неся в зубах белые крошки...

Так вот оно что! У толстяка — полуденный туалет. Добровольные дантисты и санитары чистят его.

Окунь терпеливо ждал. Только когда последняя рыбёшка покинула пасть, он осторожно свёл губы, опустил жаберные крышки и, не поворачиваясь, задним ходом забрался назад в пещеру.

Рыбья мелочь, не сговариваясь, поплыла прочь.

РЫБЬЕ ОБЛАКО

Я люблю наблюдать за рыбьими стаями: стая живёт по своим законам и даже ведёт себя порой как одно большое живое существо.

Вот из-за большого, плоского, похожего на стол коралла wypлывают два серебристо-лиловых хирурга. Плоские, похожие на блюдечки, с жёлтыми кинжальчиками на хвостах рыбы плывут, строго выдерживая курс. За первой парой показывается вторая. Хирургов уже стайка. Все следуют в направлении, указанном первой парой. Стайка растёт, из-за оранжевой коралловой глыбы показываются всё новые и новые рыбы. Их уже десятки, сотни. Огромная стая тянется, как шлейф дыма, рыбы плывут, никуда не сворачивая, они приближаются ко мне всё ближе... ближе.

Моё неосторожное движение — и по стае распространяется волна тревоги. Почти незаметная, она достигает противоположного конца стаи, и вдруг рыбы, плывущие здесь, — хотя они и не видят меня! — поворачивают, ускоряют ход.словно листья, подхваченные ветром, несутся они прочь, возникает струя быстро плывущих рыб. Увлекаемые невидимым потоком, все хирурги изменили направление. Нет стаи...

А вот ещё одно удивительное умение.

Прямо на меня плыла стая рыб. У каждой — жёлтые галунчики-плавники. Кубинцы называют этих рыб «кахи».

Кахи плыли не торопясь, каждая соизмеряя своё движение с движением стаи. Они тянулись нескончаемой процессией.

И вдруг среди ближайших ко мне рыб произошло движение — к стае приближалась большая зеленоватая морская щука-барракуда. Нижняя челюсть опущена, жёлтые, торчащие

вверх зубы обнажены... «Ну, конец, — подумал я, — сейчас полетит брызгами чешуя!»

И барракуда бросилась в атаку.

Но тут произошло неожиданное — щука промахнулась! Когда она врезалась в стаю, рыбы расступились. Хищница сделала бросок вправо, щёлкнули зубы — промах. Жертв было слишком много: они суетились перед глазами, появлялись перед самым носом, сбивали прицел.

Барракуда выскочила из стаи, описала дугу и кинулась в повторную атаку. И снова промах!

Огромная стая не торопясь стала отступать, а обескураженная хищница, приподняв жаберные крышки и часто раскрывая рот, смотрела ей вслед. Кахи исчезали, поблёскивая жёлтым и белым. И только тогда барракуда заметила меня, изогнулась, посмотрела бесцветными холодными глазами и пошла прочь. Она плыла, едва заметно двигая хвостом, постепенно приходя в себя и набирая скорость.

В море — у кого зубы больше, тот и прав. На этот раз зубы не помогли. Всё случилось, как в лесу у того охотника, который погнался за двумя зайцами.

БЕСКОНЕЧНАЯ ЦЕПЬ

Через стекло маски видны беловатые точки. Они снуют взад-вперёд, неподвижно парят, уносятся течением. Эти прозрачные существа — рачки. Некоторые из них подрастут, превратятся в ногатых, пучеглазых, с тяжёлыми каменными клешнями крабов.

Снуют рачки, охотятся за чем-то невидимым. И вдруг — рыбка, маленькая, жёлто-синяя, как язычок пламени, метнулась, клюнула белую точку, пожевала губками, поплыла дальше. Нет одного рачка.

А из-за коралловой зелёной глыбы уже выплывает рыба-свинья. Морда пяточком, длинные кривые плавники загнуты назад. У каждого глаза — паутинки из оранжевых тонких линий. Подплыла, распахнула рот — провалилась в него рыбка.

Неподалёку от меня охотится подводный пловец. Вот блеснул его гарпун, ударила стрела рыбу-свинью, не пробила, отбросила на дно. Человек не увидел этого, подобрал шнур с гарпуном, уплыл.

А около раненой рыбы уже колышутся тени. Два колючих краба выползли из-под камней, размахивают клешнями, торопятся урвать по кусочку.

Я неподвижно сижу на плоской вершине коралла. Трубка над водой, лицо в маске опущено под воду. Тянется перед моими глазами цепь жизни: сильный поедает слабого, быстрый догоняет неторопливого, каждый на коралловом рифе — ловец и каждый — добыча.

Куруется рыба кровь, вытекает из ранки, ещё сильнее раздражает крабов. Только в ней и опасность.

Вот и новый участник драмы: почувствовав рыбу кровь, мчится издалека скат, торопится, машет чёрными плавниками-крыльями. Летит над самым дном. Тенью прошёл над рыбой, на лету схватил одного краба.

Только мелькнули белые крабьи ноги, только завертелась в воде, упала на дно откушенная скатом клешня.

Мчится скат, бьёт изо всех сил крыльями. Глаза выпучил. Да и как тут не лететь, как не бежать сломя голову? Чуть дрогнула вода, а уж он слышит — беда! Круто вниз опускается на него тупоносая акула. Не уйти скату...

Акула небольшая. Акулёнок. Поэтому я не

кричу подводному пловцу, не предупреждаю его об опасности. Моя маска по-прежнему под водой.

Вот и ещё одно звено в цепи жизни — всё крупнее и крупнее хищник, — скоро ей оборваться.

А впрочем, нет. Не оборвётся цепь. Вырастет акула, умрёт, опустится на дно, столпятся около неё крабы, приползут морские звёзды. Растащат, растерзают большое обмякшее тело. Растреплют. Жёлтым дымом рассеется акулья плоть, смешается с водой, с песком. Маленькие, не видимые глазом существа поглотят то, что останется от хищника. За ними снова начнут гоняться похожие на белые точки рачки, вновь завертится колесо...

В бесконечную цепь связал всё живое риф.

УБИВАЕТ И ДАЁТ ЖИЗНЬ...

Риф и сам похож на живое существо. Медленно, год за годом растёт он, поднимается к поверхности моря, умирает, рушится. То вспыхивает яркими красками, то превращается в безжизненный серый камень.

Риф всегда в движении. Между изогнутыми разноцветными телами его кораллов хороводят рыбы, ползают по дну ежи и звёзды, копошатся крабы.

Он полон звуков. Стоит опуститься под воду — и сразу в ушах тихий, неназойливый шум. Плещут на выступающих из моря камнях волны, ровно стрекочут крабы, пощёлкивают клешнями неутомимые рачки-алфеусы. Вот послышался еле слышный хруст — это принялись за еду клювастые рыбы-попугаи. Чу! — барабанная дробь. Плывут мимо горбыли. Развешаются чёр-

ные хвосты, движется мимо рыбий полк, играет полковой оркестр.

Риф пуглив. Стоит потянуть шквалистому ветерку, нагнать туч — мрачнеют коралловые рощи. Исчезают рыбы, прячутся в щели крабы, забиваются в траву креветки. Прошла непогода стороной — и снова заблестал риф, заиграл красками, наполнился звуками.

Он умеет бодрствовать, умеет и отдыхать.

Вот закатилось солнце, синие сумерки наполнили его гроты и ущелья. Уплыли дневные рыбы, замерли в чёрной траве стаи рачков. Но это затишье обманчиво. Риф только задремал. Пройдёт час — и на смену пёстрым дневным обитателям выползут бесцветные и тёмные жители ночи. Покинут свои щели осьминоги, выберутся из пещер мурены. Из океана приплывут стаи кальмаров. Длинные и прозрачные, станут они носиться над коралловыми притихшими роцками, часто работая плавниками и устремив вперёд сложенные щепотью, похожие на стрелы щупальца. Молча и угрюмо будут носиться до рассвета.

Днём и ночью бурлит риф. Изменяется и остаётся всё таким же прекрасным.

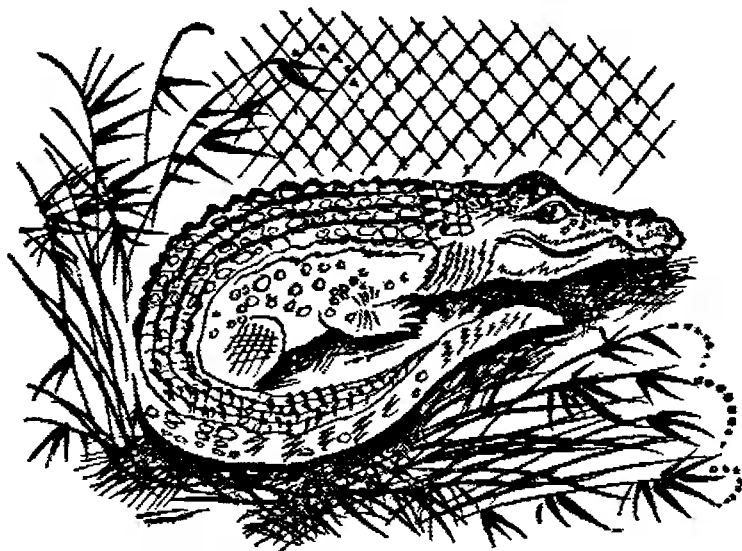
В ГОСТЯХ У КРОКОДИЛОВ

ОХОТНИКИ ЗА КРОКОДИЛАМИ

В детстве я много читал про охотников за крокодилами.

В Бразилии крокодилов-жакаре ловят сетью. Охотники окружают животное в воде, захватывают его неводом и волокут на сушу.

В Африке на крокодилов ставят петли. Нахо-

дят тропу, по которой они ходят через болото, вбивают кольшки, привязывают к ним ловушку из веревок. Стоит крокодилу попасть в петлю хотя бы одной ногой — песня его спета.

На островах Индонезии ещё недавно на поимку крокодила выходили всей деревней. Строили в воде из кольев загородку и туда загоняли животное.

А во Флориде жил и такой охотник (фотографии его были напечатаны во всех журналах мира): он ловил крокодилов с вертолётa. Заметит в болотной жиже зверя, прикажет пилоту снизиться и, когда до воды остаётся метра три, — прыг крокодилу на спину. Дальше — кто проворнее, кто раньше успеет: или человек сжать крокодилу челюсти, или крокодил цапнуть человека...

Я даже придумал вопрос, который задам охотнику, если когда-нибудь в жизни встречу такого:

«Правда ли, что ваша работа — самая опасная в мире?»

ОНИ — В ГУАМЕ

И вот я на Кубе, в маленьком городке Тринидаде, где на каждом углу стоят врытые в землю дулами вниз пушки с захваченных много веков назад пиратских кораблей.

Я шёл по узенькой кривой улочке, а навстречу мне шагал с длинным, только что срубленным стволом пальмы на плече молодой весёлый негр.

— Скажите, — обратился я к нему через переводчика (негр мне сразу понравился), — здесь водятся крокодилы?

— Кокодрилос? — переспросил негр по-испански и заулыбался ещё шире.

Переводчик повторил вопрос.

Негр, не опуская длинного бревна, начал ему что-то втолковывать.

— Он говорит, — сказал наконец переводчик, — что крокодилов здесь нет, но они есть в болотах Гуамы. Туда надо ехать несколько часов на машине, а потом плыть на лодке. Там есть деревня на сваях — Гуама. Там крокодилов много.

Поблагодарив весёлого негра, мы отправились в путь. Свежий ветер с моря свистел над островом, врывается в открытые окна автомобиля и напевал: «Гуама!»

ГУАМА

Пересев из машины в лодку, мы к концу дня попали на место.

Гуама оказалась удивительной деревней.

Она не стояла на месте, а плыла по озеру: до-

ма́ — на маленьких зелёных островках. Между ними — синие озёрные протоки.

Был вечер.

Оранжевое солнце садилось в воду.

По изогнутым, сплетённым из жердей мостикам нас отвели в одну из хижин.

Когда стемнело, я вышел на крыльцо. У самых ступенек журчала, плескала вода. Мимо проплыла, тараща на меня светящиеся зелёные глаза, огромная лягушка. Где-то вдалеке прокричало животное. Оно заревело, как бык, — натужно, низко.

Я вернулся в комнату, забрался под марлевый полог и уснул.

Ночь я спал беспокойно. Гудели под пологом москиты, под полом кто-то с уханьем плескался, неумолчно звенел лягушачий хор.

Рассвело, и я с удивлением обнаружил, что живу в хижине не один. Прямо против моей кровати прилепилась к стене, собранной из бамбуковых стволов, нежно-зелёная лягушка-квакша. Она сидела неподвижно и не моргая смотрела на меня. Потом покосилась вверх. Там, уцепившись тоненькими коготками за потолок, висела спиной вниз изумрудная ящерица. Она вертела головой и с любопытством смотрела на меня и на лягушку. Мы с лягушкой не шевелились.

Ящерица не выдержала. Она пробежала по потолку, юркнула под крышу и, прошуршав сухими пальмовыми листьями, исчезла.

Вторым ушёл я — надо было торопиться к крокодилам.

Квакша осталась дома.

В БОЛОТНЫХ ПРОТОКАХ

Мы плыли в крокодилий заповедник, лодка скользила вдоль ровной стены тростников. Бурые кустистые водоросли проходили под днищем. Ломкая вода, уступая движению вёсел, дробилась.

В протоках огромного озера можно было заблудиться. Зелёное море тростника со всех сторон. Лишь кое-где на редких островках одинокие верхушки деревьев да шапки кустарников.

Болотные птицы, заунывно крича, предупреждали о нашем приближении птенцов. Голубые панцирные щуки, завидя лодку, стремглав исчезли в путанице коричневых корней.

ЗАПОВЕДНИК

Лодка ударилась о причал. На берегу какие-то домики, у воды — провололочные загородки. Кое-где, от протоки к протоке, от озерца к озерцу, — мостки.

Я подошёл к одной загородке, перегнулся через неё и остолбенел... На берегу небольшого озера лежали, как брёвна, сотни крокодилов! Их было так много, что, если бы кто вздумал пройти между ними, некуда поставить ногу.

Загородка вокруг озера низкая, мне по пояс. К ограде приставлены две лесенки. Одна — с нашей стороны, другая — со стороны крокодилов. Перебраться по ней сообразительному животному легче лёгкого.

Не успели мы подойти, как один крокодил поднялся, посмотрел на нас, трусцой побежал к загородке, в полуметре остановился и щёлкнул челюстями. По спине у меня побежали мурашки.

Ужасная тварь стояла за металлической сеткой и, выкатив стеклянные коричневые глаза, поскрипывала зубами.

— Как вы думаете... — осторожно спросил переводчик, — а может... такой... напасть на человека?

— Наверное, может.

Клыки у крокодила были жёлтые, каждый длиной с большой гвоздь.

НЕ ТЕ КРОКОДИЛЫ

Мы прожили в заповеднике трое суток. Бродили от загородки к загородке, от озера к озеру, часами просиживали у воды, пытаюсь понять, как живут эти необычные существа.

Мы привыкли видеть в наших зоопарках крокодилов, которые похожи на причудливые немые камни.

Они сутками лежат без движения, прикрыв глаза и расставив лапы.

Электрические лампочки льют на них скудные струйки тепла.

Эти крокодилы в заповеднике были прогреты тропическим солнцем, подвижны и предприимчивы. Полежав на берегу, вскакивали и отправлялись на поиски добычи. Или плавали. Или гонялись друг за дружкой.

Если за маленьким крокодилом гнался большой, малыш то и дело оборачивался и огрызался.

И ещё — они оказались шумным народом. Крокодилы поменьше крякали, побольше — лаляли. Однажды огромный, похожий на плывущее бревно крокодил причалил к берегу, вылез до половины, осмотрелся — что-то на берегу ему не понравилось — и, подняв высоко морду, заревел.

Я вспомнил ночь в Гуаме. Вот какой звук, возникнув в болоте, тогда долетел до нашей хижины: это ревел матёрый крокодил!

ХРАБРЕЦЫ, ТРУСЫ И ЛЕЖЕБОКИ...

У крокодилов оказались совершенно разные характеры.

Были крокодилы-лежебоки. Эти проводили время, греясь на низком, покрытом болотной грязью берегу. Они ленились сползти в воду, даже когда становилось очень жарко, — лишь открывали, как собаки, огромные пасти и шумно дышали.

Были шустрые. Они носились взад-вперёд среди лежащих, как колоды, собратьев, разыскивая обглоданные кости. Стоило на другом конце озера плеснуть рыбе или проквакать лягушке — такой неуёмный крокодил тотчас бросался в воду и устремлялся за добычей.

Были храбрецы, и были трусы. Однажды у меня упал за ограду фотоаппарат. Крокодилы это заметили. Штук шесть тотчас подбежало к нему. Мы принесли шест и стали их отгонять. Огрызаясь, они отступали. Но два крокодила оказались храбрыми. Эти дружно вцепились в палку.

Крак! — крепкий, в руку толщиной, шест переломился, как спичка...

Аппарат надо было спасать.

Обломками шеста мы стали отталкивать крокодилов.

Они ворчали, скалили зубы, но не отступали.

Тогда переводчик сбегал на кухню и принёс оттуда ящик рыбьих хвостов.

Мы вынесли его за ограду. Хрипя и толкая друг друга, крокодилы бросились за рыбой.

Я, как пушинка, перемахнул через забор, схватил аппарат и снова взлетел на ограду.

Занятые рыбьими хвостами, два храбреца не обратили на мои манёвры никакого внимания. Зато под самой лестницей, уставясь на меня, уже сидел другой — один из тех, кого мы прогнали палкой.

Я замахнулся на него аппаратом. Крокодил испуганно отвернул голову и пополз назад.

ДРАЧУНЫ

Были среди них настоящие забияки.

Лежит по грудь в воде большое сильное животное. В пасти здоровенная кость с обрывками коричневого мяса. Крокодил её грызёт. Погрызёт, подбросит вверх — клац! — поймал на лету и снова грызёт.

Вдруг, откуда ни возьмись, — второй, поменьше. Он долго лежал в стороне и наблюдал, как уплетает добычу здоровяк. Наблюдал, наблюдал — и решился. Осторожно подкрался, высунулся из воды, уставился на кость. Лежат крокодилы морда к морде, смотрят друг на друга.

Большой, вероятно, думает: «Ну, куда ты, пигалица, лезешь? Захочу — хвостом, как плетью, перешибу!»

А маленький уставился на кость и прикидывает — как бы её стянуть половчее.

Выбрал момент, рванулся вперёд. И полетели

во все стороны грязь, вода, куски тины! Хрипят крокодилы, ворчат, тянут кость каждый к себе. Большому бы отпустить её да тяпнуть обидчика зубами — кость жалко! Меньшему бы тоже отпустить да убираться восвояси, пока не попало, — характер не позволяет.

Пока дрались, сползли с мелководья на глубокое место. Поплыли, кость то у одного, то у другого. Рвут её каждый к себе, торопятся. До берега доплыли, вылезли, улеглись в грязи. Опять морда к морде, один за один конец кость держит, второй — за другой.

Уж до того устали — лежат бок о бок, похрюкивают, грызут кость. Тот, что побольше, видно, смирился: кость большая, хватит на двоих. А забияка доволен: не уступил силачу!

МАНХУАРИ

Однажды, когда я сидел на перевёрнутом ящике около хижины, мимо меня к озеру пробежала ящерица. Сперва я принял её за кролика — коричневое проворное существо бежало на задних лапах. Не останавливаясь, ящерица влетела в озеро и помчалась, изо всех сил работая хвостом и колотя по воде задними лапами. Она добежала до маленького, поросшего тростником островка и скрылась.

Это была ящерица-василиск. Я сел в лодку и отправился за ней следом. Мне очень хотелось рассмотреть эту удивительную ящерицу. Однако сколько я ни искал — на островке её уже не оказалось. Тогда я вернулся в лодку, поручил её слабому течению и стал всматриваться в воду.

Терпение обычно вознаграждается. Я увидел панцирных щук-махуари. Голубая, одетая в кольчугу из костяной брони рыба стояла око-

ло затопленного коричневого дерева. Когда тень от лодки упала на неё, она шевельнула хвостом и нехотя поплыла прочь. Она двигалась как облако — доисторическая рыба, чудом сохранившаяся до наших дней.

Не успела она скрыться, как я заметил вторую, третью. Щуки плавали у самой поверхности, прямые лучи солнца освещали их, костяная голубоватая броня с жёлтыми желобками светилась.

Щуки плыли, вытянув узкие плоские морды, слегка изгибая хвосты.

ЯМА

В стороне от болотных протоков, где жили крокодилы, был небольшой прудик, почти яма. Я бы ни за что не подумал, что в таком маленьком водоёме может кто-нибудь прятаться. Но однажды, проходя мимо, заметил на берегу кучу гнилых корней и тины.

«Видно, понадобилась зачем-то яма, — подумал я. — Сторожа чистят, хотят пустить туда рыб или черепах».

И вдруг куча шевельнулась. Она двигалась, кто-то невидимый толкал её.

Я осторожно обошёл яму кругом. Упираясь кривыми ногами в грязь, около кучи возился крокодил. Видно, это он выбросил мусор из воды и теперь старался отодвинуть его подальше.

Получалось это у него плохо. Раздосадованный, он ударил по куче хвостом. Куски корней и лепёшки грязи полетели во все стороны.

«Ага, приводит в порядок свой дом, — решил я. — Яма — не озеро, за ней следить надо».

Крокодил меня не заметил: он был занят делом.

СКРЮЧЕННЫЙ КРОКОДИЛ

Около лесенки, которая вела внутрь загородки, всё время лежал согнутый, как буква «С», крокодил. У него, как видно, болела спина, и ему трудно было двигаться. В воду он сходил редко и плавал там, тоже не разгибаясь. Мы долго не могли понять, откуда у этого крокодила такая привязанность к месту у лесенки?

Однажды, когда он был в воде, привезли еду. Её привезли на лошади, запряжённой в телегу. У телеги были дутые резиновые шины, и она смогла подъехать по грязи к самой загородке.

Еда — тухлое мясо с костями — была упакована в кое-как сбитые ящики. Возница брал ящик, отдирав крышку и, поднявшись на лесенку, вываливал мясо через забор.

Едва на дороге появилась лошадь, среди крокодилов произошло движение. Все повернулись мордами к забору и стали прислушиваться. Даже самые сонные и вялые насторожились. Шины зашуршали по траве — поток крокодилов хлынул к забору. Когда первые куски мяса полетели через ограду, внизу всё смешалось. Крокодилы урчали, кричали, вырывали друг у друга куски. Самые проворные, схватив кость, выби- рались из кучи, отбегали в сторону и там начинали глотать добычу.

Возница открывал ящик за ящиком и швырял мясо в разные стороны так, чтобы досталось всем.

В это время я заметил скрюченного крокодила. Он выбрался из воды и, волоча своё неуклюжее тело, спешил к месту свалки. Увидев его, возница швырнул кость. Она упала, не долетев шага два. Быстрый молодой крокодил схватил кость и рысью побежал прочь.

Опустошив положенное число ящичков, воз-

ница взобрался на телегу, дёрнул вожжи, и повозка бесшумно покатила. Лошадь шла вдоль самой ограды, не обращая внимания на дерущихся животных, осторожно ставя ноги в лужи и прядая ушами.

В этот день, наблюдая жестокую схватку возле лесенки, я понял, почему так упорно держался около неё больной крокодил, — в борьбе за кусок он должен быть первым.

И ещё я подумал: может быть, тот крокодил, что бросился ко мне в первый день, был вовсе не самым хищным и вовсе не собирался нападать на меня? Может, он был просто голоден и решил, что я пришёл его покормить?

И вообще, подумал я, может быть, крокодилы не так уж и страшны?

КАК ЛОВЯТ КРОКОДИЛОВ

Я сидел около ограды и размышлял над этим, когда увидел, что ко мне бежит переводчик.

— Идите скорее! — закричал он. — Я такого человека встретил, такого!.. Да бросьте вы своих крокодилов, идёте, пока он не ушёл.

Мы побежали к причалу.

Там стоял смуглый молодой парень в сапогах, в огромной соломенной шляпе. За голенищем у него торчал здоровенный нож.

— Знакомьтесь, — сказал переводчик. — Эрнандо — охотник за крокодилами.

«Вот так раз!»

— Спросите, — выпалил я, — правда, что его профессия самая опасная в мире?

Переводчик спросил. Эрнандо так и вытаращил на меня глаза.

Он стоял, широко расставив ноги, и вертел в пальцах шнурок от ножа.

— Он не понимает вашего вопроса, — объяснил переводчик. — Он говорит, что самая опасная в мире профессия — это врач. Его брат работает в заразных бараках.

Я вздохнул.

— Ну, пускай тогда он расскажет, как ловят крокодилов.

Эрнандо быстро заговорил. Переводчик едва за ним поспевал.

— Их в заповеднике несколько человек. Он говорит, что они по очереди отправляются в болота и ищут места, где самки крокодилов кладут яйца. Прежде чем отложить яйца, крокодилиха роет ямку, а потом забрасывает её прелыми листьями и ветвями. Оттого что листья гниют, в ямке всегда тепло. Найдя такую кучу, Эрнандо разрывает её, собирает яйца в сумку и приносит сюда, в заповедник. Здесь крокодилы яйца помещают в инкубатор, и из них вылупляются крокодилята. Крокодилят выращивают и выпускают в загоны к большим животным. У крокодилов очень дорогая кожа. Ради неё их и разводят.

— А как же ловля сетями? Как же петли? Как вертолёт? — растерянно спросил я.

— Не нужны. Проще всего крокодилов ловить именно так.

— А нож? Зачем ему нож?

— Нож ему нужен, чтобы прорубать дорогу в тростнике. Эрнандо спрашивает: не хотим ли мы посмотреть, как живут маленькие крокодилята?

КРОКОДИЛЯТА

Длинные, закрытые частой сеткой вольеры.

Эрнандо подвёл нас к одному, снял замок и распахнул дверь. Внутри узкого, с проточной во-

дой посередине вольера произошло какое-то движение. Сперва я даже не понял, что случилось. Просто шевельнулся и подвинулся в сторону воды чёрный волнистый пол.

Затем я присмотрелся и даже присвистнул от удивления. Пол был покрыт сплошной шевелящейся массой маленьких крокодильчиков. Каждый — длиной чуть больше авторучки. При виде нас они дружно кинулись к воде. Самые проворные успели прыгнуть и притаиться на дне.

Один крокодилёнок отстал. Он замер, прижавшись пузечком к песку, подняв вверх острую мордочку и настороженно глядя на нас. Губы бантиком... Выпуклые бисерные глазки... Крокодилёнок с минуту смотрел на Эрнандо, который возился с дверью, потом перевёл взгляд на мои ботинки. Должно быть, он принял их за живые существа (я переминался с ноги на ногу). Крокодилёнок вздрогнул и стремглав бросился догонять товарищей. Не рассчитав, он промчался по их спинам и — шлёп! — плюхнулся в воду.

Мы вышли из вольера, Эрнандо запер его.

В соседних сидели крокодилята побольше.

— Здесь — двухмесячные... Здесь — четырёхмесячные... — объяснял он. — Больших нельзя держать вместе с маленькими — маленькие останутся голодными. И в озеро пускать нельзя — съедят.

Я вспомнил, как зубастые папаши этих крокодилят рвут на куски жилистое мясо.

Конечно, пускай подрастут, пускай сперва сами станут зубастыми.

ПРОЩАЙ, ЭРНАНДО!

В день отъезда мы в последний раз отправились побродить по заповеднику.

Около озера стояла знакомая повозка. Лошадь, опустив морду, щипала хрусткую траву. Возница перетаскивал к загородке ящики. В стороне над забором качалась шляпа Эрнандо.

Охотник сидел внутри загородки на стволе упавшего дерева. Это было когда-то большое, могучее дерево. Теперь оно лежало, подняв кверху короткие чёрные корни. Ствол измазан болотной грязью.

Я подошёл к Эрнандо. Он пел. В руке у него была палка, распевая, он то и дело ударял ею по стволу.

— А-ра-ра-раа!.. — пел Эрнандо.

Стук! Стук! Стук! — стучала палка.

И тут болотная жижа у ног Эрнандо шевельнулась, большой скрюченный крокодил неуклюже, боком вылез на берег и устался на человека.

Эрнандо слез с дерева, подошёл к загородке, вытащил из травы припрятанную бычьей кость. Он бросил её крокодилу, и тот стал жадно кусать, как собака, приподнимаясь на передних лапах и ударяя костью о землю.

— Эрнандо, не уходи, подожди минутку! — попросил я и бросился за переводчиком.

Вот какую историю рассказал нам охотник.

Это был самый быстрый и самый ловкий из всех крокодилов Гуамы. Ему ничего не стоило переплыть четыре раза в день лагуну, если на другом берегу кричали цапли или плескалась рыба. Когда привозили кости, он успевал захватить самый большой кусок. В драке ему не было равных.

Но однажды крокодил заболел. Надо сказать,

что крокодилы болеют так же, как люди. У них бывает воспаление лёгких, резь в желудке и даже больное сердце. У этого крокодила болезнь поразила позвоночник. Она изогнула его кости. Животное не могло теперь быстро плавать и драться. Маленькие крокодилы стали вырывать у него изо рта мясо. Он превратился в пожирателя слизняков и дохлых рыб.

И вот тогда-то Эрнандо впервые принёс ему еду. Чтобы другие крокодилы не могли отнять её, он приучил больного приплывать на стук.

— Бедный кокодрило! Порой ему кажется, что он по-прежнему ловок и силен, он вступает в драку и каждый раз получает затрешины. Если ему ещё сломают и челюсть, он погибнет, — закончил Эрнандо свой рассказ.

С дороги уже доносились гудки автомобиля.

— Прощай, Эрнандо! — сказал я.

Мы протянули друг другу руки. Эрнандо стоял по ту сторону загородки, я — по эту. Около его ног замер, опустив морду и полузакрыв глаза, большой крокодил.

Рука охотника была жёсткая, с узловатыми пальцами.

— Про-чай-те! — сказал он и засмеялся. Он первый раз в жизни говорил не по-испански. У него были весёлые, добрые глаза — у этого охотника за крокодилами.

НОЧНЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Я прощался с Кубой.

Перед отъездом плохо спал.

Ночью кто-то ходил по дороге.

Сначала слышалось осторожное шуршание в кустах. Раздавался негромкий плеск, таинствен-

ный незнакомец вступал в воду — сотни маленьких лужиц сохранялись после дождя в лесу.

Затем еле слышно поскрипывал песок — гость преодолевал последние метры, которые оставались ему до дороги. И, наконец, слышалось приглушённое царапанье и пощёлкивание — он крался по асфальту.

Вот покатился задетый им камешек. Вот чавкнуло в канаве. Ночной посетитель перешёл дорогу. Снова зашуршали сухие листья — шаги удалились в сторону моря...

Лёжа в постели, я слушал эти звуки и в конце концов однажды не выдержал: встал, оделся и крадучись вышел на дорогу.

Небо было затянуто облаками. Ни луны, ни звёзд. Чернильная тьма. Я сделал наугад несколько шагов, почувствовал босой ногой тёплый неровный асфальт, присел на корточки и стал слушать.

Ночь была полна звуков. Ровно, как метроном, отбивало удары о берег море. Звук медленно нарастал, превращался в рокот и обрывался.

В кронах деревьев мерно тенькали цикады. Они не заводили, как наши, долгой песни, а коротко притрагивались каждый к своему колокольчику — тень! Крикнул и замолчал. С другого дерева ответное — тень!

Подала голос птица. Она вскрикнула жалобно, отрывисто.

На дороге послышалось осторожное постукивание. Кто-то в деревянных башмачках торопливо перебежал её.

Я сделал несколько шагов, посмотрел, послушал... Никого.

Снова прислушался. Тихо.

Тогда я отправился по асфальту прочь из деревни, на ощупь находя ногой продолжение дороги, спотыкаясь и едва не срываясь в канаву.

То и дело я останавливался и слушал. Невидимые путешественники не дали себя перехитрить. Они тоже притаились в кустах.

Сбив ноги и поняв бесполезность своих попыток, я повернул обратно.

На повороте дороги лежал ствол сейбы. Я присел на него.

Облачная пелена редела. Пассат растягивал её и рвал на части.

В разрывах появлялись звёзды. Слабый, неверный свет упал на дорогу. Она возникла из темноты, как река, покрытая островами: чёрные провалы ям и светлое течение асфальта...

За моей спиной послышалось осторожное шуршание. Кто-то пробирался через кусты. Шорох дошёл до канавы, опустился в неё, превратился в поскрипывание и шум песчинок.

Я осторожно повернул голову.

На сером асфальтовом островке появилась тень. Покачиваясь и постукивая, тень пересекла дорогу и неслышно скрылась в лесу.

Я сидел неподвижно.

И тогда порохи стали возникать со всех сторон. Они приближались, на дороге появлялись призрачные тени. С лёгким стуком они перебежали асфальтовую реку и скрывались всё в том же направлении — к морю.

Я видел тени, но не видел тел, которые отбрасывают их!

Чудеса!

У самых моих ног послышалось пощёлкивание, и возникла очередная тень. В слабом звёздном свете я с трудом разглядел её хозяина. Зеленовато-серый, под цвет асфальта, большой краб крался, осторожно переставляя ноги. Приседая, он выбрасывал вперёд очередную пару, и при этом панцирь его задевал асфальт. Ритмично постукивая, краб плыл по асфальтовой реке.

Я вскочил, в два прыжка догнал животное и накрыл его ладонью.

Дома я разглядел добычу. Краб был бледного молочно-жёлтого цвета. Серым или зелёным он казался только при свете звёзд. У него был массивный толстый панцирь и длинные, приспособленные для пешего хождения ноги.

Я перевернул животное на спину и присвистнул. Так вот оно что! На брюшке, прижатая подвёрнутым хвостом, чернела гроздь влажной икры. Это была самка, которая направлялась к морю, чтобы оставить там свою ношу — тысячи икринок, которые должны дать продолжение её роду.

Вот в чём разгадка упорного движения крабов через дорогу.

Я поднял крабиху, отнёс её к тому месту, где поймал, и, положив на асфальт, отнял руку.

Животное приподнялось на суставчатых ногах и, не останавливаясь, не пытаясь скрыться, продолжило путь, прерванный полчаса назад.

Один краб... второй... третий... Постукивая панцирями и волоча за собой тени, животные, которые когда-то покинули океан и стали жить в лесу, вновь, повинаясь могучему инстинкту продолжения рода, торопились к воде.

ЧТО Я ВИДЕЛ В ИНДИИ

Была у меня когда-то книжка. Про то, как один человек приплыл на пароходе в Индию, вышел из порта, побродил по городу, а на окраине, прямо на дороге, увидел слона. Тот помогал полуголым, плохо одетым людям таскать тяжёлые брёвна. Потом начались разные приключения...

Вот такая книжка. Из неё я понял, что в Индии много лесов, много зверей, страна очень интересная, но и очень бедная.

Прошло много лет, и случилось так, что я тоже попал в Индию.

Едем мы по дороге. На автомобиле. Дорога чёрная, блестящая, покрытая асфальтом. Едем, и вдруг навстречу нам — слон! Жуёт на ходу ветку с листьями, позвякивает цепью (к ноге у него была привязана), а верхом на слоне — погонщик.

Мы очень обрадовались такой встрече, остановили автомобиль и давай расспрашивать погонщика: «Что это за слон, откуда и куда они идут?»

— Раньше этот слон работал на лесопилке, — говорит погонщик, — подтаскивал к механической пиле брёвна. А теперь наш кооператив купил трактор, и слон оказался без дела. Веду его в заповедник. — Погонщик вздохнул. — Там слону придётся доживать свой век среди диких слонов.

Безработный слон, ну надо же! Я вспомнил, что, когда мы подлетали к столице Индии — городу Дели, уже сверху было видно: вся земля распахана, всюду квадратики полей, города, деревушки... Почти не осталось диких лесов, по дорогам бегут разноцветные пятнышки-автомобили.

«Да, — подумал я, — видно, Индия уже не та. Интересно, какой же она стала?»

ДВА ГОРОДА

В Дели мы прожили несколько дней. В этом громадном городе оказалось... два города. Новый и Старый. В Новом — просторные улицы, поток автомашин и огромные, застеклённые во всю стену дома. Рядами большие магазины, за витринами идёт неторопливая торговля. Много деревьев, цветов.

А Старый Дели — это узенькие улочки, запруженные народом, низкие дома с балкончиками, деревянными галереями.

Наш автомобиль всё время застревал в потоке людей. Идут, стучат пальцами по стеклу: куда, мол, заехал? Тут же у стен, прямо с лотков, продают поджаренные на масле лепёшки, на ходу едят, кто-то разогревает в котле приправленный перцем рис, кто-то жарит на противне кусочки бананов, кипятят чай, разливают по чашкам суп... Гомон, шум, толчея! А тут ещё навстречу нам через толпу пробирается повозка, запряжённая парой волов. Стой, назад! На тротуаре, под ногами прохожих, — нищие, предсказатели судьбы с учёными птицами; снуют мальчишки с газетами. Народу!

«Только в Китае больше людей, чем в Индии», — вспомнил я.

КАЛЬКУТТА

Когда я сказал: «Как вас тут много!», мне ответили: «Здесь-то ещё что! Вот вы побывайте в Калькутте!»

Поехали в Калькутту. Вот это действительно огромный город. Почти десять миллионов человек — целое государство! Даже домам уже нет места — нависли над мутными водами реки. Улицы, переулки, автобусы, трамваи, люди, полно велосипедов, на них — по одному, по двое, даже по трое! Медленно вращаются колёса, катится людской поток. В автобусах, трамваях дверей не закрыть.

Но как-то иду я по улице, вижу, роют посреди города огромную яму — котлован. И так места для домов мало, а тут такая ямища! А самое главное, народ кругом стоит и не возмущается, а очень весело на эту яму показывает. Смотрят, как самосвалы оттуда землю вывозят, и радостно о чём-то говорят. Слышу знакомое слово — метро. Так вот оно что!

— Поздравляю, — говорю своему провожатому, — скоро у вас на улицах народу меньше станет. Метро — это знаете как удобно!

А он такой недоверчивый попался.

— Не уверен, — говорит, — мы привыкли жить в муравейнике. Лучше не будет.

Вернулся я домой в Ленинград. Как-то сижу у телевизора, показывают Калькутту. Смотрю — подземная платформа, к ней подкатывает белоголубой поезд. Пустили метро! А потом показали улицу, так мне даже показалось, что на ней стало просторнее.

Будет лучше, будет!

МАНГУСТ

В Калькутте на площади в маленьком скверике стояла толпа. Люди собрались в кольцо, а посреди кольца сидел на земле человек в чалме с дудкой в руках — факир. Перед ним стояли две

круглые плоские корзины, закрытые крышками. Рядом — мальчишка, на поводке у него мангуст — зверёк величиной с кошку. Мордочка острая, хищная. Только я подошёл, мужчина как сбросит с одной корзины крышку, оттуда — змея. Взвилась как пружина. Большая, коричневая. Стоит, качается на хвосте. На шее у змеи раздувается кожаная складка с тёмным рисунком в виде очков. Змея покачалась и вдруг выскользнула из корзины на землю. И тут мужчина заиграл на дудочке, тихонько засвистел. Он свистел, покачиваясь, то наклоняясь к самой змее, то выпрямляясь. И медный наконечник дудки то приближался к змеиной голове, то отдалялся. Огромная змея (а это была очковая змея — кобра) послушно следовала за дудкой. Дудка описала круг, и кобра повторила его. Тогда факир опустил дудку, ловко схватил змею поперёк тела, швырнул в корзинку и захлопнул крышку. Все замерли: вперёд вышел мальчишка со своим зверьком, а мужчина уже наклонился ко второй корзинке. Раз! — сорвал с неё крышку. Два! — из корзины вылетела вторая змея и, извиваясь всем телом, быстро поползла к публике. Народ ахнул. Но мальчишка уже спешил следом, мангуст тянул его изо всех сил. Мангуст налетел на змею, перевернул и мёртвой хваткой вцепился в горло. Всё кончено.

Мальчишка пошёл по кругу, таща за собой мангуста. Тот скалил зубы, толпа радостно гудела, на землю посыпался град монет.

Я выбрался из толпы.

— Да, да, это прекрасно. Нигде в мире вы не увидите танец змеи и схватку мангуста с коброй, — сказал мне вечером приятель-индеец. — Но только учтите: половина страхов тут напрасна. Ядовитые зубы у змей вырваны, и вообще, во второй корзине чаще всего сидит не кобра, а бе-

зобидная крысиная змея — рат снейк. Увы, кобр в Индии становится всё меньше, их трудно добывать, и они дороги. Тигры и те у нас все пересчитаны. Поедете в заповедник — увидите сами.

АВТОМОБИЛЬ В КУСТАХ

Индия торопится — ей надо делать всё сразу: и строить заводы, и копать метро, и охранять змей и тигров, и следить, чтобы не вырубili последние леса, и выращивать урожаи, и учить в школах детей.

Индийцы многое уже умеют. Мне, например, очень понравилось, как они относятся к работе. Летели мы в заповедник, в тот самый, куда отвели нашего знакомого слона. Вылетали из Дели. Подошли к самолёту, как говорится, впритык — за две минуты до отлёта, — сели в кресла. «Ну, — думаем, — пока экипаж всё приготовит, пока стюардессы разберутся с пассажирами, пока попросят разрешение на взлёт...» Но стрелки часов передвинулись на две минуты, мягко запели моторы, самолёт качнулся, побежал — и мы в воздухе, минута в минуту! Точно так же прилетели, ни минуты опоздания. Вылезли, и самолёт сразу же улетел.

Огляделись мы — кругом кусты, деревья. Аэродром посреди джунглей. Никого нет. Одни мы. Вот так раз — куда деваться? Вдруг из-за куста выходит индеец в серой чалме и говорит: «Вы такие-то?» Мы отвечаем: «Такие». — «Я за вами. Была телеграмма. Автомобиль ждёт». Зашли мы за кусты — там машина. Сели и поехали.

По пути я спрашиваю водителя: «Скажите, а если бы вы не приехали за нами? Или опоздали? Куда бы мы делись? Пошли через джунгли, за-

блудились, погибли?» — «Нет, — отвечает. — Если мне что-то поручено сделать, я должен это сделать точно. Иначе как же мы превратим свою страну из бедной, какой она была ещё вчера, в сильную и богатую?»

ПРО ТИГРА

В заповеднике мы прожили неделю и каждый день ходили в джунгли.

Скажем прямо: зверей там оказалось немного. Где-то на другой стороне озера бродило несколько слонов. Изредка, хрюкая, перебегали дорогу кабаны. Попалась как-то белка величинной с собаку — огромная малабарская белка. Я сперва даже подумал, что это обезьяна. И ни одной змеи, ни одного тигра.

— Покажу, покажу вам тигра, — всё уверял нас директор заповедника.

А когда настал день отъезда, он провёл нас к себе в кабинет, достал из ящика стола листок белой бумаги, положил перед нами и говорит: вот!

На листке нарисован большой, с тарелку, отпечаток кошачьей лапы. Отчётливо видны когти.

— Понимаете, у нас в заповеднике остался всего один тигр, — говорит директор. — Мы срисовали его след. Мы очень гордимся этим тигром, но он очень осторожен и не подпускает к себе.

Вот так раз — один-единственный тигр!

РЕЗИНОВЫЕ ДЕРЕВЬЯ

Как-то я ушёл из заповедника в соседнюю деревню. Иду назад по лесу... Станный какой-то

лес: дерево от дерева стоит на расстоянии, к каждому дереву привязана чашечка. Что за чашечка? Хотел было к одной нагнуться, вижу — впереди бродит между деревьями паренёк, почти мальчишка. В руках у него глиняный кувшин. Подойдёт к дереву, наклонится к чашечке и что-то выльет из неё в кувшин. Издалека кажется, что льётся белое молоко. Тронул я одну чашечку, а это половинка скорлупы кокосового ореха. Привязана к стволу на верёвочке. В неё капает с дерева белый сок.

Тут меня и вовсе любопытство разобрало. Догнал я паренька... а спросить не могу. Он улыбается, что-то на своём языке мне говорит, а я ему — на своём. Языки-то у нас разные! Впрочем, побродили мы по лесу вместе, и я сам всё понял.

Деревья эти — каучуконосы, из их сока самую лучшую в мире резину делают. Сок липкий, тягучий... А паренёк — сборщик сока. Хотел я его спросить, как на его языке эти деревья называются. Не сумел. А потом узнал: это гевея. А проще говоря — резиновое дерево.

МАСТЕР

Маленький индийский городок. Двухэтажные белые дома. В первых этажах повсюду лавки. Над окнами и дверьми на палках вывешены товары, которыми здесь торгуют.

Между овощной и текстильной лавкой — мастерская. Дверь нараспашку, в глубине комнаты — хозяин мастерской. Сидит на скамеечке, работает. Пальцами ног придерживает пузатый тонкостенный кувшин. В одной руке молоточек, во второй — резец. Тюк-тюк-тюк! — отделяется от металла красная стружка. Постучал мастер,

наклонил набок голову, примерился и снова: тюк-тюк! На выпуклом медном боку уже видны стволы, листья... Растут, переплетаются растения, а между ними то голова тигра покажется, то лица охотников-воинов с копьями. Наклонился мастер и снова: тюк! А это что виднеется среди деревьев? Хобот слона, его голова, туловище... Вот так раз — человек с головой слона! И тут же кто-то начинает объяснять мне, что это слогоголовый бог мудрости Ганэши и, значит, это никакая не охота: бог мудрости сейчас будет вразумлять и кровожадного тигра, и нетерпеливых воинов. Мудрость нужна всем.

А на полочках медные фигурки других богов: Брама, Вишну, Шива...

Их почитают в Индии до сих пор.

ДОРОГА

Бежит за стеклом, ложится под колёса автомобиля асфальтированная дорога. Навстречу — повозки, тащат их небольшие лошадки. Повозки — или в две скамеечки, на одну семью, или целая платформа, семей на десять. По краям платформы — четыре столбика, сверху крыша, что-то вроде автобуса, только без дверей и без мотора. В нём люди не сидят, а стоят. Кто не влез в середину, стоит с краю, рукой держится за столбик, одна нога в воздухе. Покатили! Всем надо в город — на базар, в магазины.

Когда-то раньше дорогу часто перелетали павлины. Машины сбавляли ход, чтобы не сбить этих великолепных птиц. Сейчас вместо леса по сторонам часто видишь заводы и заводишки. Вот из ворот одного выезжают автомобили, из ворот второго везут что-то крылатое. Одномоторный самолёт! И их уже умеют делать в Индии.

ХАНУМАН

Деревня. Глинобитные хижинки, остроконечные сараюшки для топлива — сухих коровьих лепёшек. У колодцев — женщины с медными кувшинами на головах. Все домики плоскокрышие, заборы глиняные. В прудах и в лужах — чёрные, как камни, ленивые буйволы.

Промелькнул базарчик. Прямо на земле на подстилках — корзины с пшеницей, кукурузой, горками лежат фрукты. Похожие на растопыренные пальцы бананы, красные и зелёные плоды манго, плоды хлебного дерева... В Индии цветы и фрукты — круглый год.

Дорога сделала поворот, и машина остановилась около беленького низенького храма. Индийские храмы посвящены разным богам. Интересно, этот — какому? Вошли... В глубине небольшой комнаты в нише фигура... обезьяны-воина. Разодета в красный мундирчик, штаны с позолотой, на голове высоченная шапка, в руке — палица. И сразу же я вспомнил: это и есть знаменитый бог Хануман, герой древнеиндийской поэмы «Рамаяна», любимой книги индийцев.

Тихо в храме. Терпеливо, молча стоит в углу, смотрит на меня монах. В руке у него курится зажжённая ароматическая палочка. Поднимается от неё душистый дымок, плавают вокруг обезьяньей головы синие кольца. Я стою, вспоминаю «Рамаяну».

РАМА И СИТА

У царевича Рамы злой демон Равана похитил любимую жену Ситу. В волшебной гремющей колеснице унёс он её по небу на далёкий, лежащий

в океане остров Ланку. Но сколько ни умолял там демон Ситу стать его женой, гордая царевна отвечала «нет». А в это время Рама безуспешно рыскал по всей Индии в поисках Ситы. Удачи не было, пока он не встретил в джунглях чудесных обезьян. Звери были похожи на людей и умели владеть оружием. Одним из их предводителей был Хануман — сын бога Ветра и простой обезьяны. Он обладал удивительным даром — умел летать по воздуху. Став другом Рамы, Хануман разузнал, где томится Сита. Огромные полчища обезьян выступили в поход. Под стенами столицы демонов завязалась битва. Она длилась несколько дней, много подвигов совершили воины обеих армий. Наконец Рама поразил волшебной стрелой предводителя демонов. С тоскливым криком рухнул на землю Равана. И тогда Рама приказал заложить волшебную колесницу, взойшёл на неё вместе с Ситой, и они отправились в обратный путь. А впереди них по небу мчался сын бога Ветра Хануман, похожий сразу и на льва, и на птицу.

Это сказание знают в Индии и стар и млад. И считают, что из всех мужчин Рама всегда был самым мужественным и сильным, из всех женщин Сита — самой прекрасной и верной, а изо всех друзей Хануман — самым преданным.

— Будь таким, как Рама, — говорят индийцы своим сыновьям.

— Такой, как Сита, — говорят девочкам.

— Как Хануман, — учат всех.

ПЫЛАЮЩИЕ ДЕМОНЫ

Индия не только читает и пересказывает «Рамаяну», каждый год страна празднует Рамлилу. Сотни тысяч людей выходят в городах на

площади, артисты разыгрывают сцены из легенды, сражаются на мечях Равана и Рама, бродит среди поверженных обезьян брат Раваны горлоподобный великан Кумбкахарны, прыгает, мечет уголья и поджигает столицу демонов отважный Хануман. На площадях стоят сделанные из бамбука и соломы статуи демонов. Наконец Рама натягивает лук и пускает в них оперённые огнём стрелы. Вспыхивают великаны, огонь возносится над крышами домов, меркнут на время звёзды. Три полыхающих огромных костра говорят: зло побеждено, правда всегда восторжествует!

БЕРЕГИ РУБАШКУ!

В Индии вообще много праздников. И есть очень забавный. Проходит он в самом начале весны, и, когда наступит, все задумываются: в чём выходить на улицу? Эту рубашку жалко — новая, эта — тоже хороша, а вот в этой — на локте заплатка, воротничок стёрся — можно! Только ты вышел — из-за спины выскочил кто-то, плеснул на тебя из баночки. Ай, ай, ай! — растекается по плечу красное пятно. Подкрашенной водой облили! Навстречу мужчины, женщины, у кого синее пятно на платье, у кого вся спина оранжевая. И никто не обижается. Шутки, смех, детский визг. Праздник Хо́ли, весна! Катят по улицам разукрашенные автомобили, велосипеды с разноцветными флажками, бегут лошадки с лентами в гривах, бредут быки с позолоченными рогами.

Холи! Холи!

В Индии много школ. Правда, детей ещё больше и не всем удаётся закончить школу. Приходится идти работать, помогать родителям. На уроках в индийской школе тишина, смуглолицые мальчишки и девчонки внимательно слушают учителя. Любимый урок индийских ребят — история.

Мало на свете стран, по земле которых прокатилось столько полчищ завоевателей, как это было в Индии. Мало народов, которые испытали столько веков угнетения. В Индии — много народностей, племён, и оттого страна напоминает бурлящий котёл или доменную печь, в которой варят чугуны. Что только не брошено в эту печь, что только не перемешивается, чтобы получился единый народ! Отсюда — много неожиданных трудностей.

Зашёл я как-то в книжную лавку купить учебник по истории Индии, а продавец спрашивает:

— Вам на каком языке? — И давай перечислять разные языки.

У меня даже голова пошла кругом. После скифских, арабских, португальских захватчиков Индию поработили англичане. Они правили страной больше ста лет. А когда Индия обрела независимость, встал вопрос: какой язык в стране будет главным и общим?

— Наш — язык бенгали, — говорили бенгалцы.

— Нет, наш — тамилы, — спорили тамильцы.

— Малайалам! — настаивали живущие на самом юге люди малайялы.

— Хинди! Нас ведь больше всего, — убеждали жители севера.

И тогда все поняли: англичан прогнали, а ан-

глийский язык надо оставить. Как ни крути, он пока что общий для всех.

— Дайте мне на английском, — сказал я продавцу.

МАЛЬЧИК ИЗ МАДРАСА

На восточном побережье Индии есть городок Махалибапурам. Посреди него лежат похожие на спящих слонов скалы, чёрные как смола. Говорят, древнее их нет на земле камней. В скалах вырублены храмы. Так вот из большого города Мадраса в Махалибапурам ходит катерок, возит желающих посмотреть это чудо. Когда я сел на катер, то заметил матроса — мальчишку лет двенадцати. Он ловко управлялся с канатами, привязывал и отвязывал их.

— Ты откуда? — спросил я его.

— С юга, из Тутикорина.

— А кто твой отец?

— Рыбак.

— А мать?

— Она разделяет и продаёт рыбу.

— А почему ты не плаваешь с отцом или не помогаешь матери?

— У отца с матерью восемь детей. Я ушёл, чтобы им было легче. Скоплю немного денег и пойду учиться.

— А кем ты хочешь стать?

— Капитаном. Наш капитан тоже начинал матросом, тоже подавал канаты и мыл палубу. Он никогда не бьёт и не ругает меня.

Катер уже подходил к Махалибапураму. На берегу поднимались высеченные из чёрного камня низенькие храмы, входы в них были похожи на пещеры, в глубине их неясно и багрово горели свечи.

— Подать носовой! — скомандовал капитан, и мой маленький знакомец побежал на нос катера бросать канат.

Ему жить в новой Индии.

1978

ЧТО Я ВИДЕЛ В ТАНЗАНИИ

Наш самолёт летел над Африкой.

Внизу была степь: зелёная — там, где ещё росла трава, и жёлтая — там, где траву уже сожгло беспощадное африканское солнце.

Вдруг под крылом появилось, задрожало белое пятно. Я присмотрелся и понял — это лежит на вершине одинокой большой горы снег. Гора отодвигалась, становилась всё меньше и меньше.

Снег на вершине огромной горы Килиманджаро.

Снег в Африке!

ДАР-ЭС-САЛАМ

Мы прилетели в столицу Танзании, в город Дар-эс-Салам. Он стоит на берегу океана, в нём всегда влажно и душно. Утро здесь начинается рано. Едва небо над океаном начинает светлеть, на улицах раздаётся урчание грузовиков и скрип повозок — едут на базар жители окрестных деревень. Плывут по улицам горы кокосовых орехов, бананы в бумажных мешках, бидоны с молоком. Распахиваются железные двери магазинов. По тротуарам шаркают веники, журчит вода — слуги подметают у витрин. За ними зорко наблюдают хозяева.

А в порту работа не утихала и ночью — и сейчас скрипят лебёдки, гремят цепи. Красным облачком проплыл над причалом алый флаг — наш пароход привёз танзанийцам тракторы и комбайны.

ОКЕАН

На север и на юг от Дар-эс-Салама — низкие песчаные берега. У самой воды растут вечнозелёные пальмы, гремят на ветру их длинные жёсткие листья. Ветер клонит пальмы, гонит к берегу серые волны. Не добежав до берега, волны опрокидываются: под водой каменная гряда — риф. Здесь всегда полно рыбаков. С плеском падают в воду сети. Навстречу им со дна поднимаются красные, жёлтые, голубые деревья. Это кораллы — причудливые каменные постройки, их возвели крошечные морские животные.

В коралловых лесах, под днищами рыбачьих лодок, хороводят яркие, как птицы, рыбы.

Берегитесь, рыбы, — идёт сеть!

АКУЛА

Как-то два рыбака ловили на рифе макрель. Эта золотистая красивая рыба очень капризна и, бывает, в течение целого дня не берёт приманку.

Рыбакам не везло, они уже хотели собирать снасти, как вдруг леску дернуло. Рыбак потянул, леска напряглась и сама поволокла лодку. Из воды медленно всплыл чёрный плавник.

— Акула! — крикнул второй рыбак. — Режь леску! Скорее!

Но его товарищ продолжал то подтягивать, то отпускать снасть. Он понимал, что ничего не сможет поделаться с такой рыбищей, — да крючков-то жаль!

Вдруг акула нырнула и... попала в чью-то сеть. Подоспели хозяева сети, вместе вытащили хищницу. Она еле поместилась в лодке!

На берегу рыбаки разделили рыбу. Акулье мясо они отдали собакам, акульки челюсти с треугольными, как ножи, зубами продали туристам, а кожу поделили между собой.

На акульей коже ловко точить ножи, а маленькими её кусочками рыбацки чистят котлы и сковородки.

ДЕРЕВЯННЫЕ ЧЕЛОВЕЧКИ

Однажды мы поехали на машине в глубь страны. Дорога была длинная, и я задремал. Проснулся от скрипа тормозов. На обочине дороги сидели старик и мальчик. Перед ними был расстелен пустой мешок, а на нём стояли деревянные статуэтки.

Я выпрыгнул из автомобиля и подошёл к ним. Старик протянул мне статуэтку, а мальчик продолжал работать. Подняв к глазам остро за-

точенный топорик, он прицеливался и наносил удар. Ломкая стружка отделялась от куска чёрного дерева, уступала пальцам, ломалась. В дело пошёл нож — и появилась скуластая курчавая голова... Я взял в руки статуэтку. Чёрные человечки стояли один на другом. Их ноги и руки переплетались. «Мы — на плечах друг у друга, мы — люди — одна семья!»

ТРАКТОР

Вдоль дороги тянется пашня. На ней работают быки. Большерогие животные, таща за собой плуги, бредут по красной земле. Следом идут женщины и бросают в борозду семена бобов. Быки идут медленно, пока они дойдут до конца поля, женщины успевают вдосталь нагнаться.

Но около одной деревни нам попался трактор — новенький, блестящий. Волоча за собой плуг, он весело катился по полю. За трактором бежали люди, они нагибались и проверяли: не пашет ли машина хуже быков? Это была деревня уджамаа. Люди в такой деревне работают сообща.

МУЗЕЙ В БАГАМОЙО

В городке Багамойо на берегу океана в большом старинном каменном здании — музей. В нём собраны щиты, копья, мотыги — с ними африканцы когда-то охотились, воевали, возделывали землю. И ещё я увидел там цепи. Много цепей. Когда-то купцы из Европы и Азии покупали у местных царьков людей. Закованных в цепи рабов гнали через всю страну к океану. В

Багамойо был большой невольничий рынок. Купленных рабов увозили за океан. «Багамойо» на языке африканцев значит: «оставь здесь своё сердце».

Кроме цепей в музее стоят жерди — к ним привязывали женщин и детей, и лежат колодки — в них забивали непокорных.

ВОССТАНИЕ НА КОРАБЛЕ

В музее мне рассказали такую историю.

Однажды у африканского берега стал на якорь корабль. Купцы торговали у местного царька пятьсот человек: за мужчину давали ружьё, за женщину — горсть патронов.

Рабов привезли на парусник и заперли в трюм. Там было так тесно, что люди спали стоя. Еду им давали раз в день.

— Лучше смерть! — решили узники.

Они затащили к себе через люк солдата и отняли у него ружьё. Стреляя, вырвались на палубу. Купцы и команда бежали.

Теперь корабль был в руках восставших. Но как поднять якорь? Как управлять парусами? Этого они не знали.

На кораблях, которые стояли неподалёку, уже сыграли тревогу. Лодки с солдатами окружили мятежный парусник.

И тогда рабы подожгли свой корабль. Огонь выбился на палубу. Охватил борта. Подошёл к пороховому погребу... Прогремел взрыв.

Гордые люди не смирились с потерей свободы.

ШКОЛА

На полпути между Багамойо и Дар-эс-Саламом стоит новый двухэтажный дом с верандой. Перед ним растёт дерево баньян, а за домом раскинулся огород.

Этот дом — школа для девочек. После учёбы они сменяют белые блузки и зелёные юбки на пёстрые лёгкие платья, начинают копать и поливать грядки.

В гости к ним приходят мальчики. Дерево баньян такое большое, что под ним можно играть в футбол. Девочки считают забитые голы и кричат:

— Ки-до-га!

— Ки-до-га!

«Кидога» — это значит «мало».

В школе я услышал разговор двух девочек.

— Что ты получила сегодня по английскому, Джоанна?

— «Шестьдесят».

— Всего-то?

Я удивился:

— Это что, у вас такие отметки? Я тоже учился в школе. Так у меня по английскому было «пять»!

Девочки захохотали. Их чёрные щёки дрожали, тугие короткие косички подпрыгивали.

— У нас самая лучшая отметка «сто», — сказала Джоанна. — «Шестьдесят» — это так себе. А ваша «пятерка»...

Девочки снова засмеялись и весело закричали:

— Кидога!

ОГОРОД

На школьном огороде чёрные бобы выются по колышкам, а жёлтые тыквы лежат, уткнувшись в землю, как поросята.

При мне случилась такая история. Посмотрели девочки в окно — а тыквы шевелятся! Одна даже приподнялась и вприпрыжку помчалась по огороду.

— Обезьяны! Обезьяны! — закричали девочки.

В огороде было полно обезьян. Серо-зелёные бабуины сидели между грядками, набивали себе защёчные мешки сладкими бобами, рвали тыквы и с хрустом надкусывали их. Увидев бегущих девочек, обезьяны нехотя поднялись.

— Зелёные воры, как вам не стыдно? Разве это вы копали землю?! — кричали девочки. — Разве это вы поливали грядки?.. Не ходите больше сюда!

Обезьяны брели прочь. Впереди шли мамы, на них верхом сидели детёныши. Позади ковылял большой, гривастый, как лев, папа-бабуин.

В ЗАПОВЕДНИКЕ

Наш автомобиль катит по дороге. Пассажиры, как по команде, поворачивают головы направо. В густой жёлтой траве — слониха со слонёнком. Мать опускает хобот в траву, берёт сына поперёк живота, ставит головой от дороги и идёт прочь. Слонёнку очень интересно: что делают эти странные белые существа в железном урчащем ящике? Он оборачивается, вытягивает хоботок в нашу сторону и нюхает воздух. Мы поднимаем фотоаппараты и снимаем их.

В заповеднике звери не боятся людей.

Однажды автомобиль с туристами слишком близко подъехал к дереву, под которым отдыхали львы. Львы очень удивились. Самый большой встал, подошёл к автомобилю и понюхал его. Автомобиль как автомобиль! Тогда лев поднял голову и увидел на ветровом стекле игрушку. Это что-то новое! Он вспрыгнул на капот и поскрёб лапой стекло. Люди в машине замерли от ужаса. Льву этого показалось мало — он прыгнул на крышу, та рухнула — раздался людской вопль! Испуганный лев, как бомба, взлетел в воздух и бросился наутёк. Шофёр включил самую большую скорость... Они неслись по степи в разные стороны: испуганные туристы и ещё более испуганный зверь.

ЗАСУХА

К концу лета травы в заповеднике желтеют, дно пересохших озёр покрывается, как паутиной, сетью трещин, хищные птицы — грифы висят в небе, словно чернильные пятна, они высматривают трупы павших животных.

И тогда над степью поднимается коричневое облако. Слышится отдалённый, похожий на рокот моря гул. На равнине показываются стада антилоп. Плотными рядами идут иссиня-чёрные гну, ручейками бегут коричневые импала, маршируют зебры. Живой поток катится по равнине: засуха гонит обитателей степи к берегам далёкого озера Виктория.

ДОЖДЬ

Лето кончается так.

Однажды в белёсом небе появилось облачко. Оно приплыло со стороны океана. Звери, утом-

лённые жарой и жаждой, с надеждой поднимали головы, чтобы получше разглядеть его.

За первым облачком появилось второе. Небо покрыла облачная пелена. Слоны, которые до этого прятались в тени, вышли из-под деревьев и, подняв кверху хоботы, стали ждать.

На дорогу упали первые капли. Они звонко щёлкали о сухую землю, поднимая фонтанчики пыли. Хлынул дождь. Белая стена поднялась от земли до неба.

Мы медленно ехали по дороге, а рядом так же медленно, скрытые пеленой дождя, плыли какие-то коричневые пятна. Это шли к водопою слоны.

«РАЗЛИНОВАННЫЙ ОСЛИК»

Перед отъездом я решил снова побывать в школе. На этот раз я пошёл в школу к мальчикам. У них был урок рисования.

— Мне бы очень хотелось, ребята, отвезти в подарок школьникам моей страны какой-нибудь ваш рисунок, — сказал я.

Курчавые головы, как по команде, склонились над тетрадками. Я посмотрел, что выводят карандаши и фломастеры.

— Стоп, стоп! Футболистов, автомобили и самолёты рисовать не надо — их и у нас хватает. Нарисуйте что-нибудь такое, чего в нашей стране нет. Ну кто, например, из вас хорошо знает животных?

— Петер Косма! — выдохнули разом ученики. — Он жил в деревне около самого Килиманджаро. Он видел зверей каждый день.

— Я нарисую вам ослика! — сказал, подумав, Петер.

— Зачем? Ослики есть и у нас!

Но Петер уже быстро водил оранжевым и чёрным фломастерами по бумаге. Закончив, он протянул мне рисунок. Это была зебра.

— Пунда мелиа — «разлинованный ослик», так мы называем её, — сказал он. — Сойдёт?

— Конечно!

Мы улетали из Дар-эс-Салама в тёплый дождливый день. Ветер гнал с океана тучи.

Дождь поливал кокосовые пальмы, кукурузные поля, которыми окружён аэродром.

Самолёт взлетел, прошёл над Багамойо, над плоской равниной заповедника. Никаких зверей я сверху не разглядел.

Зато когда мы пролетали над Килиманджаро, я прижался носом к стеклу и посмотрел вниз. Около огромной горы, ниже её снежной вершины, ниже поросших густыми лесами склонов, по равнине бродили серые точки. Это паслись стада пунда мелиа.

*Прощай,
«разлинованный ослик»!
Прощай, Танзания!*

СОДЕРЖАНИЕ

О. Орлов. «Пишите каждый день, всю неделю...» ... 5

РАЗНОЦВЕТНОЕ МОРЕ

ДЕЛЬФИНИЙ ОСТРОВ	13
Приехали	—
Валерий	—
Вольер	15
Малыш, пират и другие	—
Белая шляпа	16
Тряпочка	17
Дельфины и змеи	18
Макс в упряжке	—
Дельфины и собаки	19
«Идите все сюда!»	21
Копченый	22
Маленький наездник	23
Как лечат дельфинов	24
Кино	25
Рядом и под водой	27

РАЗНОЦВЕТНОЕ МОРЕ	28
Мой костюм	—
Учусь плавать	29
Огонёк	30
Кучка мусора	32
Кто прячется лучше всех	33
Вот так штука	35
Скучное место	37
Берегись!	39
Прощай, море!	41
ДЕВОЧКА И ДЕЛЬФИН	42

СКАЗКИ ИЗ ДОРОЖНОГО ЧЕМОДАНА

Женщина, которая жила в бутылке	64
Малютковит и его собаки	70
Кват и паучок Марава	73
Скупые муж и жена	78
Волшебное заклинание	83
Байами — добрый дух	89
Странствия Варруны	—
Сумка матери-кенгуру	92
Кибоко Хуго — бегемот	94
Кто такой бегемот Хуго	—
Как люди обиделись на бегемота Хуго	—
Как бегемот Хуго говорил с рыбой	95
Дети приходят в Куросани	98
Микуми	99

В ГОСТЯХ У КРОКОДИЛОВ

АРИЙ КАМЕНЬ	103
Снимать со скалы	—
Каменная стена	104
Зелёная палатка	105
Женщина на скале	106
Кайры и бакланы	—
Топорики	108
«Они бесстрашные!»	109
Из рассказов Михтарьянц	111
Крабы	113
Ещё из рассказов Михтарьянц	114

Чайка	116
Примус	—
Белушенок	117
АКУЛЫ	122
Вопрос номер один	124
Акула на песке	125
Хитрецы	126
Акуля охота	129
Акула на крючке	130
Их время	133
ИЗ РАССКАЗОВ О КОРАЛЛОВОМ РИФЕ	—
Примечай!	—
У пещеры	135
Рыбье облако	137
Бесконечная цепь	138
Убивает и даёт жизнь... ..	140
В ГОСТЯХ У КРОКОДИЛОВ	141
Охотники за крокодилами	—
Они — в Гуаме	143
Гуама	—
В болотных протоках	145
Заповедник	—
Первое знакомство	146
Не те крокодилы	—
Храбрецы, трусы и лежебоки... ..	147
Драчуны	148
Манхуари	149
Яма	150
Скрюченный крокодил	151
Как ловят крокодилов	152
Крокодилята	154
Прощай, Эрнандо!	156
НОЧНЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ	157

В ДАЛЬНИХ СТРАНАХ

ЧТО Я ВИДЕЛ В ИНДИИ	163
Два города	164
Калькутта	—
Мангуст	165

Автомобиль в кустах	167
Про тигра	168
Резиновые деревья	—
Мастер	169
Дорога	170
Хануман	171
Рама и Сита	—
Пылающие демоны	172
Береги рубашку!	173
Очень много языков	174
Мальчик из Мадраса	175
ЧТО Я ВИДЕЛ В ТАНЗАНИИ	176
Дар-эс-Салам	177
Океан	—
Акула	178
Деревянные человечки	—
Трактор	179
Музей в Багамойо	—
Восстание на корабле	180
Школа	181
Огород	182
В заповеднике	—
Засуха	183
Дождь	—
«Разлинованный ослик»	185

Серия «Школьная библиотека»
Для младшего школьного возраста
Сахарнов Святослав Владимирович
В ГОСТЯХ У КРОКОДИЛОВ
РАССКАЗЫ И СКАЗКИ

Ответственный редактор *Н. Е. Дубань*
Художественный редактор *Е. М. Ларская*
Технический редактор *Е. П. Кудиярова*
Корректоры *Т. Г. Люборец, В. Н. Дробышева*
Компьютерная верстка *К. В. Москалев*

ЛР № 010003 от 28.08.96

Сдано в набор 23.03.99. Подписано к печати 20.03.00.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Бум. офсетная № 1. Шрифт «Школьный».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,08. Уч.-изд. л. 7,73
Тираж 50 000 экз. (1-й з-д 1 – 5000 экз.) Заказ № 1422.

Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство
«Детская литература» Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.
103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Сахарнов С. В.
С 22 В гостях у крокодилов: Рассказы и сказки/Худож.
А. Аземша; Предисл. О. Орлова; Оформл. серии
С. Любаева. — М.: Дет. лит., 2000. — 191 с.: ил. —
(Школьная б-ка).

ISBN 5-08-003906-X

В книгу входят лучшие произведения писателя, рассказываю-
щие о жизни животных разных стран.

УДК 820/89-93

ББК 84 Р7

МОНАХОВ
АЛЕКСАНДР

ISBN 5-08-003906-X

9 785080 039065